

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1907, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

И

Товарища Предсѣдателя Н. О. Янгука.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., д. с.

1907.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Изъ воспоминаній этнографа. IV. <i>С. К. Кузнецова</i>	1
II. Алеша Поповичъ и Иванъ Гоодиновичъ въ Финляндіи. <i>В. П. Мансикка</i>	
III. Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ свя- тыхъ. <i>А. В. Маркова</i>	42
IV. Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе. <i>А. С. Хаханова</i>	49
V. Историческое развитіе этнографіи <i>В. Н. Харузиной</i> .	
VI. Смѣсь:	
1. Полиандрія въ Африкѣ. <i>А. Н. Максимова</i>	
2. Укусъ у русскихъ крестьянъ. <i>Д. К. Зеленина</i>	
3. Кургомнскіе причеты. По записи <i>С. В. И.</i> , сообщеніе <i>Н. Козмина</i>	
4. Вѣли Новгородской губерніи. По записямъ <i>воспитанниковъ</i> Новг. учт. семинаріи, сообщеніе <i>А. Суворовскаго</i>	
5. Изъ рукописныхъ матеріаловъ <i>С. Раевского</i> , сообщеніе <i>Е. Н. Е-ой</i>	
6. Олянь. Киргизская любовная пѣсня. <i>А. А. Диваева</i>	96
7. Киргизскіе афоризмы <i>А. А. Диваева</i>	97
VII. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
<i>Révélez. Rassen und Geisteskrankheiten. В. Н. Х-ой (98).—</i> <i>De Millioné Bod—Joul ou Tibet. Е. Н. Е-ой (101).—Weber.</i> <i>Die Literatur der Babylonier und Assyrier. Е. Н. Е-ой (102).—</i> <i>Ulmer. Hammurabi, sein Land und Seine Zeit. Branden-</i> <i>burg. Phrygien und seine Stellung im Kleinasiatischen Kul-</i> <i>turkreis. Е. Н. Е-ой (103).—Pradel. Griechische und südita-</i> <i>lienische Gebete. Е. Н. Е-ой (104).—Delehaue. Les légendes</i> <i>bagiographiques. Е. Н. Е-ой (105).—Мошковъ. Новая теорія</i> <i>происхожденія человека и его вырожденія. А. Н. Максимова</i> <i>(106).—Перетцъ. Новые данныя для исторіи старинной украин-</i> <i>ской лирики. А. Л. Маслова (107).—Гр. Уварова. Матеріалы</i> <i>по археологіи Кавказа. Вып. XI. А. С. Хаханова (108).—Бей-</i> <i>линъ. Странствующія повѣсти въ древнераввинской письмен-</i> <i>ности. Е. Н. Е-ой (109).—Записки Восточ. Отд. Имп. Русс.</i> <i>Археологическаго общества. Е. Н. Е-ой (110).—Ежегодникъ</i> <i>Тобольскаго Музея. Вып. XV. Н. В. Васильева (111).—Больша-</i> <i>ковъ. Община у зырянъ. В. П. Нилимова (113).—Лыко-</i>	

шинъ. О гаданіи у среднеазиатскихъ туземцевъ. *Е. Н. Е—ой.* (123).—*Maansiikka. Das Lied von Ogoi und Novatitsa. H. C. T-го.* (124).—Борисовъ. У самоѣдовъ. *Вл. Б.* (125).—Шайжинъ. Олонецкіе водопады. *Вл. Б.* (127).—Отвѣтъ г. Абрамову. *Д. К. Зеленина.* (129). 98

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 132
3. Новости этнографической литературы 138

VIII. Хроника:

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1905—1906 годъ.—70-лѣтній юбилей И. Е. Забѣлина.—75-лѣтіе дня рожденія Эд. Тэйлора.—Некрологи: Н. К. Зейдлицъ, Р. Р. Штакельбергъ, А. Билештейнъ.—Собраніе сочиненій С. В. Максимова.—О трудахъ Э. К. Пекарскаго по Якутскому фольклору.—Этнографическая выставка въ Петербургѣ.—15-лѣтіе «Правосл. Благовѣстника».—Черниговское Епархіальное Древлехранилище.—Общество для изслѣдованія Приднѣпровья.—Международная ассоціація для изслѣдованія Центральной Азіи.—Союзъ изслѣдователей фольклора «F F».—Погребальныя статуэтки.—Вновь открытыя греческіе попирусы.—Древне-египетскіе домики для душъ.—Древнія китайскія зеркала.—Къ изученію цыганъ.—Возрожденіе еврейскаго языка.—Къ изученію нѣмецкаго сѣвера.—Нѣмец. этнографическія экспедиціи.—Въ центральную Америку и Мексику.—Вымирающія племена Патагоніи.—О племені «паэсъ».—О Бали.—Преданія и мины «моану».—Дѣтская игра «lufambo».—Премія солонкамскаго земства 145

- IX. Объявленія объ изданіяхъ 163

Изъ воспоминаній этнографа.

III. *)

Миссіонерство въ эпоху мултанскаго процесса. Эксперты-миссіонеры Верещагинъ и Ергинъ. Ныѣшніе миссіонерскіе приходы. Еп. Никонъ среди уржумскихъ черемисъ въ 1904 г. О чемъ могло бы духовенство бесѣдовать съ преосвященнымъ: 1) секта „большой свѣчи“ (*хулу сорта*); 2) ревнитель язычества Александръ Тамшинерскій; 3) молодежь и старое поколѣніе ивородцевъ; 4) богослуженіе на черемисскомъ языкѣ. Я уклоняюсь отъ встрѣчи съ еп. Никономъ. Дѣятельность сарапульскаго викарія по уничтоженію язычества. Исполнители его воли. Характеристика стариннаго миссіонерства. Миссіонеръ Танаевскій. Уничтоженіе Юманурской языческой рощи. Миссіонеръ по призванію—о. Сергій Увицкій. Случай изъ его практики.

Послѣ того какъ я остановился на способахъ закланія жертвы черемисами и вотяками, способахъ столь мало извѣстныхъ, что эксперты со стороны обвиненія на мултанскомъ процессѣ измышляли невѣроятныя подробности, лишь бы приспособить странное убійство нищаго Матюнина къ жертвенному закланію вотяковъ,—умѣстно будетъ, какъ мнѣ кажется, спросить, что же дѣлали отцы миссіонеры въ эпоху мултанскаго процесса?

Отвѣчать приходится, крѣпко подумавши. Да и есть надъ чѣмъ. Во-первыхъ, настоящихъ миссіонеровъ раньше было чрезвычайно мало, да и сейчасъ ихъ очень немного среди черемисъ и вотяковъ; во-вторыхъ тѣ, которые выдавали себя въ ту пору за таковыхъ, опираясь на назначеніе ихъ на этотъ постъ епархіальною властью, были ниже самой снисходительной критики. Въ эпоху мултанскаго процесса оставался единственный настоящій вотскій миссіонеръ—о. діаконъ *Верещагинъ*, полувотякъ по происхожденію, человекъ очень знающій и очень скромнаго о себѣ мнѣнія. Кромѣ него можно было назвать дядю и племянника *Кана-*

*) См. „Этн. Обзор.“ кн. LXVIII—LXIX, стр. 29—51.

чинскихъ: протоіерея и благочиннаго въ с. Новомъ Мултанѣ— о. Іоанна, и о. Владимира въ с. Селтаѣ.

Надѣвъ рясу послѣ долгихъ лѣтъ учительства среди вотяковъ, о. діаконъ Верецагинъ отрѣзалъ себя отъ инородческаго міра, и ему стало крайне трудно теперь наблюдать вѣрованія вотяковъ. Этимъ объясняется, что онъ не успѣлъ изучить таинственныхъ жертвоприношеній кереметнаго характера, каковы у вотяковъ «послѣдняя жертва» (бэр высь) и моленіе грозному *Акташу* («бѣлому камню», какъ-бы собирающемуся свалиться съ одного изъ крутыхъ склоновъ глубочайшаго оврага въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губ.). О. діаконъ честно заявилъ объ этомъ суду въ Мамадышахъ и самъ себя отстранилъ, такимъ образомъ, отъ рѣшенія вопроса о потаенныхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ у вотяковъ. Тщетно было потомъ его увѣреніе, что за 25-лѣтнее знакомство съ вотяками не встрѣтилъ онъ ни единого слѣда человѣческихъ жертвоприношеній: судъ не обратилъ вниманія на его заявленіе, сопровождавшееся слезами.

Въ сторонѣ осталось аналогичное письменное заявленіе суду настоятеля церкви с. *Стараго Мултана*, покойнаго о. *Чемоданова*, 40 лѣтъ священствовавшего въ этомъ селѣ. Зато судъ со вниманіемъ слушалъ показаніе эксперта обвиненія, о. *Ивана Ергина*, прослужившаго въ Старомъ Мултанѣ годъ или два. Анализъ его показанія выясняетъ одно: о. Иванъ, проѣзжая однажды мимо священной рощи вотяковъ, *видѣлъ дымъ...* И только! Но онъ сообщилъ массу слуховъ и соображеній, своихъ и чужихъ, причемъ одни были невѣроятнѣе другихъ.

Объ экспертизѣ покойнаго проф. И. Н. Смирнова, состоявшей изъ сплошныхъ натяжекъ, я теперь не говорю: этому будетъ посвящена особая глава.

Минувшимъ лѣтомъ я видѣлъ о. *Ивана* и поинтересовался узнать, что заставило его, опираясь на столь жалкія свѣдѣнія, категорически утверждать то, чего не существуетъ въ вотскихъ вѣрованіяхъ? Онъ сослался на свое *внутреннее убѣжденіе...* Съ такими людьми бесѣдовать совершенно бесполезно: присущаго ихъ натурѣ упрямства, построеннаго на убѣжденіи (sic!) безъ фактовъ, не прошибешь никакими доводами. Но въ вопросахъ вѣры, въ дѣлахъ судебныхъ, именно подобные

люди задають тонъ, и иногда за ними надолго остается руководящая роль.

Замѣчательно, что мултанскій процессъ вызвалъ цѣлую литературу сказаній о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», но въ этой литературѣ больше проглядываетъ ергинское убѣжденіе, чѣмъ строгая фактичность. А значительное количество батюшекъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ бытомъ инородцевъ, были прямо-таки за обвиненіе мултанскихъ вотяковъ. По ихъ мнѣнію, такое обвиненіе было бы уже потому полезно, что надолго отвратило бы вотяковъ отъ склонности къ язычеству, котораго-де они придерживаются потому, что совсѣмъ отвыкли отъ всякихъ строгихъ мѣръ добраго стараго времени...

Въ настоящее время при духовныхъ академіяхъ существуютъ миссіонерскія отдѣленія съ двухгодичнымъ курсомъ, выпускающія, такъ сказать, патентованныхъ, дипломированныхъ миссіонеровъ. Очень часто въ Казанской академіи эти курсы проходятъ учителя изъ инородцевъ, кончившіе курсъ въ Казанской инородческой семинаріи, миссіонерская карьера которыхъ бываетъ обезпечена наилучшимъ образомъ: въ чисто *миссіонерскихъ* приходахъ они получаютъ 600 р. въ годъ при готовой квартирѣ, хотя безъ руги съ прихожанъ, но съ платой за требы, которая колеблется отъ 150 до 300 рублей; кромѣ того, какъ и во всѣхъ старыхъ инородческихъ приходахъ, причту отведена пахотная земля. Жить и трудиться на пользу просвѣщенія инородцевъ имъ вполне возможно, тѣмъ болѣе, что пастырь говоритъ на языкѣ своихъ прихожанъ, а нерѣдко и самъ, до поступленія въ школу (иногда и дольше), оставался язычникомъ. Такихъ миссіонеровъ я знаю много, а лично знакомъ съ десяткомъ подобныхъ лицъ. Однако, и у этихъ миссіонеровъ рѣдко встрѣчается надлежащее, *цѣлостное* знаніе нравовъ и обычаевъ своихъ пасомыхъ; часто они лишены всякой инициативы и рѣшительно не знаютъ, съ которой стороны взяться за дѣло.

Бывшій вятскій епископъ *Никонъ*, объѣзжая епархію въ 1904 г., во время своихъ остановокъ въ инородческихъ приходахъ Уржумскаго уѣзда, часто бесѣдовалъ съ окрестнымъ духовенствомъ. Рѣчь сводилась не къ тому, какъ бы упорядочить миссіонерское дѣло,—ибо самаго дѣла нѣтъ и не было, а есть только его *призракъ*,—но какъ приступить къ этому дѣлу, съ

чего начать? Всюду наталкивался преосвященный на одинъ почтительный отвѣтъ:

«Какъ прикажете, ваше преосвященство...».

Но бѣда въ томъ, что, по незнакомству съ языкомъ и вѣрованіями инородцевъ, преосвященный и самъ не зналъ, за что приняться, поэтому не могъ отдать никакого приказанія.

А между тѣмъ было о чемъ поговорить... Но отцы благочинные, даже послѣ вкушенія вина и сикера, упорно отмалчивались. Выступить рядовому священнику было неловко: если вынесешь соръ изъ своего прихода, тебѣ же непріятность; тронешь чужой приходъ—сживуть со свѣту. И безъ того кляузничество въ эту пору въ Уржумскомъ и Яранскомъ уѣздахъ было страшное; особенно много жалобъ поступало благочиннымъ на священниковъ изъ инородцевъ, которыхъ священники-семинаристы считаютъ вообще *недостойными* занимаемаго ими положенія — священства.

А факты были вопіющіе, и какъ бы хотѣлось отвести душу, непременно побесѣдовать на счетъ ихъ!

Во-первыхъ, появившаяся въ 1880 г. въ предѣлахъ Яранскаго уѣзда, среди язычниковъ, секта *куй-сорта* («большая свѣча») сильно теперь окрѣпла и начала радіусами разрастаться во всѣ стороны. Мѣстныя власти (свѣтская и духовная) дѣйствовали дружно въ союзѣ и добились ссылки въ Сибирь основателя секты. Онъ пробылъ тамъ около 6 лѣтъ и по коронаціонному манифесту вернулся въ родные края, съ правомъ жить въ г. Царевококшайскѣ Казанской губ. Нѣкоторое время онъ руководилъ сектой издали; но вотъ уже пять-шесть лѣтъ онъ стоитъ въ сторонѣ, поставивъ сектантамъ новаго главу, живущаго близко къ центральной святынѣ черемись.

Теперь получается такая картина: на разстояніи немногихъ верстъ другъ отъ друга живутъ — глава новой секты и глава всего черемисскаго язычества, живутъ совершенно мирно, дѣйствуютъ съ большимъ тактомъ, съ большою терпимостью. Нынѣшнимъ лѣтомъ я посѣтилъ обоихъ, и если послѣдній мнѣ понравился, то первый прямо очаровалъ меня.

Чего же хочетъ секта *куй-сорта*? Въ моихъ рукахъ есть *исповѣданіе вѣры*, написанное основателемъ секты, я видѣлъ весь ритуаль этой секты и скажу: *секта куй-сорта есть бла-*

городнѣйшее явленіе на фонѣ язычества, съ его кровавыми жертвами, съ его вѣрой въ кереметей. Это—чистая и возвышенная вѣра въ единого Великаго подателя бога (*Кугу нѣйри-Юмо*). Устранивъ кровавыя жертвы, какъ унижающія божество, секта отвергаетъ огонь, какъ очищающую стихію, а признаетъ таковою воду. Поэтому мѣсто моленія всегда соединяется съ текущей влажной стихіей (ручьемъ, рѣчкой, ключемъ), помощью протянутого холста, а при отсутствіи текучей воды холстъ соединяется съ колодцемъ. Сектанты ведутъ очень воздержный образъ жизни, избѣгаютъ пьянства, а между собою живутъ очень дружно, принимая въ свою среду крайне осмотрительно, послѣ продолжительнаго испытанія. И хорошо дѣлаютъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, памятуя ссылку въ Сибирь основателя секты, они совершаютъ свои богомоленія крайне секретно: или въ подпольѣ, или при закрытыхъ ставняхъ, и донынѣ никто еще не могъ похвастаться, что присутствовалъ на ихъ моленіяхъ. Обстановка моленій проста до крайности: Великому богу приносится въ жертву мука, масло и хлѣбъ въ зернѣ; отогнаніе шайтана совершается деревяннымъ мечомъ, обшитымъ холстомъ, такъ какъ желѣзные издѣлія не допускаются. Всѣ предметы культа располагаются на простомъ деревянномъ столѣ о четырехъ ножкахъ; на другомъ (берестяномъ) столѣ ставится приносимая Богу жертва; посрединѣ берестянаго водружена солиднѣйшихъ размѣровъ и до трехъ пудовъ вѣсомъ восковая свѣча. Это и есть *кугу-сорта*, зажигаемая во время моленія. Молитва Великому богу-подателю немногимъ чѣмъ отличается отъ молитвъ, читаемыхъ въ рощахъ, но она внушительнѣе, потому что не пестрѣетъ именами массы боговъ, ихъ женъ, докладчиковъ и ангеловъ.

Мѣстное духовенство ровно ничего не сдѣлало для изученія секты; оно не знаетъ, что секта оазисами распространена по всему уѣзду, дошла уже до границы Малмыжскаго и прихватила часть Царевококшайскаго уѣзда. Оно и не подумало воспользоваться ею, чтобы окончательно уронить разорительныя для черемисъ кровавыя жертвы. Но оно попытало свое обычное оружіе—*доносъ*, и худшіе изъ представителей священства обвинили кугусортинцевъ ни болѣе, ни менѣе... какъ въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, въ кощунствѣ надъ Божіей Матерью и Николаемъ угодникомъ... Къ вѣщшему позору доносчиковъ, дѣло

кончилось строгимъ для нихъ выговоромъ и оправданіемъ невинныхъ жертвъ.

Во-вторыхъ, незадолго передъ проѣздомъ преосвященнаго безславно кончилъ свои дни ярый пропагандистъ кровавыхъ жертвъ, уроженецъ дер. Тамшинеръ — язычникъ *Александръ*. Опираясь на сонъ, въ которомъ онъ видѣлъ Великаго бога, явившагося ему въ благолѣпномъ бѣломъ черемисскомъ одѣяніи, съ высокимъ посохомъ въ рукахъ, Александръ требовалъ, чтобы черемисы были усерднѣе къ своей старой *Адамовой* вѣрѣ. Онъ настаивалъ на большей торжественности языческаго богослуженія; онъ требовалъ, чтобы *никто* изъ черемисъ не смѣлъ работать, если увидить развѣвающійся надъ кюсотомъ (священною рощей) бѣлый изъ пеньковаго холста флагъ, но настаивалъ также, чтобы въ дни жертвоприношенія въ рощѣ былъ караулъ и не допускали никого посторонняго. Тамъ, гдѣ его слушали, онъ устроилъ прочныя алтари предъ священными деревьями, посоветовалъ обнести рощи высокою оградой, при чемъ часто ведущія внутри ворота запирались теперь на замокъ.

Въ виду замѣченныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ покражъ свинцовыхъ подвѣсокъ на священныхъ деревьяхъ, онъ рекомендовалъ опоясывать эти деревья не иначе, какъ на высотѣ полутора сажень, для чего устраивалась около престола легкая лѣстница съ рѣдкими ступеньками. Александръ снова ввелъ полузабытый древній головной уборъ жрецовъ — конусообразный шлыкъ изъ бѣлаго холста, который мы видимъ на рисункѣ у *Олеарія*; онъ возстановилъ также древній обычай вѣшать на священномъ деревѣ голову и хвостъ жертвеннаго животного; онъ настоялъ бы и на томъ, чтобы туда же вѣшали самую шкуру, какъ сейчасъ дѣлаютъ это кой-гдѣ въ Уфимской губ., но... нравы такъ пали, что шкура была бы украдена въ первые же дни. Онъ внесъ въ молитву верховному Богу особое прошеніе «объ избавленіи отъ мошенника-исправника, отъ мошенника-попа и отъ всякаго мошенника-чиновника»...

Александръ появлялся на каждомъ моленіи въ предѣлахъ Уржумскаго уѣзда; онъ всегда развѣзжалъ въ плетюшкѣ, на собственной лошади и непремѣнно вмѣстѣ съ богато одѣтой женой, наряды которой залиты были серебромъ. Вліяніе Александра было громадно, авторитетъ его — неотразимъ. Самъ главный сновидецъ,

іерархъ язычества, долженъ былъ на время стушеваться, и только главнѣйшая языческая святина—кѹправ-солѹнскій кюсотъ, этотъ Іерусалимъ язычниковъ, остался внѣ вліянія Александра. Но на одномъ моленіи онъ обѣлся плохо проваренной колбасы *ток-тѣ*) изъ конины и въ мученіяхъ умеръ... Съ нимъ умерла и попытка реставрировать черемисское язычество въ древнемъ его обликѣ, о которомъ у черемисъ долго еще не умолкнуть преданія. И кто знаетъ, не возродится ли оно еще?

Что же дѣлало духовенство въ ту пору, когда всѣ и все говорило объ Александрѣ? Оно обвинило его въ томъ, что онъ *звелъ идоловъ* въ черемисскую старую вѣру и, какъ на образчикъ, указало на полоторасаженную куклу изъ хвороста, съ бычачьимъ черепомъ и хвостомъ, водруженную Александромъ въ кюсотъ дер. *Вичмарй*, близъ села *Лопьял*. Урядникъ составилъ надлежащій актъ и пустилъ дѣло по инстанціямъ, а мѣстный поэтъ и самоучка *А. П. Грудцынъ* напечатавъ въ «Вятскомъ Краѣ» забористый фельетонъ, содержаніе котораго обошло всю Россію.

Передъ самымъ проѣздомъ преосвященнаго я посѣтилъ дер. *Вичмари*. Изъ с. *Лопьяла* я взялъ стражника, изъ дер. *Пилей* (гдѣ волостное правленіе)—урядника, а староста, сотскій, вичмаринскій картъ (жрецъ) и Грудцынъ съ сыномъ сопровождали насъ по собственному желанію.

Дорогой въ рощу я высказалъ свой взглядъ на идола. По моему, это совсѣмъ не идолъ, а просто: 1) *вѣтничекъ* изъ березовыхъ вѣтокъ, черезъ который пробовали скотину, поливая ее водой; 2) *вѣтка липовая съ развилиной* (*сѣнѣкъ вѣштър*), съ помощью которой гадали, угодна ли будетъ богу жертва; 3) *поясъ* изъ лыка (*ѳѳштѣ*), украшенный условными знаками, обозначающими число вкладчиковъ, а также количество и родъ принесенныхъ этому богу жертвъ; 4) *свинцовый слитокъ* (*бѣлнѣ*), получившійся при отливаніи на щекѣ топора, когда спрашивали бога: тотъ ли родъ жертвы ему предназначаютъ, какой слѣдуетъ? Въ липовую вѣтку съ развилиной,—говоритъ я,—должны быть воткнуты всѣ кусочки липовой коры (*турѣж*), срѣзанные при гаданіи; тутъ же, вѣроятно, помѣщены 9 кусочковъ мяса, отрѣзанныхъ отъ разныхъ частей жертвы. Все вмѣстѣ это должно составлять нѣчто въ родѣ вѣника, не больше. Голова же и хвостъ жертвы

могутъ быть добавлены лишь какъ доказательство, что принесена именно та жертва, которая указана богомъ въ гаданіи.

Одинъ только картъ былъ исполнѣ согласенъ со мной, а Грудцыны отстаивали, что это—громадный идолъ.

Ворота въ кюсоть были заперты: пришлось лѣзть черезъ ограду. Ударившись прямо на полдень, я скоро вышелъ на поляну съ рядомъ священныхъ деревьевъ. Вездѣ были устроены солидные престолы (*шійы*), треноги для котловъ сдѣланы не изъ жердей, а прямо изъ бревенъ. На среднемъ деревѣ, посвященномъ богу вѣтра (*мардѣж он*), укрѣпленъ былъ пресловутый идолъ. Урядникъ, поддерживаемый стражникомъ, влѣзъ сначала на престолъ, оттуда по перекладинамъ добрался до идола. Всѣ напряженно смотрѣли на эту процедуру. Я вновь пересчитывалъ всѣ составныя части идола, а урядникъ твердилъ: «Такъ точно!». Все было налицо, кромѣ идола. Теперь я попросилъ смѣрять длину.

— Осмѣлюсь доложить,—говоритъ урядникъ,—сашка у меня аршинъ съ четвертью безъ рукоятки... А тутъ выходитъ... такъ что ровно аршинъ будетъ долины этотъ самый вѣникъ.

— Ну, а есть руки и ноги у идола?

— Никакъ нѣтъ! Что вы обсказывали, только то и есть.

— Хорошо, слѣзайте теперь.

Пошли обратно. Я и говорю уряднику:

— Какъ же это вы составили невѣрный актъ осмотра? Вѣдь, никакого идола-то и нѣтъ...

— Вижу, ваше-скородіе, большая ошибка вышла у меня... Но повѣрите ли: вотъ эти (онъ съ презрѣніемъ указалъ на отца и сына Грудцыныхъ) клялись и божились, что сами видѣли идола. А сынъ Грудцына на огородѣ устроилъ у себя чучелу съ бычьей головой и хвостомъ, съ рукамъ и ногамъ... Ужъ какъ онъ увѣрялъ, что точка въ точку призвелъ этого самого идола!.. Я, знаете... погода мокрая оченно была... такъ что полѣнился итти въ кереметище... Думаю, если божится Грудцынъ, значить—все вѣрно. Ну, обмѣрять, значить, эту чучелу и написать въ протоколъ...

— И совсѣмъ я не говорилъ,—заявилъ старшій Грудцынъ: это сынъ мой ходилъ въ рощу.

— Ходить-то я ходилъ,—возражаетъ Грудцынъ младшій: только при мнѣ идола черемисы еще не сдѣлали, а мнѣ обѣ

этомъ разсказаль послѣ руссковѣръ Яковъ. Съ этихъ его словъ я и сдѣлалъ чучелу...

— Вотъ, вѣрь имъ послѣ этого! Если вы, вашскородіе, были на переслѣдство по этому, значить, дѣлу, пожалуйста, не губите меня... Виновать, повѣрилъ обманщикамъ... Мой грѣхъ, я и отвѣтъ приму!

И урядникъ скорбно поникъ головой. Плутоватая улыбка искривила лицо жреца, и онъ что-то началъ шептать по-черемисски старостѣ и сотскому.

— Успокойтесь,—сказаль я послѣ нѣкоторой паузы уряднику:—я не для слѣдствія развѣзжаю, а просто интересуюсь разными вѣрами и порядками.

Урядникъ съ облегченіемъ вздохнулъ и мы молча пошли до дому.

Вотъ какъ у насъ пишется исторія инородцевъ! Пройдутъ долгіе годы и, «пыль отъ хартій отряхнувъ», историкъ XXIII вѣка будетъ, на основаніи подобныхъ документовъ, лгать про несчастныхъ инородцевъ...

Въ-третьихъ, отношеніе молодежи къ пожилымъ черемисамъ радикально измѣнилось, составляетъ самое больное мѣсто въ семейной жизни инородцевъ. Съ 1880 годовъ грамотность все усиливалась, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Теперь нерѣдкость встрѣтить молодого разсылку въ волостномъ правленіи, который хорошо говоритъ по-русски, но испытываетъ страшную нужду въ книгахъ для чтенія. А книгъ взять негдѣ; если есть нѣкоторыя изданія казанской переводческой комиссіи, то за нихъ нужно платить деньги. Переводческая комиссія разсылаетъ свои изданія священникамъ и учителямъ изъ инородцевъ только за плату, при чемъ не дѣлаетъ *никакой скидки*. Это обстоятельство отбиваетъ всякую охоту распространять изданія комиссіи.

Между тѣмъ въ дешевой, а особенно бесплатной книгѣ—большая нужда. Старое поколѣніе или держится язычества съ кровавыми жертвами, или уклоняется въ секту *кудъ сорта*, а молодежь устранивается отъ всего этого. Она не прочь бы прочесть старикамъ нѣкоторыя молитвы въ черемисскомъ переводѣ, да взять негдѣ! Припоминаются мнѣ двое юныхъ черемисъ, разсылокъ въ Кузнецовскомъ волостномъ правленіи. Оба почти со

слезами просили у меня книгъ, чтобы почитать роднымъ вслухъ, но со мной, къ сожалѣнію, ничего не было.

Эта вопіющая ненормальность напомнила мнѣ время Н. И. Ильминскаго: какъ заботливо относился покойный къ распространенію изданій комиссій! Съ его смертью точно душа отлетѣла отъ этого дѣла... Переводы, правда, выходятъ въ свѣтъ, но они ничѣмъ между собой не связаны; правописаніе мѣняется съ каждой книжкой; а встрѣчаются и такіе переводы, что одно и то же слово имѣетъ троякое начертаніе на одной страницѣ. Таковъ «Марла Календаръ» на 1907 г.

Во главѣ переводческаго дѣла стоитъ свящ. *Глезденевъ*, родной братъ *Мендіарова*, писавшаго въ «Этногр. Обозр.». Онъ теперь окончилъ въ Казанской академіи миссіонерскіе курсы, но, повидимому, оставленъ въ дѣлѣ переводовъ совершенно безъ контроля. Для такихъ людей это крайне опасно, потому что они пытаются все подчинить своей деспотической натурѣ. Особенно печально отразилось это своеволие на «Черемисскомъ календарѣ», представляющемъ шедевръ безконтрольности.

Въ Вятской епархіи этой стороной инородческаго дѣла совершенно не интересуются; ни о какой литературѣ для инородцевъ не заботятся. Единственное исключеніе сдѣлалъ вятскій преосвященный *Алексій* (позднѣе—экзархъ Грузіи), обязавшій всѣ инородческіе приходы приобрести книгу *Луппова*, «Миссіонерство среди вотяковъ Вятской епархіи». Но книга эта есть результатъ архивныхъ работъ, а не живого наблюденія, и изъ нея рѣшительно научиться ничему нельзя. Одинъ фактъ она устанавливаетъ неизменно: что духовенство неупустительно доносило всякій разъ по начальству объ уклоненіи вотяковъ въ язычество. Но мы напрасно стали бы искать въ этой книгѣ указанія на то, *какими способами* пыталось вятское духовенство вразумить вотяковъ отъ уклоненія...

Въ-четвертыхъ, пора бы вятскимъ преосвященнымъ обратить вниманіе на то, чтобы въ черемисскихъ приходахъ почаще служилась литургія на черемисскомъ языкѣ... А то вотъ въ с. Сѣрнурѣ, напр., одинъ изъ дьяконовъ хорошо знаетъ по-черемисски, но не хочетъ служить, потому что не получаетъ дьяконскаго оклада... Хорошо-ли это?

Въ-пятыхъ... Да что—въ-пятыхъ? Въ-седьмыхъ, въ-десятыхъ, въ-двадцатыхъ... И того мало! Когда десятками лѣтъ изучаешь народную жизнь, проникаешь во всѣ мельчайшіе ея изгибы, такихъ вопросовъ накапливается множество... Хочется подѣлиться съ человѣкомъ знающимъ посильнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Но гдѣ взять человѣка знающаго? Если бы еще власть имущіе пытались разыскивать и выслушивать такихъ людей... Но и этого нѣтъ. Невольно припомнилась мнѣ созданная при министрѣ нар. просвѣщенія В. Г. Глазовѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Будиловича, комиссія по вопросу о просвѣщеніи инородцевъ. Въ составѣ этой комиссіи, кромѣ профф. Машанова и Н. О. Каланова изъ Казани да г. Остроумова изъ Ташкента я не встрѣтилъ въ спискѣ членовъ ни одного лица, обладающаго знаніемъ языка и быта инородцевъ. Мало попало туда трудолюбивыхъ пчелъ...

Всѣ эти и имъ подобныя мысли приходили мнѣ въ голову, когда я, заблаговременно запасшись въ г. Уржумѣ маршрутомъ преосв. Никона, намѣревался встрѣтиться съ нимъ въ селѣ Т., гдѣ назначенъ былъ ночлеги. Но мнѣ пришло въ голову, что рѣчи мои, основанныя на фактахъ инородческой жизни, только смутятъ лазурное архиастырское спокойствіе, покажутся непрошеннымъ вмѣшательствомъ, а дѣло едва-ли поправятъ...

И въ двухъ верстахъ отъ ночлега преосвященнаго я круто свернулъ въ сторону... чтобы побесѣдовать со вдовой Александра Тамшинерскаго на счетъ ея покойнаго мужа и его организаторской дѣятельности по возстановленію древняго язычества.

Изъ этого объѣзда еп. Никономъ своей инородческой паствы такъ ничего и не вышло, и онъ вскорѣ перешелъ въ другую епархію...

Немного ранѣе въ Сарapulѣ былъ викаріемъ епископъ... (не назову его имени). Чуждый семинарскому и духовно-академическому образованію, не то морякъ, не то военный по своей мірской карьерѣ, онъ хотѣлъ быстро, по командѣ, свести язычество на-нѣтъ. Русская жизнь ужъ такъ устроена, что было бы кому приказать, а исполнители всегда найдутся. Нашлись и въ этомъ случаѣ. Епископъ сарapulскій быстро сообразилъ, что совершенно излишне, довольно обременительно, а главное—безполезно изучать вѣрованія черемисъ. Стоитъ ли того? Вѣдь, извѣстно, что черемисы молятся въ рощахъ, что ихъ вожаками въ дѣлѣ

вѣры являются сновидцы и карты. Достаточно вырубить рощи, штрафовать сновидцевъ и картовъ за каждое жертвоприношеніе (о чемъ уже позаботился епископъ вятскій Алексій ¹⁾), и язычество останется безъ почвы, исчезнетъ.

Если бы черемисы боготворили деревья, а сновидцы и карты дѣйствовали бы только изъ *корыстныхъ побужденій*, какъ думаютъ до сихъ поръ власти и духовенство, такое заключеніе было бы еще сносно. Но здѣсь повторилась старая ошибка, которую совершилъ еще въ 1828 г. митрополитъ московскій Филаретъ. Пожелавши уничтожить среди черемисъ почитаніе керемета Чумбулата, святилище котораго находилось на утесистомъ береговомъ выступѣ р. Немды, митрополитъ Филаретъ настоялъ, чтобы утесъ былъ взорванъ порохомъ, и такимъ образомъ, казалось ему, уничтожилъ «мнимое божество» черемисъ. Но это только *казалось*; на самомъ же дѣлѣ черемисы чтутъ *духа*, именуемаго *Чумбулатомъ*, и повсемѣстно ему донинѣ поклоняются, хотя старинная обитель божества разрушена.

Исполнителями воли сарapulьскаго епископа явились два инородческихъ священника: одинъ—рожденный въ язычествѣ, крестившійся лѣтъ 18-ти, долго пробывшій учителемъ, другой—рожденный въ христіанской семьѣ, но быстро составившій себѣ духовную карьеру. Если первымъ руководило искреннее желаніе просвѣтить единоплеменниковъ, то другой старался ради одной карьеры, чтобы поправить пошатнувшуюся отъ распущенной жизни репутацію.

Событія шли быстро. Набравъ понятыхъ изъ русскихъ и русско-вѣровъ-черемисъ, два іерея храбро вторглись въ *кюсотъ*, самую почитаемую священную рощу близъ теперешняго миссіонерскаго села *Кюпранъ-солъ* водрузили деревянный крестъ и скомандовали рубить священные деревья. Сначала язычники оторопѣли и въ оцѣпенѣнніи смотрѣли, какъ начали валиться вѣковые деревья, а потомъ вспомнили, что еще въ 1860 г. по Высочайшему пове-

¹⁾ На основаніи распоряженія вятскаго губернатора, черемисскихъ жрецовъ начали привлекать за уклоненіе въ язычество и штрафовать. Штрафы колебались, по усмотрѣнію земскихъ начальниковъ, отъ 10 коп. до 100 рубл. Къ сто-рублевому штрафу былъ, напр., приговоренъ въ 1904 г. самъ главный черемисскій сновидецъ.

лѣнію эта роща отдана была имъ *навсегда* для совершенія языческихъ жертвоприношеній. Вспомнили и взялись за дубины...

Произошла свалка. Понятые были разбиты и пошли на утѣкъ, а миссіонеры въ суматохѣ спрятались въ подпольѣ дома русскофѣра *Абрама Токметева*, на имя отца котораго адресована была нѣкогда бумага на счетъ священной рощи. Странная иронія судьбы! Дѣдъ Абрама былъ главой язычества и организовалъ большое моленіе въ 1828 г., отецъ ходатайствовалъ передъ властями о сохраненіи рощи для язычниковъ, а внуку суждено было спасти отъ вѣрной смерти миссіонеровъ, посягавшихъ на древнюю святыню его предковъ...

Двое сутокъ просидѣли отцы іереи въ подпольѣ, пока не улеглись страсти и не умолкли громкія угрозы разъяренныхъ черемисъ. За это время миссіонеры достаточно натерпѣлись отъ страха и голода. Они успѣли даже, будто-бы, исповѣдать одинъ другому свои грѣхи...

Затѣя епископа сарапульскаго не получила одобренія, и его перевели. Миссіонеръ-карьеристъ запилъ горькую и уже три года подъ запрещеніемъ, а другой, самъ по себѣ очень симпатичный, рѣзко измѣнилъ свои приемы къ лучшему. И то слава Богу!

Таково миссіонерство въ новѣйшемъ времени, въ его безпристрастномъ освѣщеніи.

Старое время дѣйствовало въ этомъ случаѣ также безъ особой подготовки. Въ предѣлахъ Казанской епархіи при Грозномъ крестили массами, съ помощью принужденія и нѣкоторыхъ льготъ; въ XVIII в. преобладалъ приемъ викарія сарапульскаго: казанскій архіепископъ *Лука Конашевичъ* крестилъ многія тысячи инородцевъ. Миссіонеръ *Кафтанниковъ* въ началѣ XIX ст. такимъ же путемъ обращалъ вотяковъ въ Глазовскомъ уѣздѣ. Прimitивный способъ крещенія, безъ предварительной подготовки крещаемого, господствовалъ еще въ 60-хъ годахъ. Скуфья, набедrenникъ и камилавка поощряли сельскихъ батюшекъ къ усердію. Часто миссіонерствовали іереи безъ образованія, изъ простыхъ церковниковъ, постепенно возвысившіеся до священства.

Таковъ былъ въ Малмыжскомъ уѣздѣ священникъ *Михаилъ Танаевскій*, мой духовный отецъ въ пору ранней юности. Онъ считалъ бесполезною предварительную подготовку къ крещенію,

а соблазнялъ, главнымъ образомъ, льготою отъ рекрутства. По близости отъ родного моего города находится огромная (въ 500 слишкомъ душъ) деревня, съ 1866 г. сдѣлавшаяся селомъ. Населеніе здѣсь смѣшанное, но черемисы въ ту пору (конецъ 40-хъ годовъ) преобладали. Изъ четырехъ концовъ деревни, населенныхъ черемисами, три были болѣе или менѣе давно крещены, нѣкоторые — со второй половины XVIII в. Но одинъ конецъ упорно держался язычества, хотя и былъ наименѣе многочисленъ — всего 8 дворовъ.

Постепенно подговорилъ о. Михаилъ русскихъ и черемисъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Въ одинъ базарный день всѣ некрещенные домохозяева или сами собрались, или были уговорены другими потѣхать за покупками. Оповѣщенный объ ихъ прибытіи, батюшка явился въ облаченіи, а русскіе, завидя священника, начали тѣснить язычниковъ къ рѣкѣ, въ которую благополучно и загнали ихъ. Явились импровизированные воспріемники, и о. Михаилъ въ одинъ пріемъ окрестилъ всѣхъ ихъ... Иванами.

Дѣло было начато. Вернувшись домой, новокрещенные выдержали баталію съ семейными, а потомъ и послѣдніе, подъ давленіемъ окружающихъ, приняли постепенно христіанство.

За подобныя подвиги о. Михаилъ получилъ всѣ свои награды, и только протоіерейство досталось ему за 50-лѣтне служеніе въ священномъ санѣ.

Наряду съ такими миссіонерами изрѣдка встрѣчались симпатичные іереи, знакомые съ бытомъ инородцевъ и языкомъ. Назову для примѣра протоіерея Іоанна *Капачинскаго* въ с. Мултанѣ и его однофамильца-племянника — о. Владиміра въ с. Селтахъ. Совершая свое пастырское дѣло, они въ то же время внимательно изучали вѣрованія вотяковъ, а младшій трудился надъ словаремъ. Значительно полезнѣе могъ бы быть въ дѣлѣ обращенія вотяковъ свящ. Борисъ *Гавриловъ* (изъ крещенныхъ татаръ), превосходно знавшій вотскій языкъ, но его сгубило невоздержаніе.

Среди черемисъ, какъ я сказалъ выше, миссіонерство было до послѣдняго времени поставлено совсѣмъ плохо. Для легчайшаго обращенія преимущественно примѣнялся тотъ или иной видъ насилія. Такъ, въ Уржумскомъ уѣздѣ посланный митрополитомъ Филаретомъ миссіонеръ *Покровскій*, при содѣйствіи татарина-

исправника, въ одну недѣлю крестилъ и *укрѣпилъ* въ православіи немного и немало — 369 душъ! Въ Яранскомъ уѣздѣ духовенство, не видя толку отъ своей проповѣди, вспомнило, какъ митрополитъ Филаретъ велѣлъ уничтожить Чумбулатовъ камень на р. Немдѣ, и подговорило одного плутоватаго мельника вырубить древнюю Юманурскую рошу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Яранска. Поступокъ мельника донынѣ восхваляется мѣстнымъ духовенствомъ, величающимъ его «юманурскимъ Навуходоносомъ», какъ будто бы онъ разрушилъ черемисскій Іерусалимъ.

Отрадно, при наличности такихъ фактовъ, вспомнить величавыя фигуры немногихъ миссіонеровъ по призванію, дѣйствовавшихъ единственно путемъ убѣжденія, не прибѣгавшихъ ни къ насилію, ни къ доносамъ по начальству.

Вотъ, напр., о. Сергій *Увицкій* (сначала въ с. *Хлѣбниковѣ*, потомъ въ с. *Лопьялѣ*, Урж. у.). Нервная фигурка, средній ростъ при небольшой бородкѣ, вѣчно непокрытая голова... Покойный страхъ не любилъ шляпы и старался по возможности обходиться безъ нея, почему и погибъ отъ солнечнаго удара. О. Сергій былъ весьма словоохотливъ и пріятный собесѣдникъ, обладавшій прекрасною и образною русскою рѣчью. Безъ всякихъ побужденій свыше онъ изготовилъ переводъ на черемисскій языкъ чина исповѣди, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, символа вѣры и пр. Онъ настолько зналъ языкъ, что могъ бы перевести и литургію, но въ ту пору у насъ объ этомъ еще мало думали. Всѣ свои переводы покойный подарилъ мнѣ.

Присматриваясь къ быту своей черемисской паствы, о. Сергій легко замѣтилъ, что всего чаще черемисинъ прибѣгаетъ къ помощи языческихъ боговъ при разстройствѣ хозяйства, которое особенно быстро приходитъ въ упадокъ отъ нетрезвой жизни. На послѣднюю онъ и направлялъ свое обличеніе. Но надо было видѣть и слышать, какъ онъ умѣло дѣлалъ это! Приведу одинъ случай изъ практики о. Сергія.

Былъ въ его приходѣ черемисинъ Трофимъ, трезвый и набожный. Но случился съ нимъ грѣхъ: подпоили его на базарѣ и, вотъ, скача сломя голову домой въ пьяномъ видѣ, онъ испортилъ свою кобылу. Долго ходилъ онъ угрюмый, а потомъ сосѣди надоумили его, что онъ наказанъ кереметемъ за непочтеніе. Особенно жена набросилась на него. Онъ ее избилъ, а по

томъ раскаялся и повѣсилъ въ шалашѣ *сук*, т.-е. узелокъ съ мукой и серебряной монетой, какъ бы въ знакъ того, что принесть кереметю жертву, но умолчалъ объ этомъ предъ священникомъ. Спустя нѣкоторое время повезъ Трофимъ продавать на базаръ возъ овса, на этотъ разъ на лошади сосѣда, такъ какъ своя еще не поправилась. На базарѣ онъ роспилъ съ покупателемъ полуштофъ, радуясь выгодной продажѣ, и крѣпко захмѣлѣлъ. Чужая лошадь привезла его домой спящимъ. Жена растолкала своего благовѣрнаго и спрашиваетъ о деньгахъ. Хватился Трофимъ за карманъ кафтана, а тамъ пусто: деньги пропали вмѣстѣ съ платкомъ. Не говоря худого слова, жена взяла палку и крѣпко избива мужа. Отрезвѣлъ онъ вдругъ, отправился въ конюшню, отрѣзалъ отъ гривы жеребенка клокъ волосъ, пошелъ въ шалашъ и вложилъ этотъ клокъ въ ранѣ подвѣшенный узелокъ. Такимъ образомъ онъ пообѣщалъ теперь принести въ жертву кереметю жеребенка.

Между тѣмъ семейные раздоры, вызванные потерей значительной для черемисина суммы, разгорались все больше, и вѣсть о нихъ дошла до о. Сергія. Вызвалъ онъ Трофима и завелъ съ нимъ бесѣду. Отъ прежняго кроткаго русскова не осталось и слѣда: Трофимъ былъ полупьянъ и упрямо твердилъ, что ему все дѣло портить кереметь Чумбулатъ, поэтому онъ хочетъ дать ему жеребенка. Напрасно о. Сергій увѣрялъ черемисина, что бесполезно приносить жертву Чумбулату: до тѣхъ поръ пока Трофимъ не исправится, не броситъ пьянства,— не прекратятся домашнія непріятности, а ему будетъ казаться, что кереметь продолжаетъ мучить его по-прежнему. Трофимъ настаивалъ на своемъ и угрюмо заявилъ, что черезъ три дня онъ непременно принесетъ жертву.

Случилось такъ, что утромъ въ день жертвоприношенія я пріѣхалъ къ о. Сергію. Почтенный пастыръ задушевно принялъ меня и посвятилъ въ суть дѣла. Вечеромъ мы пошли въ рощу. Старикъ быстро зашагалъ впередъ, по обыкновенію безъ шляпы на головѣ.

Изъ рощи тянулась малюсенькая струйка дыма отъ разложеннаго небольшого костра. Видно было, что Трофимъ суетится около жеребенка. Непримѣтно вошли мы сбоку въ рощу и встали за группой деревьевъ, совсѣмъ близко отъ черемисина.

А Трофимъ въ это время усердно поливалъ изъ чашечки воду чрезъ еловый вѣвникъ на спину жеребенка. Но напрасно: вечеръ былъ теплый и душный, вода согрѣлась и нимало не беспокоила жеребенка, такъ что онъ и не подумалъ встряхнуться отъ воды, какъ бы слѣдовало.

— Слушай, Трофимъ,—началь о. Сергій вкрадчиво,—видно ты не съ того конца поливать началъ. Смотри, ладно-ли?..

Трофимъ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на насъ, но не сказалъ ни слова, а только насупился и продолжалъ свое дѣло. Но толку все нѣтъ. А о. Сергій ведетъ свою линію неуклонно.

— Эхъ, Трофимъ! Говорю тебѣ, не такъ: не отъ головы, а отъ хвоста къ головѣ поливать-то надо, вѣрно... Упрямя, вѣдь, кереметь!.. А жаль мнѣ тебя: славный ты былъ парень, къ церкви усердный... То-ли дѣло, кабы ты помолился со мной въ церкви! Ужъ такой-ли бы молебенъ хорошій отслужилъ я Всемилостивому Спасу... Право слово! И жеребенокъ твой остался бы цѣль...

А Трофимъ все молча, не спѣша, поливаетъ да поливаетъ жеребенка... Вдругъ жеребенокъ лѣниво повелъ головою въ сторону и слабо, какъ бы нехотя, фыркнулъ. Трофимъ мигомъ произнесъ: «Ой, рахмать!» (Ой, спасибо!) и пересталъ поливать, а взялся за головешку, чтобы окурить жеребенка.

О. Сергій началъ сердиться.

— Ну, ужъ и «рахмать»! Какъ бы не такъ! Да было бы еще за что ему, поганому, спасибо-то говорить!.. Развѣ ты не видѣлъ, что въ носъ жеребенку комаръ залетѣлъ? Вотъ онъ повернулъ голову-то и фыркнулъ. А ты, небось, думаешь, что жеребенокъ встрепенулся. Держи карманъ шире!.. Кереметь хитеръ: не угодна ему твоя жертва. Видно, ужъ и до кобылы твоей добирается... Вѣдь эдакій жадный!

А надо сказать, что кобыла въ жертву советѣмъ непригодна: обѣщать ее кереметю, значить — разозлить его окончательно.

Стиснувъ зубы, весь красный, Трофимъ молча водить головешкой то надъ спиной, то подъ брюхомъ жеребенка и даже подносить ему головешку къ носу.

— И капризенъ же твой кереметь, Трофимъ! Смотри-ка, смотри, какъ онъ воротитъ рыло: не надо ему твоего жеребенка!

Эхъ, кабы ты, другъ, истинному-то Богу помолился, съ вѣрой да со слезами! Полегчало бы, право слово, полегчало!..

Трофимъ весь даже затрясся, а изъ глазъ его покатались слезы безсильной злобы. А о. Сергій съ участіемъ говоритъ:

— Вотъ видишь, Трофимъ, на какого злодѣя ты наскочилъ: ты ли не усердствуешь, а кереметь хоть бы что! Д-да... Знаешь что: не смѣнить ли тебѣ головешку-то? А то смотри: жеребенокъ нюхаетъ твою головешку и ничего... ровно бы дыму совсѣмъ не было...

Трофимъ вотъ-вотъ зарыдаетъ. А о. Сергій сначала вкрадчиво, а потомъ какъ бы въ сильномъ гнѣвѣ, продолжаетъ:

— Слушай, Трофимъ! Ты бы, знаешь, взялъ новую головешку, да подъ хвостъ жеребенку-то и ткнулъ... Авось, поможетъ! Да нѣтъ, гдѣ тутъ!.. Подавай ужъ, видно, кобылу. Ну, и кереметь проклятый! Смотри, какъ человѣка-то мучить... Да стоитъ ли послѣ этого и молиться-то ему!.. Тыфу!.. Его бы только рыломъ объ лавку угостить, а ты ему жеребенка еще...

Вдругъ по рощѣ раздалась громкая трехэтажная русская ругань Трофима. Плюясь и ругаясь, онъ растопталъ костеръ, вылилъ на него остатки воды, схватилъ жеребенка за обротъ одной рукой, другою прихватилъ большой пестеръ и быстро зашагалъ домой.

— Донялъ-таки я его!— шепчетъ мнѣ о. Сергій.

— У, подлець! Собака-а!.. кричитъ удаляющійся Трофимъ.

— А какъ вы думаете: по вашему это будетъ адресу, или нѣтъ, о. Сергій?

— Ни, Боже мой! Я ужъ привыченъ и знаю, что это Трофимъ славословитъ кереметя.

Утромъ чуть свѣтъ явился трезвый Трофимъ вмѣстѣ съ женой, палъ въ ноги о. Сергію и со слезами просилъ отслужить молебенъ.

— Закатистой, бачка, молебна, пожалста—закатистой (т.-е. съ акаоистомъ)».

О. Сергій исполнить его просьбу. Потомъ я узналъ, что Трофимъ бросилъ пить, прекратились у него семейныя дразги, и зажилъ онъ если не лучше, то и не хуже прежняго, когда бѣда къ нему еще не приходила. И кереметь совершенно пересталъ его трогать.

IV.

Необходимость коллекціонированія для этнографа. Что можно купить и чего нельзя? Копія съ этнографическихъ предметовъ. Этнографическая кража. Случай изъ моей ранней юности (черемисскій гигрометръ). Другой случай—съ вотсками воршудомъ, въ видѣ деревяннаго гуся съ желѣзнымъ носомъ. Какъ пришлось мнѣ выпутываться изъ этой исторіи?

Этнографу чрезвычайно трудно обойтись безъ коллекцій. Въ началѣ своей дѣятельности, странствуя налегкѣ, а то и пѣшкомъ, онъ избѣгаетъ стѣснять себя лишнимъ багажомъ. А потомъ интересъ у него разрастается, и незамѣтно является уже прямо потребность пріобрѣсти тотъ или иной предметъ изъ инородческаго обихода, какъ очевидное доказательство, что извѣстное наблюденіе записано совершенно правдиво.

Сначала я принялся записывать пѣсни, чтобы, путемъ долговременной бесѣды, расположить къ себѣ молодежь. Скоро, въ первое же лѣто, я перешелъ къ изученію быта и вѣрованій въ широкомъ смыслѣ. Тутъ-то и настала для меня пора искушеній. Если хочется пріобрѣсти какой-нибудь сосудъ или часть костюма, все дѣло рѣшаютъ деньги: есть онѣ—купишь, нѣтъ—подождешь. Но какъ быть съ такими предметами, которыхъ продавать у инородцевъ не принято совсѣмъ, мало того—считается за великій грѣхъ?

Таковы у черемисъ личные украшенія, въ видѣ пояса, надѣваемые на священное дерево во время жертвоприношенія, посулы, подвѣшиваемые въ шалашѣ или подъ крышей, въ знакъ обѣщанія принести жертву, а у вотяковъ—хранимые въ кулахъ воршуды.

Я пытался выбрать средній путь—заказывать копіи, но ихъ дѣлаютъ не вездѣ и крайне неохотно. Что же оставалось дѣлать? Я отправлялся одинъ-одинешенекъ въ ночной походъ, съ мѣшкомъ подъ пальто, въ который помѣщаль лыки одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ срѣзалъ ихъ съ дерева. Днемъ я тщательно присматривался, въ какомъ порядкѣ расположены въ рощѣ священныя деревья, каждое въ честь особаго божества, составлялъ имъ списокъ, а ночью снималъ украшенія въ опредѣленномъ порядкѣ. Подобнымъ образомъ добыты мною эти лыки, находящіеся въ настоящее время въ Географическомъ обществѣ, въ Казанскомъ миссіонерскомъ институтѣ, въ музеяхъ Ка-

занскаго археологическаго общества и въ Будапештскомъ Этнографическомъ музеѣ, равно хранящіяся въ моей коллекціи.

Такъ я дѣлалъ всюду, гдѣ случалось посѣщать черемисскія жертвоприношенія. Везло ли мнѣ особенно, или что другое, только со мной не случилось ни единой непріятности, не было никакой встрѣчи похитителя съ черемисами. Позднѣе, странствуя при лучшихъ условіяхъ въ Уржумскомъ, Яранскомъ и Царевококшайскомъ уѣздахъ, я уже былъ хорошо извѣстенъ черемисамъ, путешествовалъ съ *паспортомъ* отъ главнаго сновидца, если хотите—черемисскаго папы, и этотъ паспортъ открывалъ мнѣ полную возможность все видѣть, обо всемъ выспросить, не встрѣчая отказа. Опираясь на паспортъ, я требовалъ, чтобы мнѣ изготовляли точную конію со всего, что мнѣ казалось нужнымъ.

Но часто я имѣлъ копію и не довольствовался ею: страстно хотѣлось имѣть подлинникъ. Оставалось одно—совершить этнографическую кражу...

Много накопилось на моей душѣ этихъ этнографическихъ грѣховъ, но всего ярче помнится мнѣ мое первое прегрѣшеніе.

Во введеніи я упомянулъ, что еще гимназистомъ свелъ знакомство со жрецомъ *Ельмурзой*. Преклонный старикъ Ельмурза жилъ постоянно на пчельникѣ, официально слылъ жрецомъ, но большинство, особенно русскіе, считали его колдуномъ, потому что онъ мастерски предсказывалъ погоду. Къ нему ѣздили издалека, и на весь Малмыжскій уѣздъ среди черемисъ было только два такихъ предсказателя.

Отъ меня старикъ не тайлся и прямо говорилъ, что свои предсказанія онъ основываетъ на наблюденіи облаковъ, смотреть, выпала ли роса, обращаетъ вниманіе на поведеніе домашнихъ животныхъ и птицъ, но больше всего довѣряетъ особому прибору, устроенному подъ навѣсомъ на столбѣ. А на столбѣ я ужъ давно замѣтилъ рядъ зарубокъ, довольно аккуратно сдѣланныхъ ножемъ; надъ зарубками вбитъ былъ въ столбъ тонкій, до 1½ вершковъ длины, дубовый колышекъ, съ закругленнымъ концомъ, вокругъ котораго шла нарѣзка, и съ расщепомъ у края. Къ этой нарѣзкѣ, на скрученномъ вдвое и продѣтомъ въ расщепъ конскомъ волосѣ, привязанъ былъ, близкій по формѣ къ кубу, кусокъ вязовой гнилушки. Въ сухомъ видѣ гнилушка очень легковѣсна, и сокращающійся отъ сухости кон-

скій волосъ подтягиваетъ ее кверху. Но по мѣрѣ того, какъ влага начинаетъ появляться въ воздухѣ, гнилушка пропитывается сыростью и вытягиваетъ внизъ влажный волосъ. И чѣмъ сильнѣе влажность, тѣмъ тяжелѣе становится гнилушка и тѣмъ ниже она опускается.

Приборъ этотъ Ельмурза устроилъ еще въ молодыхъ сравнительно годахъ, и служилъ онъ ему не одинъ десятокъ лѣтъ. Онъ помнилъ, что 35 лѣтъ назадъ была столь страшная засуха, что валежникъ самъ собою загорался въ лѣсу, и выше сдѣланной въ этотъ годъ зарубки у Ельмурзы не было помѣтокъ. По поводу самой нижней зарубки, соответствующей наибольшей степени влажности, онъ сказалъ мнѣ, что она относится къ году, когда, послѣ страшно снѣжной зимы, Вятка разлилась до такой степени, что изъ его пчельника, стоящаго на крутомъ пригоркѣ надъ лугами, сдѣлался островъ, а въ свою деревню ему приходилось по лѣсу ѣздить на лодкѣ. Лѣтомъ, около Ильина дня, послѣ сильныхъ дождей, рѣка вновь поднялась, точно весной, и сгубила все подкошенное сѣно, а къ осени снова сдѣлался паводокъ, и рѣка опять выходила изъ береговъ.

Вотъ на этотъ-то приборъ у гимназиста-этнографа и разгорѣлись глаза. Я упросилъ сначала приготовить мнѣ точную копію нарѣзокъ на столбѣ на особой липовой дощечкѣ. Ельмурза приготовилъ мнѣ такой же, какъ у него, кусокъ гнилушки, привязалъ къ нему совершенно одинаковой длины конскій волосъ и укрѣпилъ послѣдній на дубовомъ колышкѣ, вбитомъ въ доску. Съ торжествомъ увезъ я домой этотъ приборъ, приколотилъ его подъ навѣсомъ, но—какъ оказалось—на вѣтру, и онъ началъ у меня давать странныя показанія, къ великой потѣхѣ отца.

Тогда-то мнѣ и захотѣлось стянуть настоящій гигрометръ Ельмурзы. Прослышалъ я, что онъ заболѣлъ, лежитъ безъ памяти, и его увезли въ деревню, а на пчельникѣ ночуетъ либо Авдотья, либо второй сынъ. Меня не испугало разстояніе въ 18 верстъ. Я бойко отпалагалъ ихъ, пришелъ къ вечеру на пчельникъ, расшаталъ дубовый колышекъ, снялъ приборъ, завернулъ въ бумагу, уложилъ въ сумку и удралъ обратно.

Уже дорогой, лишь только я переправился черезъ р. Вятку, мнѣ стало совѣстно своего поступка. А ну, какъ да старикъ выздоровѣетъ? Зачѣмъ отнять я у него столь дорогой для

него приборъ? Ужъ онъ-ли не любилъ меня, не былъ со мной хорошъ? Можетъ быть, и вернулся бы я, чтобы водворить украденный приборъ на мѣстѣ, но начиналась ночь, а мнѣ нужно было дойти еще до деревни, находящейся въ 8 верстахъ отъ пчельника.

Ельмурза умеръ черезъ нѣсколько дней, и его похоронили на косогорѣ подъ пчельникомъ.

Этотъ случай не вызвалъ на меня подозрѣнія, но былъ со мной другой, который навелъ на меня великое подозрѣніе у вотяковъ и могъ кончиться совсѣмъ плохо...

Бздилъ я по вотякамъ въ 1881 году, въ сопровожденіи любимого своего ученика *А. П. Батуева*, погибшаго столь трагически въ 1896 г. на посту предсѣдателя вятской губернской земской управы. Приѣхали мы въ Мултанъ Новый. Давно былъ я слышанъ, что въ здѣшнемъ родовомъ шалашѣ есть оригинальный воршудъ, въ видѣ гуся съ желѣзнымъ носомъ и даже желѣзными лапами.

Родовой шалашъ (*жуала*) находился во дворѣ самаго богатаго вотяка, который былъ въ то же время хранителемъ священной роши (*луд утис*). Я—къ нему. Время было самое непутевое, бездѣльное—Петровки, называемыя у вотяковъ пьянымъ, вѣрнѣе—«пивнымъ временемъ» (*сыр дыры*). Это—періодъ кейфа, періодъ свадебъ и разгула и время наибольшей половой свободы у вотяковъ. На каждомъ шагу можно видѣть умопомрачительныя картины.

Хозяинъ шалаша, достаточно подпившій, сидѣлъ у себя за столомъ и силился побороть дремоту.

— Послушай, Максимъ, нельзя ли посмотрѣть твой шалашъ?

Онъ вскинулъ на меня глазами и грубо отрѣзалъ: «Нельзя!»

— Я знаю ваши порядки и согласенъ дать жертву, потому что я чужого для васъ рода, да еще—русскій.

— Давай, давай! Тогда пускамъ.

Нужно было достать гуся, утку или курицу. Пошелъ я по деревнѣ и у одной молодухи купилъ за 20 коп. курицу, составлявшую часть ея пернатого приданого (*имьч*), да кстати прихватилъ въ питейномъ полуштофѣ водки.

— Вотъ тебѣ, Максимъ, бутылка за труды твои, а курица—въ жертву воршуду!

Максимъ прибодрился, взялъ въ сѣняхъ котелокъ съ водой, и мы пошли задворками въ огородъ, прямо къ шалашу. Изъ сухой травы и хворосту, наваленнаго подлѣ, Максимъ устроилъ костеръ, живо закололъ и очистилъ курицу, плеснулъ малость воды изъ котла, чтобы омыть кровь, а на самомъ дѣлѣ—размазать ее.

— Э-эхъ! Крупа да соль-та надо бы... Боди бабамъ-то, тапши суда.

Нашелъ я въ клѣти Максимову старуху, добылъ крупы и соли и принесъ Максиму въ чашкѣ.

Закипѣлъ котелъ, но дождался ли Максимъ, чтобы курица сварилась, не знаю. Онъ что-то скоро вынулъ ее въ чашку, искрошилъ и приступилъ къ молитвѣ, смотря въ открытую дверь шалаша.

— Эй, Иньмарэ, воршудэ!—началъ читать Максимъ.

Какъ только молитва была окончена, я получилъ право войти въ шалашъ и осмотрѣть все, до воршуда включительно. Шалашъ построенъ былъ такимъ образомъ, что противъ обращенной на югъ двери находилась совершенно глухая стѣна, и только слѣва, въ узкой восточной стѣнкѣ, пробито было маленькое волоковое окошечко съ задвижною ставней. На глухой стѣнкѣ, ближе къ окошку, стоялъ на маленькой полкѣ берестяной коробъ, напоминающій собою сундучекъ. Сдвинувъ крышку, я нащупалъ тамъ и разглядѣлъ при слабомъ свѣтѣ: птичью кость, хвостъ рябчика, клочки овечьей и коровьей шерсти. На днѣ лежалъ серебряный гривенничекъ и три мѣдныхъ монеты.

Это было неинтересно. Зато вдолбленный въ стѣну хвостомъ деревянный гусь былъ куда любопытнѣе! Одна бѣда—при немъ не оказалось ногъ, да никогда и не было, по-видимому. Но желѣзный носъ въ полумракѣ куалы прекрасно выдѣлялся.

Попробовалъ я потянуть гуся за шею, чтобы вытащить его изъ долбежа: не тутъ-то было... И пришла мнѣ мысль испросить у Максима разрѣшеніе нарисовать въ книжкѣ воршуда, а на самомъ дѣлѣ—постараться тѣмъ временемъ его распатать.

Максимъ торжественно возлежалъ теперь около котелка на травѣ: подлѣ него стояла чашка съ наваромъ и кусками курицы, на полу валялся вытащенный изъ ноженъ ножъ, а въ лѣвой рукѣ онъ любовно держалъ полуштофъ и усердно прикладывался

къ нему. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ и охотно далъ мнѣ разрѣшеніе.

Вернулся я въ куалу и началъ раскачивать гуся. Не знаю, сколько потовъ сошло съ меня, пока я почувствовалъ, что гусь понемногу выдвигается изъ стѣны. Присѣлъ я на чурбанъ отдохнуть и слышу, что къ Максиму пришла жена, которую онъ угощаетъ водкой. Бесѣда ихъ становилась все оживленнѣе, и я безъ малѣйшей помѣхи добылъ гуся. Живо привязалъ я къ нему петлю за шею, укрѣпилъ гуся на себѣ, прикрылъ своимъ пальто и вышелъ.

Супруги еще малость ворочали языками и могли попрощаться со мной.

До земской станціи было рукой подать. Лошади были впряжены, а А. П. Батугевъ уже сидѣлъ въ экипажѣ. Мы живо выѣхали и двѣ станціи проскакали, не вылѣзая изъ экипажа. На третьей станціи, желая дать на водку ямщику, я полѣзъ въ карманъ: пальто распахнулось и гусь торжественно выставилъ свой желѣзный носъ. Кругомъ была толпа полупьяныхъ вотяковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ по меньшей мѣрѣ. Но все было или пьяно вдрызгъ, или въ той степени похмѣльнаго одурѣнія отъ кумышки, когда голова еще держится на плечахъ, но мозгъ отказывается работать, а въ упоръ уставленные на васъ глаза ровно ничего не видятъ.

Мнѣ и спутнику моему казалось, что *все видѣли* украденнаго идола, а новый ямщикъ даже кнутовищемъ потрогалъ желѣзный носъ—и ничего! Однако, мы не ранѣе успокоились, какъ еще черезъ двѣ станціи. Здѣсь только напились мы чаю, а потомъ ѣхали уже совершенно спокойно.

Прошло недѣли двѣ... Я успѣлъ еще побывать у черемисъ и разбиралъ свои матеріалы. Петровки кончались. Была суббота, базарный день. Поднялъ я глаза къ окошку и вижу, что къ нашему дому подходятъ три вотяка. «Откуда это?» думаю.

Только въ передней узналъ я мултанскаго Максима, а спутники его были: одинъ—жрецъ (*босъсь*) мултанской рощи, другой—деревенскій староста.

Поздоровались. Усадилъ я ихъ на лавку въ кухнѣ.

— Ну, что скажете? Зачѣмъ пришли?

— За дѣламъ пришли,—говорить староста, бойкій съ виду вотякъ.

— Не знай, какъ твоя сказать-то будѣмъ... Дѣла-то, вишь, совсѣмъ особой,—поясняетъ Максимъ.

— Да что же у васъ въ Мултанѣ случилось?

— Г-мъ, чего? Ты куаламъ-то кодилъ, вѣдь? Наша богъ-то видалъ тамъ?

— Это деревяннаго-то гуся? Знамо, видалъ... Такъ что же?

— То-то видалъ, вотъ! А топерь гусь-то нѣту... Тамаша чисто поспѣлъ... ¹⁾.

— Да куда же онъ дѣвался? Долженъ быть на мѣстѣ!

— Ужъ всяко мы думали,—вмѣшался староста,—нѣкуда гуся дѣваться: не иначе, какъ ты взялъ...

«Вотъ такъ штука!» — думаю. Однако, я овладѣлъ собою и говорю имъ:

— Послушай, староста! Спроси ты вотъ Максима: онъ тебѣ скажетъ, что я безъ его спроса даже нарисовать гуся не смѣлъ. На что онъ мнѣ, если я смѣрялъ его аршиномъ и нарисовалъ у себя въ книжкѣ? Вотъ, сами смотрите!

И я показалъ записную книжку.

Въ это время подали самоваръ. Когда я вышелъ распорядиться на счетъ водки, отецъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ меня въ коридорѣ и шепнулъ:

— Ну что, доигрался вотъ съ твоими кереметями! Смотри, не было бы хуже...

— Ничего, милый батюшка: Богъ милостивъ!—отвѣчалъ я.

Выпили вотяки по рюмочкѣ. Я имъ сразу по второй, а потомъ налилъ чаю. Вышелъ малый перерывъ. Передъ второй чашкой чаю я подаль вотякамъ еще по рюмкѣ водки. И вдругъ заговорилъ молчавшій до сихъ поръ *босъясъ* (жрецъ).

— Знамо дѣло: не поймалъ тебя, дакъ ты — не воръ... Только вотъ староста *кенѣш* (сходку) дѣлалъ... Мы всякой сторонной человѣкъ звали и много объ тебя калякали. Видишь: больно короша знашь ты всякой наша порядка, совсѣмъ ровно *босъясъ*. Гдѣ что есть, какъ молиться нада, ты все знашь!.. Тебѣ ничего не будѣтъ: ты—чужой... А намъ воршудъ голова кончатъ: таланъ

1) Т. е. „поднялась настоящая тревога“.

наша не будѣтъ, скотина пропадѣтъ... Вотъ топерь молить воршудъ вада, а гдѣ возьмемъ жива? Баба да плачѣтъ, мы да плачимъ... Э-эхъ, отдай гусь-то, пожалста!..

И не успѣлъ я раскрыть ротъ, какъ босясь упалъ предо мною на колѣни; оба другіе готовились сдѣлать то же самое, но не успѣли.

— Перестаньте,—говорю я. Кабы у меня былъ гусь, отдасть бы. Вижу я, какъ вы горюете, да помочь нечѣмъ.

— Ой, пособляй, пожалста пособляй намъ!.. Жалѣй насъ мало-мало!—твердили всѣ вояки хоромъ, и въ голосѣ ихъ слышались слезы.

— Можетъ, вы совсѣмъ еще напрасно горюете? Вѣдь, въ Петровки, по-вашему—*сыр дыры*, воршудъ гулять ходитъ изъ шалаша на зелень, на цвѣты. Подождите малость: онъ и вернется!..

— Это вѣрна: ты все знашь, вѣдь. Старики наша раньше тоже эдакъ калякали. Только... сколько разъ раньше воршудъ гулять, все домою приходить, а топерь стѣна-та пусто-ой!.. Кого молить топерь будѣмъ? О-ой!..

И босясь, чувствуя приступъ слезъ, порывисто высморкался въ полу армяка.

Вмѣшался Максимъ.

— Ты калякашь: гулять пошелъ гусь! Три года будетъ, ты кодилъ сюменской сторона, этотъ самой порѣ. Утромъ ты приѣхалъ, вечеръ порѣ воршудъ пропалъ... Другой утра ты прикинулъ воршудъ смотрѣть, жертва котѣль ставить. Посмотрѣлъ козяинъ корѣбкамъ-то, а воршудъ ушелъ... Тотъ порѣ ты баялъ тоже: гулять пошелъ воршудъ... Пошелъ-то пошелъ, да вотъ три годъ домою не прикинулъ!... Сюменской пощъ намъ смѣется, говоритъ: слово ты знашь... чего закотѣлъ, то и досталъ! Отдай намъ гуся, пожалста! Больно старѣ да корошѣ богъ-отъ наша: больше два ста лѣтъ ему поспѣлъ!

— Не говорите пустяковъ: отдасть бы, да нѣтъ у меня! Мало ли что что случится? Нельзя все валить на проѣзжаго! Вы вотъ не думаете, что живете не по-старому: въ работѣ стали лѣнивы, молитесь Иньмарю мало, а водки пьете много. Конечно, воршудъ—ваша первая заступна и оборона... Ну, а за водку

да за лѣнь воршудъ васъ не похвалить, вѣдь! Тошно ему стало смотрѣть на васъ, онъ и ушелъ!

Молчать вотяки. Видно, въ точку я попалъ...

— Вотъ вы про меня говорите, что я бога укралъ вашего. Какъ это можно украсть бога? Онъ самъ уйдетъ назадъ, когда захочетъ!... Пустяки вы калякаете, совѣмъ напрасно.

Вотяки вздохнули, выпили еще по чашкѣ чаю да по рюмкѣ на дорогу и мирно ушли домой, попрощавшись со мною.

Но я просто смотрѣть теперь не могъ на злополучнаго гуся— до того меня мучила совѣсть! Въ ушахъ моихъ долго еще звучали слезныя мольбы вотяковъ...

Это былъ *последній* воршудъ, похищенный мною лично. Съ тѣхъ поръ я поручалъ эту печальную операцію причетникамъ и псаломщикамъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, или учителямъ.

Осенью того же года я передалъ гуся въ музей Казанскаго археологическаго общества.

С. Н. Кузнецовъ.

Алеша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи.

Взаимныя отношенія между народными преданіями финновъ и русскихъ далеко не выяснены. Многочисленные вопросы всѣхъ отраслей народной поэзіи еще остаются открытыми и ждутъ для своего рѣшенія сильныхъ, опытныхъ рукъ. Пока идетъ черная работа въ собираніи матеріала и систематическомъ приведеніи его въ порядокъ для облегченія будущимъ изслѣдователямъ. При такой работѣ, для того, кто хоть поверхностно знаетъ финскія народныя преданія, нерѣдко открываются заманчивыя перспективы сближенія, любопытныхъ параллелей съ произведеніями русской народной словесности, но научное рѣшеніе ихъ можетъ только основываться на почвѣ реальныхъ данныхъ, необходимыхъ для серьезныхъ выводовъ. Впрочемъ, точной грани между національными и иноземными элементами невозможно провести, потому что они слишкомъ сильно сплетались между собою. Кромѣ того, всегда остается масса и такихъ параллелей, гдѣ обычныя объясненія «ходячими мотивами» кажутся неудовлетворительными: онѣ имѣютъ свое основаніе, — я повторяю это вслѣдъ за другими, — въ общихъ законахъ мышленія, которые не знаютъ историческихъ датъ и географическихъ границъ. Къ послѣдней категоріи я отнесъ-бы мотивъ о чудесной игрѣ Вейнемейнена, мотивъ, который нѣкоторыми изслѣдователями былъ принятъ первоисточникомъ сходнаго эпизода у Садко. Такое-же, по всей вѣроятности, происхожденіе излюбленнаго мотива дѣвушки-кукушки въ пѣсняхъ о несчастной Айно. Олицетвореніе бѣдной дѣвицы-сиротки въ видѣ кукушки, очень естественно объясняемое, встрѣчается у многочисленныхъ народовъ. ¹⁾ Поэтический образъ: Изъ слезъ матери образуется рѣка, тоже извѣстенъ всѣмъ славянамъ, даже литовцамъ и латышамъ (Потебня, Объясненіе и т. д. с. 219).

¹⁾ См. статью Забрта въ *Časopis muv. král. česk.* 1887, 26, 187.

Покойный акад. Веселовскій обратилъ на него свое вниманіе въ связи съ дальнѣйшей эволюціей крестнаго дерева и истекающихъ изъ него рѣкъ. Приуроченная къ этому мотиву деталь, поражающая своимъ буквальнымъ сходствомъ, гдѣ утопленница запрещаетъ брать воду, ловить рыбу и пр. на мѣстѣ несчастья, потому что вода и всѣ ближайшіе предметы носятъ въ себѣ части ея тѣла, ждетъ выясненія переходныхъ ступеней своего предполагаемаго странствованія въ Ингерманландію съ русскаго юга, гдѣ она получила широкое распространеніе ¹⁾. Оставляемъ въ сторонѣ дальнѣйшія догадки о другихъ подобныхъ явленіяхъ въ эпической поэзіи.

Пестрый рядъ лирическихъ и разныхъ обрядовыхъ пѣсенъ, причитаній и пр. входитъ въ кругъ, слишкомъ близкій къ индивидуальному складу народной жизни, къ завѣтнымъ преданіямъ народа и ко всему тому, изъ чего создались народныя особенности, и не легко поддается анализу. Ему болѣе поддаются пословицы, эти «изреченія народной мудрости», въ которыхъ народная самобытность иной разъ представляется довольно сомнительной. Поддаются историческо-литературному анализу и заговоры. Мы, финны, обязаны, что касается до этого рода «лѣченія», своимъ отличнымъ здоровьемъ германско-католической культурѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что представители этой культуры, благочестивые пастыри и монахи католической церкви и тайные знатоки германской кабаллическо-фаустовой «науки», снабжали насъ разнообразными молитвами и предрасудками и пугали довѣрчивый народъ нелѣпыми рассказами изъ неисчерпаемаго чернокунижія. Плодами той-же культуры и долговременной политической связи со Швеціей являются у насъ стихотворныя легенды и историческія пѣсни. Послѣднія нерѣдко воспѣваютъ войны противъ Россіи. Наконецъ, какими путями пришли къ намъ народныя сказки? Тутъ уже сильно даетъ себя чувствовать посредничество русскихъ. Илья Муромецъ, Иванъ Царевичъ, безымянный буйный Поповичъ и пр. дѣйствуютъ въ нихъ, какъ домашніе герои, не говоря уже о томъ, что цѣлыя сказочные сюжеты перешли черезъ русскую границу. Конечные

¹⁾ У Потебни 206 и сл. Зап. ю.-з. о. р. г. о. II, 373, Арандаренко, Зап. о Полтав. губ. 188, Смол. этн. сб. IV 223—224, Lud V, 66.

географическіе пункты всегда имѣютъ важное значеніе въ изысканіяхъ переходныхъ ступеней въ странствованіи сюжетовъ. Съ этой точки зрѣнія финскіе варианты представляютъ интересъ. Своего рѣшенія ждетъ еще вопросъ о томъ, какъ отражаются русскія библейскія сказанія, апокрифы и легенды въ устной традиціи финновъ. Мы возвратимся къ эпической поэзи.

Результатомъ географическаго изслѣдованія явилось у насъ открытіе, что существуетъ извѣстный путь устной передачи, пѣсенная область, по которой эпическіе и лирическіе мотивы плывутъ съ юга къ сѣверу, мало-по-малу разрастаясь и объединяя вокругъ себя разнородныя поэтическія амплифікаціи, такъ что, напримѣръ, самая заурядная игорная пѣсня, перешедшая съ эстонскаго юга въ Финляндію, облекается здѣсь, гдѣ ея происхожденіе неизвѣстно, въ такую фантастическую одежду, что заставила нѣкоторыхъ ученыхъ видѣть въ ней послѣдніе отзвуки богомилской легенды. Это—руна о сотвореніи міра изъ яйца, мнѣя, какъ извѣстно, знакомый уже восточнымъ народамъ. Географическій методъ, примѣненіе котораго возможно тамъ, гдѣ имѣются записи, сдѣланныя въ различныя времена изъ каждаго прихода, даже селенія, показываетъ нагляднымъ образомъ, какъ происходитъ постепенный ростъ какой-нибудь пѣсни приставленіемъ къ ней сказателемъ стереотипныхъ строфъ и цѣлыхъ выраженій, путемъ заимствованія изъ готоваго пѣсеннаго запаса или сочиненіемъ новыхъ стиховъ, по смыслу подходящихъ и необходимыхъ по развитому у финновъ закону повторенія мысли. Сочиненіе новыхъ стиховъ принадлежитъ сказателямъ, стоящимъ по своимъ поэтическимъ дарованіямъ выше обычнаго уровня. Благодаря той-же свободѣ инициативы, возникаютъ, въ особенности на сѣверѣ, стремленія къ цѣлымъ эпопеямъ, къ извѣстной централизаціи, которая обнаруживается въ группированіи воспѣваемыхъ эпизодовъ вокругъ главной идеи главнаго героя. Этимъ примѣромъ и готовыми уже указаніями руководился Лённротъ, собиратель Калевалы.

Среди этой пестрой массы эпическихъ и лирическихъ мотивовъ, тянущихся цѣною устной передачи съ юга къ сѣверу, записана пѣсня, распространеніе и своеобразное развитіе которой заставляетъ подозрѣвать въ ней чужое происхожденіе. Она не выходитъ изъ предѣловъ трехъ приходовъ на сѣверномъ

берегу Ладожскаго озера, ближайшихъ къ русской границѣ. На русской сторонѣ поютъ ее въ нѣсколькихъ сосѣднихъ деревняхъ Олонецкой губ. Во время второй половины минувшаго столѣтія она была записана только 10 разъ, и каждая изъ этихъ записей доказываетъ своими измѣненіями и смѣщеніями, что пѣсня больше не въ силахъ сохранить своей индивидуальности. Когда-то была и для нея золотая пора! она нравилась ладожскимъ пѣвцамъ характеромъ своей завязки, необычайнымъ своимъ трагизмомъ. Нѣкоторые ея эпизоды стали особенно любимыми, давая богатый матеріалъ для домашнихъ экскурсовъ. Такъ имъ открылся доступъ въ Калевалу и балладныя пѣсни средне-вѣковаго рыцарскаго характера. Но это только частныя черты, а судьба самой пѣсни походить на участь «чужанина», который зашелъ далеко съ родной стороны и теперь чахнетъ въ одиночествѣ, такъ какъ не имѣетъ никакой связи съ оставленнымъ отечествомъ и не можетъ мириться съ новой обстановкой. Вотъ содержаніе пѣсни, насколько мы можемъ возстановить его по отрывкамъ и противорѣчіямъ ¹⁾:

Сидя за водкой и пивомъ пропиваетъ славная мать, купчиха Матревна, свою дочь Огой какому-то молодому человѣку съ условіемъ достать красавицу на берегу озера. Придя домой, мать обманомъ посылаетъ ее на берегъ: «Возьми кусокъ мыла и ушатъ, пойди съ ними на берегъ умыться, чтобы твоя голова стала чистой, какъ ленъ, и шея, какъ комъ снѣга. Подожди тамъ своего брата Гавро!» Дѣвица отвѣчаетъ, что братъ узнаетъ ее и безъ того, но все-же идетъ къ озеру. Оттуда она видитъ, что приближается чья-то лодка. Она обращается къ ней съ желаніемъ: «Если ты лодка брата, то пріѣзжай сюда переднимъ концомъ, а если чужой челнокъ, оборачивайся къ пристани заднимъ концомъ!» Наивное желаніе исполняется: челнокъ приближается заднимъ концомъ впередъ. Его владѣлецъ-русскій поповичъ Ховатица, Хобеличу или, по инымъ вариантамъ, Руотшу — шведъ. Опъ проситъ напиться, получаетъ отказъ и — увозитъ дѣвицу по морю. Она угрожаетъ выбить дно изъ лодки, но успокан-

1) Варіанты этой и вліявшихъ на нее пѣсень перечислены мною въ последнемъ выпускѣ гельсингфорскаго журнала *Finnisch-Ugrische Forschungen* с. 40 и сл.

вается, когда узнаеть, что молодецъ имѣеть достаточно людей для починки лодки. Издали виденъ другой челнокъ, и дѣвица, обратившись къ нему съ вышеупомянутымъ желаніемъ, узнаеть брата. Начинается бой изъ-за дѣвицы и побѣда остается за братомъ; по нѣкоторымъ вариантамъ, онъ просто «выкупаетъ» сестру. Чтобы защищать ее отъ вѣтреной матери, онъ прячетъ ее за девятью замками. «Гдѣ моя сестра», спрашиваетъ онъ потомъ у матери. Та отвѣчаетъ, что она умерла уже давно. «Иди и покажи гробовую доску!»—«Она уже сгнила.»—«Покажи гнилушки.»—«Онѣ заросли травой. На травѣ выросъ можжевельникъ, огонь сжегъ его и пепель разнесло по вѣтру.»—«Надо бы срѣзать тебѣ голову, не будь ты моя мать!» Потомъ начинается вдругъ разсказъ о какомъ-то пирѣ: Поповичъ Ховатица (вар. Гавро) приглашаетъ къ себѣ въ гости людей со всего бѣлаго свѣта: изувѣченныхъ, хромыхъ и слѣпыхъ. Одинъ хвастается хорошимъ конемъ, другой хвалится молодой невѣстой. Одинъ только Гавро тихо сидитъ. «Отчего ты не хвастаешься», спрашиваетъ Ховатица. «Чѣмъ-же мнѣ хвастаться? Одну я только имѣю сестрицу свою, которая сидитъ за девятью замками.» — «Ужъ о ней не говори, прекрасно я ее знаю, я, бывало, проводилъ у нея ночи безъ сапогъ, пояса и рукавицъ». Стыдно стало брату Гавро за сестру и стремглавъ онъ спѣшитъ узнать правду. Обманомъ онъ бросаетъ комомъ снѣга въ окно ея терема. Она говоритъ оттуда, принимая его за поповича: «Не бросай снѣгомъ, а войди смѣло. Булочки, для тебя приготовленныя, простыли. Она выглядываетъ и, къ величайшему своему изумленію, видитъ брата вмѣсто любовника. Ей становится такъ стыдно, что она вѣшается, выбравъ для того наилучшій кушакъ. Нѣсколько позже идетъ поповичъ на свиданіе и, узнавъ о самоубійствѣ дѣвицы (по варианту—отъ своей лошади), лишаетъ себя жизни такимъ-же образомъ, возлѣ своей возлюбленной. По одному варианту, онъ бросается на мечъ. Озлобленный братъ, увидѣвъ ихъ мертвыми другъ возлѣ друга, не даетъ имъ соединиться и въ могилѣ: хоронитъ ихъ по разнымъ сторонамъ рѣки или церкви. Но сильное чувство любви не признаетъ никакихъ препятствій. На могилахъ вырастаютъ по березѣ, коренья и верхушки ихъ сплетаются. И хотя братъ срубаетъ деревья, цепки все жъ смѣшиваются.

Нѣтъ никакой возможности, за неимѣніемъ данныхъ, уяснить, какъ сложилась эта пѣсня, въ какой формѣ ее слышали впервые изъ устъ перваго ея пѣвца, было-ли уже тогда въ ней совершенно то сплетеніе чужихъ и народно-финскихъ элементовъ, которое, какъ увидимъ, бросается въ глаза, и пѣлась-ли когда-нибудь подобная русская компиляція, которая была-бы готовымъ источникомъ нашей пѣсни. Мы склонны объяснить себѣ происхожденіе пѣсни такъ, что ея разработка совершилась на финской почвѣ при участіи какихъ-либо опытныхъ сказителей, знающихъ русскіе былинные мотивы и, въ то-же время, обычный способъ «мозаичной» работы у финновъ для составленія новыхъ пѣсень. Что нѣкоторыя части этой пѣсни переведены съ русскаго, нетрудно показать: размѣръ, который, впрочемъ, у финновъ очень строго соблюдается, хромаетъ и детали переданы иногда даже прозой ¹⁾. Съ точки зрѣнія «мозаичной» работы важны нѣкоторые эпизоды, которые, какъ увидимъ, несомнѣнно финскаго происхожденія. Вотъ составныя части пѣсни, насколько мы могли уловить ихъ по бѣглому знакомству съ сборниками русскихъ былинъ и другихъ пѣсень:

Въ Орловской губ. Шейномъ записана слѣдующая великорусская пѣсня. ²⁾ У вдовы сынъ Василій и дочь Наталья. Сына отдастъ она на службу, а дочь пропила кому-то на винѣ. За ней ѣдутъ кареты и всадники, которые взяли ее съ собой и довели до синяго моря. Тамъ они дали ей лодку и приказали грести не оглядываясь. Такъ она каталась по морю два года; на третьемъ году ей встрѣчается братъ, которому она объясняетъ, какимъ образомъ попала туда. Сердитый, онъ пріѣзжаетъ домой къ матери и, не отвѣчая на ея вопросъ, когда она спрашиваетъ, о причинѣ его гнѣва, говоритъ ей:

— Осударыня моя матушка! гдѣ сестра да Натальюшка?

„Сыновъ Васильюшко! Богу душу отдала“.

— Осударыня моя матушка! да были ли дьяки, попы, дьяаи, попы, да добрые люди?—

„Поповъ не случилось, а людей не дозволаась“.

— Осударыня матушка, поведи на могилушку!

„Да были грозныя тучи, да шли синіе дожди,

Синіе дожди да могилушку размыли“.

¹⁾ См. варианты пѣсни въ F. U. F.

²⁾ Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ I. № 1249.

Въ этой пѣснѣ мы можемъ прослѣдить слѣдующія параллельныя черты: 1) Мать продаетъ дѣвицу за вино. 2) Ее увозятъ по морю. 3) Встрѣча съ братомъ. 4) Сердитые вопросы сына къ матери и ея уклончивые отвѣты.

Та часть, гдѣ говорится объ увозѣ дѣвицы, получила самостоятельную передѣлку, благодаря вліянію со стороны финской общеизвѣстной пѣсни «О выкупѣ дѣвицы» и ея разновидностей. Онѣ поютъ, какъ безымянный «русскій» увозитъ дѣвушку по морю и какъ она напрасно обращается къ мимо проѣзжающимъ роднымъ, прося избавленія изъ рукъ немилаго. Что такое вліяніе существовало, доказывается тѣмъ, что варианты пѣсни о Ховатицѣ, забывая дѣйствительность, иногда принимаютъ обороты, выраженія и цѣлые эпизоды изъ названныхъ пѣсень. Новой чертой является у насъ обманъ матери и привлеченныя къ нему детали. Неизвѣстно, откуда взята мысль объ обманѣ; очень вѣроятно, что мы не имѣемъ въ ней самостоятельное изобрѣтеніе, подсказываемое пѣснями «о выкупѣ дѣвушки» и «Аннѣ, которая пошла на берегъ за водой». Изъ этихъ пѣсень взяты стихи, въ которыхъ изображаются ходьба дѣвицы на берегъ, видъ приближающейся лодки, обращеніе къ ней, приѣздъ неизвѣстнаго молодца и т. д. ³⁾ Съ точки зрѣнія тѣхъ-же пѣсень мы объясняемъ себѣ и то видимое противорѣчіе, что дѣвица, хотя любитъ поповича и даже до такой степени, что любовь живетъ и «за могилей», всетаки угрожаетъ разбить дно лодки и радуется приѣзду брата. Послѣ приключеній на морѣ, когда дѣвушка уже выкуплена заботливымъ братомъ, онъ запираетъ ее за девятью замками и требуетъ отчета отъ матери. Подобная мысль, какъ уже выяснилось, свойственна русской пѣснѣ. У насъ она получила особую обработку, разраслась и обогатилась въ фантазіи. Устранены были попы и дьяконы, какъ чуждые уху сказителя. Благодаря измѣненной оболочкѣ, эту подробность радушно приняли «въ Олимпъ», дали приступъ къ эпосѣ: мать Lemminkäinen'a спрашиваетъ и получаетъ подобные отвѣты отъ слѣпого пастуха, который силой пѣнія утопилъ ея сына въ потокѣ (Этого мѣста не достаетъ въ Калевалѣ). А запираніе дѣвицы

³⁾ Подробнѣе въ Ф. У. Ф. стр. 56—57. Умываніе головы и именно такъ, какъ это у насъ выражено, передается стихами свадебныхъ пѣсень.

братомъ и начинающаяся здѣсь вторая половина пѣсни на пирѣ хвастающейся толпы заставляютъ насъ обратиться къ распространеннымъ русскимъ сказаніямъ: братья хвастаются мнимымъ цѣломудріемъ сестры. Мотивъ этотъ встрѣчается въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Эбродовичахъ ¹⁾. Приглашеніе вельможныхъ гостей, угощеніе ихъ въ гостепріимномъ дворцѣ князя-хозяина и хвастовство пирующихъ—любимое общее мѣсто русскихъ старинъ. Такимъ-же вступленіемъ начинается упомянутая былина объ Алешѣ (Кирѣвскій II с. 64-66, ММ 1, 3; Ончуковъ М 3 и пр.): Во время пира князь Владимиръ ²⁾ обращается къ двумъ братьямъ съ вопросомъ, отчего они сидятъ печальные, когда другіе хвалятся,—кто богатствомъ, кто конемъ или невестой. У нихъ есть сестра, скромная по ихъ словамъ:

Сидитъ она во высокомъ теремѣ,

Сидитъ заперта двумя дверями,

Она замкнута тремя ключами.

На добромъ конѣ мимо добрый молодецъ не проѣдетъ.—

На эту чрезмѣрную похвалѣу отзывается Алеша Поповичъ:

Я у вашей сестры былъ

Двѣ воченьки почевалъ,

Два завтрака завтракалъ.

Чтобы провѣрить правду его словъ, онъ проситъ братьевъ тотчасъ поѣхать къ терему, бросить комъ снѣга въ окно и подслушать, кого она назоветъ. Оскорбленные братья такъ и дѣлаютъ. Принявъ звукъ отъ брошеннаго снѣга за условный знакъ Алеши, дѣвица говоритъ:

Не шути шутку Алеша,

Ступай прямо въ теремъ

Шенкурскій вар. с. 67:

Ужь ты гой еси, Алешинька Поповичъ младъ!

Безъ тебя у меня кушанья призачерстнули,

Питыща медвяны застоялися.

Братья или срубаютъ голову виновницѣ или согласны выдать ее за Алешу, который благородно предлагаетъ жениться на ней.

¹⁾ Славянскіе его варианты указаны въ Р. фил. Вѣст. 1894. 217—223. См. еще Смол. этн. сб. IV 599 и разные сборники былинъ.

²⁾ Орловскій вар. Кир. с. 66 важень вамъ потому, что пиръ былъ въ домѣ Поповича.

Такимъ образомъ старины объ Алешѣ выясняютъ въ нашей пѣснѣ: 1) хвастовство пирующихъ, 2) идею о заключеніи сестры, 3) обличеніе «поповича», 4) подробности, какъ братъ хитростью узнаетъ правду. Приглашеніе дальнихъ гостей испытало значительныя измѣненія. Вельможи превратились, вѣроятно, подъ вліяніемъ евангельской свадьбы (Матѣ. XXII: 1—10), въ собравшихся отовсюду бѣдняковъ. Тѣ стихи, которыми эта мысль выражается, заимствованы изъ одной эпической пѣсни, находящейся такъ-же въ Калевалѣ, изъ пѣсни о пирѣ Päivlä (=мѣстопробываніе солнца, дня). Последнее названіе очень напоминаетъ, какъ уже замѣтилъ покойный Кронъ, о пирѣ Владимира-Солмышка. Если эта догадка вѣрна, то въ нашей пѣснѣ мы имѣемъ любопытное совпаденіе стараго (пѣсня о Päivlä) и новаго заимствованія. Похвальба братьевъ и обличеніе поповича поражаютъ почти дословнымъ сходствомъ. Выраженіе «безъ сапогъ, пояса и рукавицъ» принадлежитъ первоначально пѣснямъ объ Ильмариненѣ; онъ долженъ по капризу матери своей невѣсты вспахать змѣиное поле въ такомъ легкомъ костюмѣ. Вліяніе названныхъ старинъ не можетъ объяснить мотива о печальномъ самоубійствѣ дѣвицы. Зато у насъ поется баллада, очень близкая по своей идее къ пѣснѣ о Ховатицѣ. Въ ней дѣвица вѣщается, не желая выйти замужъ за немилаго. Потомъ и онъ лишаетъ себя жизни возлѣ нея. Мы склонны думать, что образъ перешелъ оттуда: точно также кончается съ собою и поповичъ, который по одному варианту только теперь «На добромъ конѣ мимо... проѣзжаетъ» и узнаетъ отъ коня о кончинѣ любимой дѣвицы.

Равнымъ образомъ погребеніе и поэтический образъ сплетенія деревьевъ на могилахъ не находятъ себѣ объясненія въ приведенныхъ пѣсняхъ. Можно предполагать, что намъ неизвѣстные варианты Орловской баллады приводятъ къ подобному окончанію, потому что баллада, какъ будто прерываясь, кажется недосказанной: судьба дѣвицы и неизвѣстнаго жениха остается загадкой. Пока отыщутся эти важные варианты, мы должны только напомнить, что подобный «замогильный» мотивъ, общеевропейскій по своему распространенію ¹⁾, не чуждъ и русской народ-

¹⁾ Даже у вотяковъ: Изв. О. А. Каз. Уп. XXII, 5, 339.

ной поэзии; въ Финляндии его нѣтъ. Вѣдь, по смерти Дуная Ивановича и его жены Настасьи, на ихъ могилахъ появляются рѣка и деревья (напр. Рыбниковъ II № 12.). Кромѣ того, любовная баллада поетъ (Гильф., № 31, 134, 285) о томъ, какъ матери не нравился бракъ ея сына, и какъ она подсыпала яда въ невѣстининъ кубокъ, результатомъ чего была смерть обоихъ молодыхъ. Невѣста была погребена по одну сторону церкви и женихъ по другую. Деревья выросли на могилахъ, и верхушки и корни сплетались, пока мать не уничтожила ихъ.

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о личныхъ именахъ. Имена Гавро (=Гавріиль) и Огой, Огафьой (=Агафья) взяты изъ русскаго календаря, потому что народъ въ тѣхъ краяхъ православный, но никакого отношенія къ указаннымъ русскимъ пѣснямъ они не имѣютъ. Вѣдь, личные имена всегда въ пѣснѣ, гдѣ они не относятся прямо къ извѣстному былинному герою, очень неустойчивы. Такія типическія женскія имена, какъ Наталья, Настасья и т. д. примѣняются къ любой пѣснѣ, потому что они или любимыя народомъ или удобныя для рифмы (напр. млр. Ганна). Въ названіяхъ «жена купца» и Ховатица, (вар. Ховатицца, Хобеличчу, и т. д.) мы, можетъ быть, имѣемъ дальній отзвукъ старины о Хотенѣ Блудовичѣ. Она очень близко подходитъ къ идеѣ нашей пѣсни, говоря о пирѣ двухъ вдовъ, о скромности *Офимы*, дочери «купеческой вдовы», сидящей въ теремѣ, куда не заглядываетъ ни солнце ни вѣтеръ. Хотень, вар. Хотинка, Хотѣнушка и т. д. пробирается въ запертый теремъ, находитъ дѣвицу *безъ пояса, безъ сапогъ* и увозитъ ее, одолѣвъ ея братьевъ. Иногда герою удается легче достать драгоценную добычу (Рыбниковъ, IV. 7): Дѣвица прямо признаетъ, что она молилась Богу уже три года, чтобы сдѣлаться женой Хотена. Эти слова какъ-будто еще тускло отражаются въ отвѣтъ Огой въ одномъ варіантѣ. Молодецъ идетъ въ избу и проситъ воды, на что дѣвица говоритъ: «Три года я мыла руки, румянилась румянами, бѣлилась бѣлилами».

Приведенныя параллели не только показываютъ, изъ какихъ многочисленныхъ элементовъ сплеталась баллада о Ховатицѣ, но и даютъ отличный примѣръ обычнаго сложенія пѣсенъ у восточно-финскаго сказителя. Стремленіе къ извѣстной поэтической цѣльности, и даже къ эпосѣ, гдѣ это возможно,

не стѣсняется въ выборѣ матеріала. Для него иной разъ чужіе разбросанные мотивы не менѣе важны, чѣмъ народныя образы, детали и отдѣльные стихи, которые сохраняются въ памяти сказителя.

Лучше посчастливилось Ивану Гоудиновичу. Онъ сталъ извѣстнымъ уже въ началѣ пѣсенной области, такъ что въ Ингерманландіи мы встрѣчаемъ его какъ популярнаго героя въ любовныхъ пѣсняхъ. Оттуда до крайняго сѣвера мы можемъ прослѣдить его судьбы, болѣе или менѣе ясныя, въ зависимости отъ неустойчивой памяти народа. Тамъ, на сѣверѣ, ему дали доступъ въ кругъ своихъ героевъ: онъ состязается съ прочими героями, желая получить руку красавицы; такимъ образомъ его включаютъ въ циклъ тѣхъ пѣсенъ, которыя составляютъ центръ Калевалы, и сливаютъ его съ типомъ Ильмаринена, смѣшивая обоихъ между собою. Въ слѣдующемъ мы вкратцѣ приведемъ главные моменты распространенія его пѣсенъ, пользуясь при этомъ матеріаломъ, собраннымъ въ «Исторіи Калевалы» II 321 Крономъ и его готовыми указаніями.

Ингерманландскій варіантъ начинается крещеніемъ дѣвочки, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ свой прообразъ въ тѣхъ русскихъ духовныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ разсказывается о крещеніи младенца-Исуса; тѣ-же священники, тѣ-же книги и неудачный выборъ именъ для новорожденнаго «Какое имя мы ей дадимъ?» разговариваютъ между собой невѣстки. «Дадимъ ей имя Паласа—это некрасивое имя. Если мы ее окрестимъ именемъ Нонча—она можетъ быть будетъ глупая (игра аллитераціями), если Настья—то къ смѣху; Екатерина—постоянно будетъ ходить въ гости». Привезли священниковъ изъ Пятицы, наименователей изъ Луски, они открыли книги, разбѣстляли листы. Книга сама собой назвала имя, голосъ раздался изъ ея переплета. Было то имя. Некко. Долго не пріѣдутъ женихи, «потому что она не умывала голову вечеромъ и не чесалась утромъ». (Слова эти взяты изъ другой пѣсни.) Наконецъ, когда она уже сдѣлалась чистоплотной, вдругъ быстро пріѣхали сани на дворъ и зацѣпились за уголь. Дѣвица побѣжала въ теремъ, запершись девятью замками. Игнатъ (вар. Иванъ) Койонсна сынъ—имя пріѣзжаго—вошелъ огнемъ въ избу, въ залъ дымомъ, сѣлъ не стѣсняясь на скамеечку; немедленно за столъ. Принесли ему сладкій медъ,

а онъ отвѣтилъ: «Не хочу я меда, пока не увижу дѣвицы, и не услышу ея голоса». Мать говорить, что она въ теремѣ. Молодецъ идетъ туда за ней, открываетъ двери кулакомъ и пятой, разбивъ такимъ образомъ замки. Взялъ онъ дѣвицу за бусы и бросилъ ее въ сани. Бѣдная дѣвица жалуется: «Скорѣе была бы я во рту у воюющаго волка, въ медвѣжьей пасти, чѣмъ въ саняхъ грубаго Койонена». По ладожскому варианту она, увидѣвъ у дороги заячьи, волчьи и медвѣжьи (у западныхъ эстовъ: львиные) слѣды, говорить, что лучше-бъ ей быть на слѣдахъ пробѣжавшихъ звѣрей, чѣмъ въ саняхъ. К. отвѣчаетъ: «Какъ только прїѣдемъ къ рѣкѣ Тора, тамъ перестанемъ ссориться». Прїѣхали туда и начали «измѣрять мечи (аллегорическое выраженіе боя, поединка): чей мечъ подлиннѣе, тотъ отважнѣе другого. Оказалось, что мечъ дѣвицы длиннѣе. Молодецъ съ досады срубилъ ей голову и послалъ части ея тѣла тещѣ, которая съѣдаетъ «гостинцы», ничего не подозревая.

Тамъ-же на югѣ пѣсенной области Иванъ К. уже вступаетъ въ циклъ пѣсенъ о сватаніи соперниковъ (I. с. 288). Онъ запрягаетъ огненнаго коня въ огненные сани. Огонь пылалъ изо рта лошади, жиръ текъ изъ конца построжки и на дугѣ кипѣла кровь. Прїѣзжаетъ онъ къ дѣвицѣ, а ея отецъ задаетъ ему довольно трудныя задачи: сдѣлать узелъ изъ яйца, свить веревку изъ мякины, зажечь избушку и самому сидѣть на застрѣхѣ крыши. Все исполнилъ молодецъ и получилъ дѣвицу. Но когда онъ по дорогѣ домой задалъ ей не менѣе трудныя задачи и она не могла ихъ исполнить, то онъ убилъ ее. Чѣмъ болѣе къ сѣверу, тѣмъ разнообразнѣе становятся задачи жениху. Такъ, благодаря вліянію сказокъ и другихъ сказаній, являются щука изъ Іордани ¹⁾, змѣиныя поля и т. д. Начиная съ финской Карелии, Ильмариненъ уже замѣняетъ Ивана К. Сѣверъ и съ нимъ Калевала знаютъ только перваго въ роли жениха, но иногда сохраняютъ, какъ далекій отзвукъ южнаго происхожденія мотива, названіе родины молодца: Койо (I. с. 333).

Не только по сходству личныхъ именъ, но и по главному содержанію приведенныхъ вариантовъ, въ нихъ нетрудно узнать передѣлку старинъ объ Иванѣ Годиновичѣ. По Шенкурскому

¹⁾ Ср. известную Іорданскую щуку въ русскихъ заговорахъ.

вар. (у Кир. III. с.9) Иванъ Г. желаетъ себѣ въ жены красивую Авдотью, дочь черниговскаго царя. Владимиръ удерживаетъ его тѣмъ, что она «хотя красивая, но умомъ слаба». Такія слова князя кажутся ему оскорбительными:

Показалоя Иванушку за досадушку,

и онъ выходитъ ни съ кѣмъ не прощаясь.

Онъ двери отпираетъ широко, пѣ-пату,
Онъ двери запираетъ крѣпко нѣ крѣпко:
Дубовыя ободверины поѣхали.

Доставъ жеребца и дослѣхи, онъ быстро поѣхалъ. По вар. стр. 20, его поѣздка происходитъ нѣсколько иначе: Когда онъ ѣдетъ съ княжеской силой, по дорогѣ на молодомъ свѣгѣ видны три слѣда звѣрины: тура, лютаго звѣря и дикаго вепря. Дружина разѣхалась по слѣдамъ. Еще ближе къ финской передѣлѣтъ вар. Гильфердинга 188, 179; II 678, 643. Дружина находитъ слѣды *по ухищеніи дѣвицы*.

Съ такой-же быстротой Иванъ пріѣхалъ въ Черниговъ:

Онъ поставилъ коня не привязавши,
Походилъ И. на крылечушко,
Со крылечушка во новы сѣни и т. д.
Онъ двери отпиралъ широко-нѣ пату и т. д.

На его привѣтъ царь спрашиваетъ, пріѣхалъ-ли онъ по старому (По Гильф. его просятъ ѣсть). Онъ объясняетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и узнаетъ, что дѣвица уже засватана. Быстро идетъ онъ въ теремъ за ней, беретъ ее «за руку за бѣлую» и увозитъ ее, отказавшись отъ хлѣба-соли, предложенныхъ царемъ. Ночью застаетъ ихъ настоящій женихъ, который съ помощью дѣвицы («Изымала Ивана Годиновича за ноги») осилилъ Ивана. Не долго продлилось счастье побѣдителя: его убиваетъ стрѣла, и Ивана отвязываютъ съ дуба дружинники, пріѣхавшіе съ охоты на это мѣсто. По другой редакціи онъ освобождается такъ, что сабля, которой дѣвица хотѣтъ срубить ему голову, даетъ промахъ и пересѣкаетъ привязывающую веревку. Теперь его очередь «учить» жену: онъ отсѣкъ ей руки, ноги, голову, потому что они служили царю невѣрному.

Изъ многихъ параллельныхъ чертъ, отличающихся болѣе или менѣе яснымъ сходствомъ, быстрая ѣзда сердитаго героя пере-

дана съ народной окраской: сани задѣпляются за уголь¹⁾. Этотъ образъ взятъ по замѣчанію Крона изъ символической пѣсни о «пѣсенныхъ саняхъ». Подобныя соотвѣтствія онъ нашелъ и для другихъ деталей. Жесткое обращеніе пріѣзжаго, отвѣтъ на предложеніе поѣсть и нахожденіе дѣвицы за девятью замками, все это, хотя основывается на русскомъ оригиналѣ, пересказано выраженіями и словами изъ подходящихъ пѣсенъ. Конецъ сильно измѣнился послѣ того, какъ звѣриныя слѣды получили другое назначеніе: на нихъ дѣвица готова промѣнять свое бѣдственное положеніе, какъ невѣсты немилаго человѣка. Такъ поумнилось ихъ первоначальное значеніе, когда «княжеская сила» и звѣриная охота забылись, какъ слишкомъ далекіе для народныхъ интересовъ элементы. Точно такъ-же исчезъ изъ памяти соперникъ, царь Идолище, какъ второстепенное дѣйствующее лицо, и остался только странный образъ какого-то боя-состязанія между молодыми. Состязаніе и его результатъ, что дѣвица оказалась сильнѣе и красивѣе Ивана К., являются неудачнымъ вымысломъ, которымъ хотѣли покрыть значительный пробѣлъ, такъ что не только участіе дѣвицы въ борьбѣ двухъ соперниковъ и ея намѣреніе убить привязаннаго Ивана Годиновича, но и бой Ивана съ Идолищемъ отражаются на этомъ образѣ. Его туманность обнаруживается еще въ томъ, что предметъ состязанія варьируется, начиная съ красоты и отваги и кончая въ вост. Карелии простымъ мщеніемъ со стороны молодца за оскорбительныя выраженія дѣвицы, которая во время поѣздки, увидя звѣриныя слѣды, говоритъ, что *лицо зайца* (волка, медвѣдя) красивѣе, чѣмъ у Койонена. Эта неясная картина испорчена каннибалическимъ окончаніемъ, происхожденіе котораго остается загадкой. По крайнѣй мѣрѣ намъ неизвѣстны сходные русскіе мотивы.

В. Мансикка

Въна.

1) Сл. слѣды на снѣгъ, слѣдовательно и по русскому оригиналу время зимнее.

Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ святыхъ.

Въ исторіи вѣрованій одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ ложныхъ взглядовъ—тотъ, что при смѣнѣ религій безслѣдно исчезаютъ старыя понятія, замѣняясь новыми идеями. Это заблужденіе особенно часто проявляется тогда, когда дѣло идетъ о распространеніи средневѣковыхъ церковныхъ понятій¹⁾ среди язычниковъ. Въ дѣйствительности эти понятія распространялись очень медленно; они сливались со старымъ міровоззрѣніемъ, составляли воображеніе работать въ новомъ направленіи, но безсильны были измѣнить основной характеръ этого міровоззрѣнія. Церковныя сказанія давали матеріалъ для новыхъ образовъ, но эти образы носили мнѣческую окраску, свойственную старой религіи. Такимъ образомъ, воображеніе строило изъ новыхъ матеріаловъ зданіе стараго типа.

Къ числу культовъ, перенесенныхъ изъ Византіи къ славянамъ, относится иконопочитаніе. Извѣстенъ церковный взглядъ на иконы. Но воззрѣнія, которыми проникнуты нѣкоторыя славянскія легенды, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго. Авторы этихъ легендъ видятъ въ иконахъ не простое изображеніе святыхъ, но предметы, обладающіе сверхъестественными силами и способностями. Икона покровительствуетъ своему владѣльцу или, по крайней мѣрѣ, тому человѣку, который ее чтитъ, и наоборотъ, наказываетъ его врага за его невѣріе и безчестные поступки.

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду охарактеризовать

¹⁾ Ради точности я употребляю этотъ терминъ, а не „христіанство“, такъ какъ между первоначальнымъ христіанствомъ и средневѣковыми церквами слишкомъ мало было общаго.

двѣ легенды, древне русскую и болгарскую, обнаруживающія приблизительно одинъ и тотъ же взглядъ на иконы.

Древне-русская легенда, «Чудо св. Николы о половчинѣ», помѣщается въ описаніи житія и чудесъ Николая Чудотворца. Привожу ее въ переводѣ на современный языкъ, съ небольшими выпусками, которые обозначаю точками ²).

Въ городѣ Кіевѣ жилъ одинъ благочестивый и образованный человекъ, имѣвшій великую вѣру и любовь къ св. Николѣ. Не знаемъ, почему—у него сидѣлъ въ оковахъ цѣлый годъ половчинъ. Однажды его господинъ сказалъ ему: Сколько времени ты намѣренъ сидѣть у меня? дай мнѣ выкупъ за себя, и я отпущу тебя на родину. Онъ ему отвѣчалъ: Если бы ты меня отпустилъ, я бы принесъ тебѣ выкупъ; но если ты меня будешь держать, то мнѣ нечего будетъ дать. Господинъ сказалъ ему: Если бы ты далъ за себя поруку, я бы отпустилъ тебя. Тотъ ему возразилъ: Ты знаешь, что въ Руси некому за меня поручиться. Господинъ его сказалъ ему: Хочешь, я дамъ тебя на поруки св. Николѣ? Онъ на это отвѣтилъ: Я его не знаю. Господинъ повелъ его въ церковь, показалъ ему икону св. Николы и сказалъ: Хочешь, я дамъ тебя на поруки вотъ этому? Половчинъ радостно отвѣтилъ: Хочу и обещаюсь исполнить всѣ твои требованія. Онъ думалъ, что въ Руси (христіанская вѣра и молитва святымъ) не имѣютъ никакого значенія...

Чудо св. Николы о половчинѣ, происшедшее въ городѣ Кіевѣ.

Господинъ отпустилъ плѣнника, далъ ему хорошую одежду, снабдилъ его конемъ и оружіемъ и сказалъ ему: Смотри, не

²) Переводъ сдѣланъ съ рукописи XVI в., пожертвованной мною въ московскій Историческій музей. Другая рукопись, также XVI в., издана въ 1878 г. Общ. Люб. Др. Писья. „Житіе Николая Чудотворца“. Спб. Чудо о половчинѣ помѣщается здѣсь на листахъ 182 об.—192 об. Листы перепутаны: страница на оборотѣ 186 листа должна слѣдовать за первой стр. 188 листа. Сравнивая эту рукопись съ рук. Ист. музея, видно, что нѣкоторые древнія фразы здѣсь выпущены, другія—искажены вставками. Характерное мѣсто съ названіемъ „русскаго Бога“ здѣсь (л. 186 об.) читается такъ: „Видѣвъ явленіе первое и второе, не убояся. Мы бо мнѣхомъ, яко самъ рече: кому мя даси на поруцъ? Не безъ ума давъ еси Богови рускому“. Онъ же рече:—Не самому Богу, но святцю Николѣ.—Они же рекоша: „То—кому, аще не Богу? Не всѣхъ ли, великъ есть Богъ рускый и дивна чюдеса творить, не токмо самъ, но и святыми его“. Слова, измѣненныя въ рук., изд. О. Л. Д. П., я ставлю въ скобки.

солги тому, передъ которымъ ты далъ свое обѣщаніе. Будь тебѣ извѣстно, что если ты солжешь, то тебѣ не убѣжать никуда отъ руки сильнаго, который поручился за тебя. Онъ отвѣтилъ: Все исполню, что тебѣ сказалъ. Но на сердцѣ у него была злая мысль: Глупый человѣкъ этотъ русскій! Что можетъ сдѣлать этотъ образъ какого-то Николы? Теперь я вижу его въ церкви; только бы мнѣ выйти изъ города—а тамъ ужъ больше ни я не увижу его, ни онъ меня. Выкупа я не принесу; я не боюсь того, кому былъ данъ на поруки изъ оковъ. Съ такими мыслями (окаянный) уѣхалъ въ свою землю. И другіе половцы говорили, что онъ былъ отпущенъ по глупости; не зная Божьей силы и чудесъ св. Николы, эти безумныя животныя, гордя суетнымъ богатствомъ, совѣтовали ему не бояться его поручителя, считая все это за шутки. И самъ онъ, безумный, не позаботился объ этомъ.

По прошествіи нѣкотораго времени явился къ нему вѣрный и скорый защитникъ христіанъ, святитель Никола, и сказалъ ему: Знаешь ли ты меня? Половчинъ ему отвѣчалъ: Нѣтъ, не знаю, кто ты такой. (Онъ ему сказалъ: я—архіерей, старѣйшина Христа и священный слуга, святой Никола.) Я поручился за то, что ты принесешь выкупъ. Что-жъ ты медлишь? (Иди) въ Русь и дай за себя выкупъ, а то тебѣ будетъ худо. Съ этими словами, онъ исчезъ.

Половчинъ удивился видѣнію, но потомъ, думая, что это—пустяки, совсѣмъ объ этомъ забылъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда онъ осѣдлалъ коня и выѣхалъ въ поле, св. Никола явился ему вновь. Онъ сдернулъ половчина съ коня, такъ что тотъ весь задрожалъ, и сказалъ ему: Не говорилъ ли я, чтобы ты отправился въ Русь и далъ за себя выкупъ? А ты забылъ мои слова. Если опять забудешь, то увидишь, что тебѣ будетъ отъ меня! Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ въ (свой) домъ. Боясь другого явленія, онъ рѣшилъ послать выкупъ. Но такъ какъ онъ много шилъ и жилъ по-скотски, то забылъ о второмъ явленіи святого; онъ думалъ, что все кончилось и ничего съ нимъ не будетъ...

Вскорѣ послѣ этого происходило собраніе князей и знатныхъ людей. Собрались много народа; туда же пріѣхалъ и тотъ половчинъ съ дружиною. Когда онъ подѣхалъ и остановилъ коня, невидимая сила сбросила его съ коня и стала его трепать. Всѣ

съ удивленіемъ смотрѣли на него... Странно было, братья, смотрѣть на его мученіе: то вытягивалась вверхъ его голова, то его подымало съ земли и било о землю, то онъ свивался въ кольцо, и невидимая Божья сила была его словно палками. Стоявшіе возлѣ него разбѣжались, а онъ лежалъ какъ трупъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, о происшествіи съ нимъ рассказали его роднымъ; они пріѣхали и взяли его еле живого. Долго онъ лежалъ больной; наконецъ, онъ поправился, такъ что могъ уже вѣсть. Онъ разсказалъ своимъ роднымъ по порядку объ явленіяхъ св. Николы и о наказаніи, которому онъ подвергся. Родные его, ничего раньше не знавшіе, услышавши о случившихся съ нимъ происшествіяхъ, съ досадой сказали: Что ты за глупый человѣкъ! Какъ ты, увидѣвши два явленія, не испугался? (Не напрасно ты былъ данъ на поруки русскому Богу: дивныя чудеса творить русскій Богъ—не только самъ, но и черезъ своихъ святыхъ...) ¹⁾

Половчинъ тотчасъ же велѣлъ рабамъ приготовиться въ путь и отдѣлить часть стада для выкупа св. Николѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ городъ, онъ поѣхалъ не въ домъ своего прежняго хозяина, а къ церкви св. Николы, гдѣ онъ былъ данъ на поруки. Издалека еще онъ слѣзъ съ коня и пѣшій подошелъ къ церкви, гоня предъ собою стадо. Не мучь меня, господинъ мой, сказалъ онъ: я тебѣ солгалъ, но вотъ весь обѣщанный мною выкупъ, а это—даръ тебѣ, чтобы ты на меня не сердился...

Потомъ онъ отправился къ своему хозяину и разсказалъ ему обо всемъ по порядку... Хозяинъ созвалъ друзей и сосѣдей и сказалъ имъ: Радуйтесь за меня: дивную милость оказалъ мнѣ, убогому, Христовъ архіерей Никола!..

(Онъ разсказалъ и мнѣ обо всемъ, что случилось съ половчиномъ).

Этотъ благочестивый человѣкъ устроилъ въ честь св. Николы праздникъ—всенощное стояніе и пѣніе. Онъ пригласилъ на обѣдъ священниковъ и монаховъ и надѣлилъ милостынею нищихъ.

А мы, братья, узнавши о чудѣ этого святого въ Русской землѣ, постараемся угодить Богу, за то что Онъ не пренебрегъ

¹⁾ Это мѣсто въ изд. О. Л. Д. П. искажено вставками.

людьми, вновь познавшими его... (Неисчислимы Его чудеса: ихъ невозможно ни словами разсказать, ни описать въ книгѣ.)

Историческая основа легенды не подвержена сомнѣнію. Въ легендѣ довольно ярко обрисованы отношенія между киевлянами и половцами; хорошо охарактеризована роль церкви, какъ посредницы между хозяиномъ и его плѣнникомъ: половчинъ, отдавая выкупъ, вноситъ даръ въ церковь св. Николы.

О раннемъ составленіи легенды (XI—XII в.) говоритъ то, что русскіе называются въ ней «людьми вновь познавшими» Бога. По понятіямъ автора легенды, икона святого заключаетъ въ себѣ самый духъ его. Св. Николай является мстителемъ за неисполненное обѣщаніе; половчинъ отданъ на поруки иконѣ—и его хозяинъ спокоенъ за обѣщанный ему выкупъ: «Тебѣ не убѣждать никуда отъ руки сильнаго, который поручился за тебя».

Убѣжденіе въ томъ, что духъ святыхъ живетъ въ ихъ иконахъ, отражается въ слѣдующей болгарской легендѣ, записанной въ наше время.

«Купилъ одинъ селякъ двѣ иконы, Богородицы и св. Николы, и сталъ жечь предъ ними, за неимѣніемъ свѣтъ, лучину, чтобы найти въ нихъ заступничество отъ разбойниковъ. Случилось ему разъ уйти съ женой въ гости. Жена говоритъ, что домъ нужно залепить, но селякъ ограничился тѣмъ, что зажегъ предъ иконами лучину и поручилъ имъ хранить домъ. Пришли супруги изъ гостей и видятъ, что домъ ограбленъ. Налустился селякъ на икону Богородицы съ бранью и ужъ приготовился бить ее, но за Богородицу вступилась жена: «Не виновата она»,—говоритъ баба:—«видишь—у ней ребенокъ на рукахъ; можетъ быть, она его убаюкивала; можетъ быть—выносила на дворъ,—оттого и не видала разбойниковъ». Селякъ призадумался: «Можетъ быть, такъ и было,—у Богородицы было дѣло; ну, а старый что дѣлалъ? почему онъ не видалъ? Онъ старъ; ему нужно было бы не спать, а караулить домъ». Слушай, старикъ»,—обратился селякъ къ Николаю:—«сегодня я тебя не стану бить; но вотъ тебѣ мой наказъ: этой же ночью разыскать покражу; иначе я тебѣ влѣплю триста палокъ». Видитъ Никола, что селякъ разсердился, пошелъ къ вору, который обокралъ домъ, явился ему во снѣ съ огромнымъ пожомъ и пригрозилъ разсѣчь на части, если онъ не воротитъ

украденнаго. Воръ проснулся въ испугѣ, собралъ покражу и отнестъ обратно» ¹⁾).

Въ этой легендѣ прежде всего интересно воззрѣніе на иконы, аналогичное съ римскимъ представленіемъ о пенатахъ: иконы являются хранителями дома и имущества. Древне - русская легенда отличается отъ болгарской лишь тѣмъ, что говоритъ объ иконѣ, находящейся не въ домѣ, а въ церкви, хотя и въ той, и въ другой легендѣ св. Николай является защитникомъ имущества. Такимъ образомъ, болгарская легенда носитъ домашній характеръ, тогда какъ русская—общественный: въ первой святыне являются защитниками одной семьи, тогда какъ во второй—Никола является «вѣрнымъ и скорымъ защитникомъ христіанъ», посланникомъ *«русскаго Бога»*.

Какъ записанная у простонародья, болгарская легенда отличается грубостью воззрѣній, которой нѣтъ въ русской. Эта грубость напоминаетъ отношеніе примитивнаго человѣка къ его фетишамъ. «Въ Китаѣ простой народъ, не получивъ отъ своего идола просимаго, бранить и бьетъ его; его обвязываютъ веревками, срываютъ все, что на немъ находится, и волочатъ по улицамъ, по грязи и навознымъ кучамъ. Если послѣ этого молившіеся получаютъ желаемое, они извиняются передъ поруганнымъ идоломъ и просятъ его забыть нанесенную обиду» ¹⁾).

Не имѣя грубости болгарской легенды, русская — тѣмъ не менѣе отражаетъ въ себѣ воззрѣніе на икону, какъ на фетишъ, такъ какъ фетишизмъ, какъ извѣстно, есть вѣрованіе въ сверхъестественныя силы и способности даннаго предмета или животнаго; въ фетишѣ примитивный человѣкъ видитъ силу, содѣйствующую ему въ его предпріятіяхъ и охраняющую его выгоды; если предпріятіе окончится успѣшно, онъ приноситъ ему жертву, празднуя свою удачу. То же мы видимъ и въ легендѣ: кіевлянинъ, получивши выкупъ, устраиваетъ въ честь св. Николы праздникъ, приглашаетъ на обѣдъ священниковъ и монаховъ и надѣляетъ нищихъ милостынею.

Итакъ, обѣ легенды отражаютъ одно и то же воззрѣніе на иконы, весьма сходное съ воззрѣніемъ примитивнаго человѣка.

¹⁾ Легенда приведена у И. Н. Смирнова: Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ, вып. III, 478—9.

¹⁾ Н. Харузинъ, Этнографія, лекціи. IV, 176.

на фетишъ. Если болгарская легенда сохранила до настоящаго времени такое древнее воззрѣніе, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что областной языкъ хранитъ названіе «боги» для обозначенія иконъ. Этимъ терминомъ иконы называются, какъ на крайнемъ сѣверѣ Славянщины, въ Архангельской губерніи, такъ и у южныхъ славянъ, въ с. Италіи, гдѣ записанъ разсказъ о томъ, что одинъ калеланъ продавалъ боговъ («*bogè prodaju*») ¹⁾, т. е. иконы. Названіе «боги» для обозначенія иконъ могло произойти слѣдующимъ образомъ: очевидно, въ языческую пору «богами» называли идоловъ, а при распространеніи церковныхъ представленій этотъ терминъ сталъ прилагаться къ обозначенію иконъ ¹⁾.

А. Марковъ.

¹⁾ Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. 78. *Бодуэн-де-Куртене*. Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи, стр. 153, № 843.

¹⁾ Употребленіе слова „богъ, боги“, въ смыслѣ „икона, иконы“ отмѣчено словаремъ Далъ, словаремъ Олонецкаго нарѣчія Куликовскаго и словаремъ Архангельскаго нарѣчія Подвысоцкаго. Приводится слѣд. выраженіе: „боги ходятъ“, (иконы несутъ), „только съ богами своими и знается“, „бога спятъ“ (икону). Въ записанномъ мною духовномъ стихѣ Михайло Архангелъ говоритъ грѣшникамъ:

„Вы во Божью-то церковь-то не ходили,
Ужъ вы намъ-то, богамъ, да не моились“.

Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе.

Цалкой именуется нагорная равнина, расположенная между Тріалетскими и Мокрыми горами, въ районѣ трехъ уѣздовъ—Тифлисскаго, Борчалинскаго и Ахалкалакскаго. Рѣка Храмъ, протекающая по этой равнинѣ, и дѣлитъ ее на двѣ части: сѣверную и южную.

Цалкинская равнина примыкаетъ къ Джавахетин и Верхней Карталиніи. Въ XI—XII вв. здѣсь шла мирная работа, воздвигались церкви и монастыри, процвѣтала образованность и культурная жизнь. Памятники искусства, сохранившіеся въ большомъ количествѣ, свидѣтельствуютъ, что Цалка въ это время была плотно заселена грузинскимъ народомъ, оставившимъ надписи на храмахъ церковнымъ алфавитомъ хуцури. Но начиная съ XIII в., съ эпохи нашествія монголовъ, край этотъ пришелъ въ упадокъ. Залустѣніе Цалки особенно усилилось въ XVII в., въ періодъ политическаго ослабленія Грузіи подъ ударами персовъ и турокъ, лезгинъ и прочихъ кавказскихъ горцевъ. Часть верхней Грузіи (Ахалцыхскій и Ахалкалакскій уѣзды) была оторвана Турціей и переведена въ исламъ, частью въ католицизмъ. Цалка, лишенная защиты изъ центральной Грузіи, подверглась вторженіямъ турокъ и лезгинъ: уничтожались поселенія, подвергались мученической смерти жители, или уводились они въ плѣнъ и обращались въ магометанство. Горсть уцѣлѣвшихъ жителей этой беззащитной части грузинскаго царства бросила свои родныя поля и переселилась въ Кизикію, нынѣшній Сигнахскій уѣздъ.

Почти въ теченіе цѣлаго столѣтія Цалкинская равнина представляла пустынную мѣстность съ остатками деревень и развалинами храмовъ. Въ началѣ XIX в. главнокомандующій на Кавказѣ генералъ Паскевичъ по присоединеніи къ Россіи въ 1829 г. Ахалцыхской провинціи, озаботился объ оживленіи Цалкинской

равнины, непосредственно связанной съ этой отторгнутой отъ Турціи провинціей. По нѣкоторымъ политическимъ соображеніямъ, имъ были вызваны изъ Турціи армяне и греки и поселены въ Джавахетіи и на Цалкѣ. Переселеніе турецкихъ христіанъ въ предѣлахъ верхней Грузіи относится къ 1830 г. Съ тѣхъ поръ и проживаютъ греки на Цалкѣ и число ихъ въ настоящее время доходитъ до 25000 душъ. Впослѣдствіи для поднятія здѣсь культуры были поселены нѣмцы, по ихъ колоніи не имѣли того благотѣльнаго вліянія, на которое рассчитывали кавказскія власти. Въ особенности поражаетъ разница въ благосостояніи нѣмцевъ и цалкинскихъ грековъ, бѣдныхъ и невѣжественныхъ поселянъ нагорной равнины. Занимая очень высокія мѣста (до 5000 фут. надъ уровнемъ моря), лишенная лѣса и подвергающаяся частымъ дождямъ, Цалка не обезпечиваетъ жителямъ награды за потраченный трудъ земледѣльца. По словамъ грековъ, почва на Цалкѣ «гнилая», хлѣбные злаки рѣдко дозрѣваютъ; питаются они ячменнымъ хлѣбомъ; одинъ картофель даетъ хорошій урожай и служить важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Экономическому упадку цалкинцевъ способствуетъ еще то обстоятельство, что греки менѣе обезпечены, чѣмъ нѣмцы, въ колоніяхъ Александерсгильфъ и Якубли, которые процвѣтаютъ не только благодаря своей энергіи и культурности, но и соответствующимъ ихъ силамъ повышеннымъ размѣрамъ земли (до 30—35 дес. на душу). Переселившіеся изъ Трапезундскаго вилайета цалкинцы-греки не освоились съ характеромъ и климатическими особенностями новой отчизны, въ противоположность нѣмцамъ, которые вѣрно поняли, что Цалка не тотъ уголокъ, гдѣ можетъ быть насаждаема земледѣльческая культура, а предназначена лишь для скотоводства. Жалкое и унылое впечатлѣніе производятъ селенія цалкинскихъ грековъ, огражденные стѣною изъ кизяковъ, которые зимою служатъ единственнымъ топливомъ. Еще печальнѣе видъ жилищъ грека, пріютившагося въ грязной и сырой землянкѣ, безъ достаточнаго свѣта и вентилаци. Рядомъ съ греческими поселеніями селенія армянъ смотрятъ зажиточнѣе и благоустроеннѣе. Цалкинскіе греки живутъ въ 28 селеніяхъ, изъ которыхъ одни сохранили грузинскія пазванія

1) Авранло 124 дыма (т.-е. дома), Ердиклиса 115 д., Джинпсъ 86 д., Кумбатъ 78 д., Оланъ 73д., Тарсовъ 180., Реха 120 д., Хандо 40 д., Башковъ 108 д., Ка-

(напр. Реха), другія носятъ, рѣдко, греческія (Имера), чаще же турецкія названія. Во многихъ изъ нихъ имѣются старинные храмы съ грузинскими надписями (Кярекъ, Едиклиса, Бешташенъ и др.), подобно тому какъ это видимъ въ татарскихъ и армянскихъ селеніяхъ. Изъ 28 селеній, населенныхъ греками, только четыре деревни говорятъ на родномъ языкѣ, остальные объясняются на татарскомъ языкѣ, на которомъ говорятъ только армяне и грузины, живущіе на Цалкѣ ²⁾. Греки и гречанки одѣваются, слѣдуя татарской модѣ, поютъ татарскія пѣсни, и скудная ихъ пища—татарской кухни (пилавъ, чихиртма). Въ церкви православный священникъ, всюду пользующійся большимъ уваженіемъ богомольныхъ грековъ, произноситъ проповѣдь на татарскомъ языкѣ; евангеліе, писанное и напечатанное греческими буквами, но на татарскомъ языкѣ, можно встрѣтить тамъ и сямъ. Даже типъ ихъ подвергся большому измѣненію и немногимъ напоминаетъ древняго эллина-красавца kalos-kagathos.

Цалкинскіе греки отстали отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и въ экономическомъ и духовномъ развитіи. Образованныхъ грековъ-цалкинцевъ знаютъ на перечетъ. Новое движеніе ихъ почти не коснулось, хотя и къ намъ приходили, какъ они говорятъ, эртобщи ки, «проповѣдники» единенія (отъ груз. слова ертоба). Мракъ невѣжества и суровая бѣдность окружаютъ цалкинскихъ грековъ попрежнему. Эта отсталость цалкинцевъ, скромныхъ и набожныхъ поселянъ, свято чтущихъ всѣ догматы и обряды православной церкви, вплоть до храненія поста по средамъ и пятницамъ, объясняется тяжелыми экономическими условіями въ связи съ общимъ состояніемъ ихъ культурнаго развитія.

Школъ на Цалкѣ очень мало и тѣ не на высотѣ своего призванія. Обученіе въ нихъ ведется по такъ называемому натуральному методу, т. е. на русскомъ языкѣ безъ помощи родного языка. Сами преподаватели греки, несвѣдущіе въ области родной

ракомъ 39 д., Ливать 54 д., Кярекъ 99 д., Бешташенъ 159 д., Имера 76 д., Шипакъ 48 д., Сагаръ Хараба 31 д., Бармаксызъ 157 д., Хараба Екканой 69 д., Хабыкъ 41 д., Ахавызъ 44 д., Гуниакала 134 д., Салта 65 д., Саванды 49 д., Цинмара 70 д., Тагъ-Килиса 66 д., Демурбулакъ 90 д., Амбарло 57 д., Кабанъ-Булчасанъ 87 д.

²⁾ Армянскихъ селеній 13, грузинскихъ 6. Названія послѣднихъ слѣдующія: Кледеня, Гомареты. Большіе и Малые, Аха, Какліани, Мамука-сапели.

старины и языка, не въ силахъ помочь родному народу изучать грамоту на родномъ языкѣ. Имъ недостаетъ педагогической подготовки и знаній на родномъ языкѣ; они получили образованіе въ городскихъ училищахъ или въ учительской семинаріи, гдѣ ихъ не обучали родному языку, не готовили къ дѣятельности среди своихъ соплеменниковъ. Единственная двухклассная школа въ Гуніа - Кала, призванная поднять сельско-хозяйственную культуру среди грековъ, оказалась бесплоднымъ учрежденіемъ, не отвѣчающимъ своему назначенію. Даже молитвы въ школахъ изучаются на родномъ языкѣ, усваиваются безъ пониманія; а если кто и прочтетъ «Отче нашъ» на греческомъ языкѣ, то этимъ знаніемъ онъ обязанъ не школьному учителю, а своей безграмотной матери, по традиціи обучающей дѣтей молитву Господню читать по-гречески. Для поднятія современнаго низкаго уровня культуры грековъ-цалкинцевъ было бы полезно вести школьное обученіе на родномъ языкѣ, и съ помощью его изучать русскій языкъ. А въ этихъ видахъ слѣдовало бы при одной изъ закавказскихъ учительскихъ семинарій открыть греческое отдѣленіе для подготовки контингента преподавателей, подобно тому какъ при Горійской учительской семинаріи существуетъ татарское отдѣленіе, подготовляющее учителей для татарскаго населенія.

А. Хахановъ.

Историческое развитіе этнографіи *).

Девятнадцатый вѣкъ принято называть вѣкомъ великихъ изобрѣтеній, вѣкомъ пара и электричества. Нерѣдко этимъ названіемъ стремятся опредѣлить матеріалистическое направленіе вѣка, сдѣлавшаго столько для развитія матеріальнаго благосостоянія человѣчества. Не слѣдуетъ, однако, быть несправедливымъ въ оцѣнкѣ предшествующаго столѣтія. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ человѣческая мысль и въ другой области достигла великихъ результатовъ. Въ теченіе его отчасти возникли, отчасти пышно расцвѣли многія научныя системы: сравнительное языковѣдѣніе, антропология, социология и др. Въ девятнадцатомъ же вѣкѣ опредѣленное и вполне заслуженное мѣсто среди наукъ заняла и этнографія.

Бывшая столь долго лишь *описаніемъ народовъ*, слагавшаяся изъ записей путешественниковъ, купцовъ, миссіонеровъ — она къ концу девятнадцатаго столѣтія развила свои научныя методы, представила рядъ научно-обоснованныхъ выводовъ—и, несмотря на протесты однихъ, на сомнѣнія другихъ, твердой ногой стала въ кругъ научныхъ дисциплинъ.

Позвольте мнѣ въ качествѣ введенія къ нашему курсу прослѣдить *историческій путь* развитія нашей науки, отмѣтить тѣ факторы, которые вызвали ея ростъ и дали ей развиться въ научную систему.

Прежде всего мнѣ придется остановиться на исторіи накопленія этнографическаго матеріала.

Первѣйшимъ и древнѣйшимъ источникомъ этнографіи — описанія народовъ—служили, конечно, тѣ данныя, которыя были добыты эмпирическимъ, опытнымъ путемъ. Въ древнѣйшія времена

*) Вступительная лекція къ курсу этнографіи, прочитанная на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Москвѣ 9 октября 1907 г.

человѣческія группы, вступая другъ съ другомъ въ сношенія, будь то въ военныхъ цѣляхъ, будь то въ цѣляхъ обмена—не-сомнѣнно находили свою выгоду въ знаніи взаимныхъ быта и обычаевъ. Постепенно, въ средѣ каждой группы, позднѣе племени, еще позднѣе народа составлялось извѣстное понятіе о „нравахъ и обычаяхъ“ сосѣдей. Насколько богатый матеріалъ былъ уже въ древнѣйшія времена накопленъ опытной этнографіей доказываютъ повѣствованія Геродота. Уроженецъ малоазіатскаго города Галикарнаса, Геродотъ объѣздилъ Грецію, Египетъ, часть Азіи. Въ девяти книгахъ своей Исторіи, посвящихъ названія девяти музъ, Геродотъ оставилъ намъ описаніе вѣрованій, обычаевъ, преданій многихъ народовъ, напр. египтянъ, вавилонянъ, скиновъ. Его упрекали въ склонности къ чудесному, потому что многое, переданное имъ за слышанное и видѣнное, казалось невозможнымъ, нелѣпымъ. Лишь современныя этнографія, археологія и исторія во многомъ оправдали Геродота и заставили видѣть въ его „Исторіи“ цѣнный источникъ для этнографіи.

Древній міръ не обладалъ совершенными способами передвиженія—по жажда расширить рамки вѣдомаго міра одушевляла его. Къ тому же войны переносили народы съ одного материка на другой, сталкивали племена и языки, сближали ихъ. Священные книги іудеевъ освѣщаютъ исторію и вѣрованья египтянъ, ассирійцевъ, вавилонянъ и другихъ народовъ, соприкасавшихся съ ними. Многія данныя Библіи подтверждаютъ теперь ставшіе доступными папирусы и клинообразныя надписи Ассири-Вавилоніи. Персидскія войны бросили на небольшое европейское государство полчища объединенныхъ деспотической волей народовъ. Слѣдствіемъ греко-персидскихъ отношеній былъ знаменитый походъ десяти тысячъ грековъ въ Малую Азію, давшій начало весьма важному для этнографіи сочиненію Ксенофонта: Анабазису (или Отступленію). Греческій завоеватель, имя котораго сохранила народная словесность многихъ странъ, Александръ Великій, двинулся безстрашно до предѣловъ Индіи, а преемники его, греческіе владыки Египта, завязали прочныя торговыя сношенія съ этой сказочной страной. Пуническія войны, интересы римлянъ въ Африкѣ вызвали знакомство съ этимъ материкомъ. Съ другой стороны вниманіе Рима привлекали дикіе народы по ту сторону Альпъ—и мы видимъ въ „Запискахъ“ Цезаря серьезное

описаніе обычаевъ и правовъ тѣхъ племенъ, сокрушить которыхъ во славу мірового владычества Рима онъ явился въ Галлію и Британію. На рубежѣ двухъ эръ — старой и новой — появилась знаменитая „Географія“ Страбона. Часть ея въ 17 книгахъ дошла до насъ. По этому своду всего имѣвагося въ древнемъ мірѣ матеріала видно, что классическій географъ не довольствовался описаніемъ странъ, но удѣлялъ большое вниманіе правамъ и обычаямъ народовъ. Въ началѣ христіанской эры идущая неуклонно къ своему паденію римская имперія даетъ намъ двухъ писателей, оставившихъ весьма интересные для этнографіи труды: это Тацитъ и Плиній. Тациту принадлежитъ знаменитое описаніе быта германцевъ — темной силы, надвигавшейся на Римъ изъ вѣдръ вѣковыхъ сѣверныхъ лѣсовъ. Его сочиненіе: *De origine, situ, moribus, ac populis germanorum* (98 г.), составленное на основаніи свѣдѣній изъ первыхъ рукъ и всей предшествующей литературы предмета, позволяетъ начать исторію Германіи съ I-го вѣка. „Естественная“ исторія Плинія (*Naturalis Historia*), въ нѣкоторыхъ книгахъ которой даются свѣдѣнія о географическомъ раздѣленіи земли и о народахъ ея населяющихъ — особенно важна въ томъ отношеніи, что Плиній въ этомъ компілятивномъ трудѣ пользовался источниками, частью навсегда утраченными.

Классическій міръ гибнетъ. Остатки его, низверженную и измелъчавшую Элладу, смѣшанные культы эллиновъ и эллинизированныхъ и романизированныхъ азіатскихъ варваровъ описалъ Навзаний во II-мъ вѣкѣ по Р. Хрис. въ своемъ путешествіи по Греціи — (*Ελλάδος περιήγησις*) сочиненіи, неоцѣнимомъ для исторіи вѣрованій.

Новый міръ возникаетъ на развалинахъ древняго — передвиженія народовъ, завоеванія. Среди хаоса, при которомъ зарождаются средніе вѣка, новая сила, проникающая въ міръ — христіанское ученіе — прокладываетъ себѣ все новые пути. Сочиненія просвѣтителей языческихъ странъ средневѣковья, еще мало изслѣдованы, но они нерѣдко представляютъ серьезный интересъ для этнографа. Иордану, епископу Равенскому, готу по происхожденію (VI в.), принадлежатъ обстоятельныя свѣдѣнія о готахъ (*De gotorum origine e rebus gestis* или *de origine actuque getorum*), дьяконъ Павель Варнефридъ (въ VIII в.) писалъ о лапгобардахъ; св. Бонифацій (VIII в.), просвѣтитель Германіи, — преданія объ его

дѣятельности до сихъ поръ живы въ живописныхъ горныхъ дѣревняхъ Тюрингіи — писалъ для папы отчетъ о народахъ Эсکلавоніи. Монахъ Анскаръ посѣтилъ Швецію, Шлезвигъ-Гольштинію и Данію въ IX в. Позднѣе, въ XI в. Адамъ Бременскій пользовался его данными въ своей знаменитой „Исторіи сѣверной церкви“, которая служитъ серьезнымъ источникомъ для этнографовъ.

Все шире раздвигались границы міра для той части человечества, въ которой несомнѣнно въ тѣ времена сосредотачивалась наибольшая культурная сила прошлаго — для народовъ Европы. Неустрашимые скандинавскіе мореплаватели бороздили Ледовитое море къ западу и востоку отъ ихъ суровой страны. Потокъ другихъ странствователей, смиренныхъ и мирныхъ, съ VI вѣка отправляется во Святую Землю, принося оттуда знакомство со странами ближняго Востока. Въ усиленной борьбѣ съ арабами, съ персами, съ славянами Византія знакомится съ этими народами, съ ихъ бытовыми особенностями.

Новые горизонты, устрашающіе своей ширью и далью, открыли народамъ Европы нашествія монголовъ. Папы и государи посылаютъ въ Великую Татарію—въ ту Монголію, изъ которой вышли новые страшные завоеватели, своихъ пословъ. Плано Карпини (1245 г.), Рубриквисъ (1253 г.) совершили съ честью этотъ далекій путь. Имъ во слѣдъ двинулись монахи миссіонеры проповѣдывать христіанство дикимъ монголамъ. Путь въ Великую Татарію былъ уже до нѣкоторой степени извѣстенъ, когда въ концѣ XIII в. (1271—1295) совершилъ свое знаменитое путешествіе въ Монголію, Китай, Индію, на нѣкоторые острова Индійскаго океана венеціанецъ Марко Поло. Его книга, изобилующая интереснѣйшими данными, и теперь читается какъ сказка. Описаніе дворца великаго хана, напримѣръ, (кн. II, гл. LXXXIV) его пира и охоты (ib. гл. LXXXVII—XCV) папоминаютъ преувеличенія въ описаніяхъ былинныхъ сказочныхъ богатствъ. Увлекательная, написанная легкимъ стилемъ, сна, навѣрное, своими яркими картинками зажгла не одно горячее воображеніе стремленіемъ посѣтить далекія волшебныя страны.

Наступаетъ великій поворотный пунктъ исторіи — Европа вступаетъ въ эпоху великихъ открытій. Въ 1492 году Колумбъ во имя испанской короны вступаетъ въ обладаніе новымъ материкомъ и прилегающими къ нему островами; въ 1497 г. Васка

де Гама, по порученію португальскаго короля, огибаетъ Африку и находитъ морской путь въ Индійскій Океанъ. Потокъ завоевателей, искателей приключеній и легкой наживы, купцовъ и миссіонеровъ двумя руслами направляется въ неизвѣстныя страны. Испанцы стремятся къ западу, къ богатствамъ новооткрытаго материка; португальцы заводятъ свои торговыя факторіи на берегахъ Африки, входятъ въ Красное море, Персидскій заливъ, огибаютъ Индостанъ и Индо-Китай, изслѣдуютъ берега Китая, доходятъ до Японіи. Рядъ путешественниковъ, преимущественно португальцевъ и итальянцевъ, въ XV и XVI в.в.: де Конти (1444) Клавихо, (1403), Барбаро (1436—1475), Людовико Бартема (1502—1508) и др. расширили знакомство европейцевъ съ Азіей. Китай довольно часто посѣщался европейцами. Предпримчивые купцы генуэзцы и вѣнцы завели торговыя отношенія съ Китаемъ и Индіей.

Папа проводитъ свою знаменитую демаркаціонную линію; новооткрытыя земли къ востоку (на 100 миль) отъ Азорскихъ острововъ отдавались португальцамъ, къ западу испанцамъ. (Позднѣе демаркаціонная линія была отодвинута къ западу, захвативъ часть Бразиліи, которую открылъ португалецъ Кабраль (въ 1500 г.). По жизнь промышленная, торговая, политическая европейскихъ странъ, быстро развиваясь, стерла демаркаціонную линію папы, и другіе народы устремились въ дальнія страны, движимые жадной обладанія: голландцы осѣли на островахъ Малайскаго архипелага, по берегамъ Африки. Джонъ Каботъ (1497) во имя Англіи завладѣлъ сѣверомъ Америки, французъ Жакъ Картье (путеш. 1534 и 1541) колонизировалъ Канаду и т. д.

Въ этомъ неудержимомъ стремленіи въ невѣдомыя страны, вызванномъ преимущественно матеріалистическими видами, нельзя не отмѣтить идеалистической струи—труды, весьма часто безкорыстные, миссіонеровъ. Вслѣдъ за первыми европейскими пионерами въ глубь неизвѣстныхъ странъ двинулись и они. Мы не будемъ входить въ оцѣнку тѣхъ способовъ, которыми они нерѣдко наносили ущербъ великой идеѣ проповѣдуемаго ими христіанства; отмѣтимъ, что для этнографіи ихъ сочиненія съ описаніями посѣщенныхъ странъ и народовъ до сихъ поръ зачистую имѣютъ большую цѣну.

Начало XVII в. было ознаменовано открытіемъ еще Новаго

материка — Австраліи (1605) существованіе котораго, впрочемъ, предполагали уже въ XVI в. португальцы. Рядъ путешествій въ XVII в. относится къ изслѣдованію Австраліи—изъ нихъ наиболѣе замѣчательнымъ можно считать путешествіе Тасмана, въ 1642 совершившаго вокругъ нея плаваніе. Далѣе слѣдуетъ знаменитое путешествіе Кука (1769—1779), относящееся уже къ XVIII в. и путешествія, захватившія конецъ XVIII в. и начало XIX в. Фюрно (1773), Лаперуза (1788); Дюмонъ Д'Юрвиля (1826), открывшія на многочисленныхъ островахъ Великаго Океана—новый міръ, до сихъ поръ поражающій европейцевъ удивленіемъ.

Мы были бы несправедливы, если-бы въ нашемъ перечнѣ забыли упомянуть путешествія русскихъ странствователей. Прежде всего вспомнимъ о хожденіяхъ во Святую Землю, начиная со знаменитаго путешествія Даниила въ нач. XII в., далѣе діакона Игнатія (1389—1391), Трифона Коробейникова (XVI в.) и наконецъ іеродіакона Іону и Арсенія Суханова (1651). Изъ русскихъ путешествій въ дальнія страны Востока слѣдуетъ упомянуть о путешествіи въ Индію тверского купца Афанасія Никитина (1466—1472), который посѣтилъ Индію на четверть вѣка ранѣе, чѣмъ Васко де Гама. Записки Никитина обнаруживаютъ человѣка наблюдательнаго; они, по словамъ Срезневскаго, „принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: рассказы Ди-Конти и отчеты Васко-де-Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ ними; не ниже ихъ это изложеніе ни по слогу, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ рассказамъ туземцевъ“. Къ царствованію Іоанна Грознаго относится путешествіе въ Китай казацкихъ атамановъ Ивана Петрова и Буриаши Елышева; а въ 1654 г. въ Китай же совершилъ путешествіе Ѳеодоръ Исакиевичъ Байковъ.

XVIII в. и начало XIX в. изобилуетъ въ Россіи путешествіями, имѣвшими громадное значеніе для этнографіи. Правительство наше того времени ясно сознавало всю пользу всесторонняго изученія странъ и народовъ, ему подвластныхъ. Оно не жалѣло средствъ для снаряженія далекихъ экспедицій—и мы имѣемъ рядъ блестящихъ изслѣдователей Сибири, Киргизскихъ степей, Камчатки, русскихъ владѣній въ С. Америкѣ. Я назову лишь нѣсколько именъ: Стеллера и Крашенинникова, Палласа, Рычкова, Сарычева, Литке, Квитцна, Бар. Майделя; ихъ труды

представляютъ неоцѣнимый вкладъ какъ въ русскую, такъ и всеобщую этнографію. Не забудемъ упомянуть, что наша миссія среди инородцевъ уступленныхъ въслѣдствіи Америкѣ владѣній справедливо гордится однимъ свѣтлымъ именемъ—о. Іоанна Веніамінова. Одушевленный горячей любовью къ своей инородческой паствѣ, о. Веніаміновъ составилъ „Записки объ алеутахъ и колошахъ Уналашкинскаго отдѣла“—трудъ, по справедливости отмѣченный западноевропейскими учеными.

XIX-му вѣку не предстояло открывать новыхъ материковъ. Но ему выпала другая, не менѣе благородная задача: изслѣдовать уже открытые міры. Въ этомъ отношеніи наиболѣе, пожалуй, сдѣлано относительно Африки. Припомнимъ, что еще на картахъ 60-хъ годовъ XIX столѣтія, почти вся середина Африки представляла бѣлое, т.-е. неизслѣдованное, пятно, и сравнимъ съ ними хотя бы карты въ *Handatlas Andree*, покрытыя густой сѣтью надписей. Вспомнимъ исторію первыхъ путешественниковъ Африки: несчастнаго Мувго Парка (1795 — 97; 1806), погибшаго во время своей экспедиціи, страдавшаго благороднаго Ливингстона, нечеловѣческія трудности и лишения, перевесеннаго неустрашимымъ Стэнли, еще въ 70 годахъ XIX вѣка. Вспомнимъ, что лишь въ 1876 г. подъ покровительствомъ бельгійскаго короля въ Брюсселѣ создавалась международная ассоціація для изслѣдованія Африки въ цѣляхъ научныхъ, торговыхъ и промышленныхъ. И сопоставимъ съ этимъ новѣйшія данныя. Въ августѣ 1905 г. состоялся въ Капштадтѣ научный съѣздъ Британской ассоціаціи для преехъанія науки (*British association for the advancement of science*). Члены съѣзда, пріѣхавшіе изъ Англіи, Германіи и другихъ странъ, имѣли случай, пользуясь всѣми удобствами курьерскаго поѣзда въ полтора сутокъ проѣхать черезъ всю страну бечуановъ, а 20 часовъ спустя они были уже у знаменитаго водопада Викторіи на р. Замбези, намного превышающаго величиною паденіе Ніагары.

Пути сообщенія въ Африкѣ съ каждымъ годомъ все увеличиваются и становятся удобнѣе. Европейскія пароходы разныхъ странъ обслуживаютъ многочисленныя береговые порты Африки, судоходность многихъ рѣкъ опредѣлена, желѣзнодорожныя линіи построены или помѣчены уже на картѣ прерывчатыми линіями. Африка становится мало-по-малу ареной путешествій для любии-

телей-охотниковъ, для туристовъ, и пресловутая компанія Кука за 4000 фр. съ человѣка, уже нѣсколько лѣтъ возить пассажировъ отъ Парижа въ глубь англійскаго Судана на поѣздахъ экспрессахъ и первоклассныхъ пароходахъ.

Надо признать не одні научныя цѣли содѣйствовали изслѣдованію Чернаго материка. Даже набросанный обширнымъ умомъ покойнаго кардинала Лавижери планъ проповѣдыванія христіанства въ неизслѣдованныхъ частяхъ Африки, дѣятельность учрежденнаго имъ ордена Бѣлыхъ братьевъ (*frères blancs*), широкая пропаганда противъ торговли рабами имѣли въ виду, вмѣстѣ съ гуманными цѣлями, упроченіе французскаго могущества въ Африкѣ. Можно сказать, что культурныя государства Европы, нерѣдко прикрываясь евангельскимъ словомъ и попирая его, нерѣдко выступая во имя высшей культуры и становясь ея недостойными, бросились на эту часть древняго міра съ той же жадностью, какъ когда-то испанцы—искатели золота и португальцы—скупщики пряностей на отведенныя имъ папой новооткрытыя земли. Англія, Германія, Франція другъ передъ другомъ захватывали въ Африкѣ обширныя области, сталкивались другъ съ другомъ въ интересахъ своей колоніальной политики. И надо признаться, большинство африканскихъ экспедицій XIX вѣка имѣли цѣлью не столько изученіе народовъ Африки, ихъ быта и вѣрованій, сколько желѣзнодорожныя изысканія, топографическія съемки, открытіе новыхъ торговыхъ и военныхъ путей, изслѣдованія ботаническія съ цѣлью опредѣлить возможность акклиматизаціи полезныхъ растений и т. п. Тѣмъ не менѣе, изъ этого лихорадочнаго открытія Африки этнографія извлекла не мало пользы. Проводившіе колонизаторскую политику скоро поняли, что они теряютъ отъ незнанія покоряемыхъ народовъ; торговые интересы также страдали отъ незнакомства съ вкусами туземцевъ. Поэтому собраніе этнографическихъ свѣдѣній скоро стало входить въ программу даже начальниковъ карательныхъ экспедицій. Мы имѣемъ теперь, кромѣ сочиненій прежнихъ путешественниковъ, превосходныя этнографическія монографіи по различнымъ племенамъ Африки—изъ послѣдняго времени. Но практическіе интересы изслѣдованія, пренебреженіе къ духовному міру покоряемыхъ сказались въ этнографической литературѣ Африки; матеріальный бытъ туземнаго населенія мѣстами прекрасно изслѣдованъ, въ

этнографическихъ музеяхъ западной Европы африканскій отдѣлъ представленъ богато — но о вѣрованіяхъ темныхъ обитателей Африки, ихъ настоящемъ характерѣ и сущности, можно сказать, точнаго и достовѣрнаго извѣстно еще очень мало.

Другія страны были счастливѣе. Чисто научное этнографическое изслѣдованіе направилось на области Южной Америки. Рядъ блестящихъ этнографовъ вступили на дѣвственную почву незнакомыхъ иногда европейцамъ земель: Эренрейхъ, ф. д. Штейнень, Т. Кохъ и др. Центральная Америка съ ея сказочными развалинами въ глубинахъ вѣковыхъ лѣсовъ заговорила новымъ языкомъ, благодаря изученію мексиканскихъ нисменъ и раскопкамъ. Оtmѣтимъ имена Сапнера, Селера, Преусса и др. Безконечную заслугу передъ этнографіей имѣютъ сѣверо-американскіе этнографы, въ число которыхъ надо отнести нѣмца Босса. Боасомъ, также какъ и Нельсономъ и пр. изслѣдованы эскимосы съ величайшей подробностью. Интереснѣйшія въ этнографическомъ отношеніи племена сѣверо-западнаго побережья Сѣверной Америки, Калифорніи, племена пуэбло нашли въ лицѣ сѣверо-американскихъ этнографовъ добросовѣстныхъ изслѣдователей. Можно по справедливости сказать, что ихъ работы, проведенныя чисто научнымъ путемъ, открыли столь важныя данныя этнографіи, что ей стало возможно выставить совершенно новыя положенія и вѣско подтвердить старыя. Цѣлый переворотъ въ этнографической литературѣ сдѣлали книги Спенсера и Джиллена. Эти два изслѣдователя, послѣ долголѣтняго пребыванія среди нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, вооруженные знаніемъ ихъ языка, представили интереснѣйшія данныя объ этой отрасли австралійцевъ. Острова Тихого океана имѣютъ также своихъ изслѣдователей: Финша, Элліса, Эджъ Партигтона, Мейера, Паркинсона, Форвандера. Наконецъ, голландцы — сочиненія ихъ, къ сожалѣнію, не столь доступны намъ — дѣятельно изучаютъ свои владѣнія въ Индійскомъ океанѣ. Путешествіе Ньювенхауза по Центральному Борнео и его книга подъ тѣмъ же названіемъ справедливо оцѣнены этнографами.

Я постаралась въ бѣгломъ очеркѣ представить исторію накопленія этнографическаго матеріала, преимущественно среди нарсодовъ другихъ материковъ. Это одинъ изъ первѣйшихъ факторовъ, давшихъ возможность этнографіи выработаться въ проч-

ную, опытную науку. Мы должны обратиться теперь къ другому, не менѣе важному фактору. Какъ вамъ извѣстно, начало XIX вѣка, подъ вліяніемъ политическихъ событій, ознаменовалось сильнымъ развитіемъ національныхъ идей. Въ этнографической литературѣ Германіи это націоналистическое направленіе навсегда останется связано съ крупными фигурами двухъ братьевъ Якова и Вильгельма Гриммъ. Олушевленные горячей любовью къ родному, германскому, бр. Гриммъ видѣли въ знаніи родной старины залогъ мощнаго расцвѣта своей народности. Родная старина казалась бр. Гриммъ тѣмъ живительнымъ источникомъ, изъ котораго нѣмецкій народъ станеть черпать свои самобытныя силы. Съ горячей ревностью людей, глубоко вѣрющихъ въ свое дѣло, оба Гриммъ предались изученію нѣмецкой старины: юридическихъ древностей (*Deutsche Rechtsalterthümer*. 1828.), преданій (*Kinder & Haumärchen*. 1812.—*Deutsche Sagen*. 1816—18.), вѣрованій (*Deutsche Mythologie*, 1835) нѣмецкаго народа. Ихъ энтузіазмъ воспламенилъ многихъ. Изысканія всего того, въ чемъ выражался, какъ говорили тогда, „народный духъ“: произведеній народной словесности, обычаевъ, народныхъ вѣрованій, суевѣрій—вызвали къ жизни обширную этнографическую литературу о нѣмецкомъ народѣ, до сихъ поръ составляющую настоящій кладъ для этнографіи Германіи. Казалось, ни одна область Германіи съ ея разнохарактернымъ населеніемъ не осталась не изслѣдованной. Къ этнографическому изученію родины въ то время многими прилагалось не столько научныхъ знаній, сколько горячей искренней любви къ народу и тому самобытному достоянію, которое онъ, въ противоположность культурнымъ классамъ, неизмѣнно донесъ черезъ столѣтія въ полной, какъ казалось тогда, цѣлости. Но идеи Гриммъ принесли обильные плоды не только въ Германіи. Всюду, во вѣхъ странахъ Европы оживаетъ любовь къ собиранію мѣстныхъ обычаевъ, вѣрованій, преданій. Народная вѣра притягиваетъ къ себѣ вниманіе и интересъ, знакомство съ народной словесностью выгодно отражается и на литературѣ и оживляетъ ея содержаніе и форму. Въ Россіи также появилась плеяда этнографовъ, воспитавшихся на идеяхъ Гриммъ—Буслаевъ, Афанасьевъ и др. Ихъ сочиненія проникнуты любовью къ народу, они передали ее и нынѣшнему поколѣнію русскихъ этнографовъ. Ихъ труды — образцовые по

добросовѣстности, окрашены чувствомъ любви ко всему народному, родному. Это составляетъ ихъ неподдѣльную прелесть.

Въ 1846 г. впервые англичаниномъ Toms—омъ было предложено слово folk-lore для опредѣленія области изученія народныхъ обычаевъ, вѣрованій, словесности. Оно было принято повсемѣстно. Фольклоръ быстро вербовалъ себѣ армію сочувствующихъ, сотрудниковъ. Созидались кружки для спеціальнаго изученія фольклора отдѣльнаго народа, отдѣльной области—они существуютъ и сейчасъ. Основаны многочисленныя періодическія изданія, имѣющія исключительную цѣль—въ точныхъ записяхъ сохранить гибнущее подъ напоромъ городской культуры самобытно-народное.

Наконецъ, въ XIX в. было быстро двинуто впередъ изученіе древняго міра: Греціи, Рима, Египта, странъ Востока. XIX в. сумѣлъ разгадать гіероглифы Египта, клинообразныя надписи Ассиро-Вавилоніи. Аргосъ и Микена, Троя съ городами, послѣдовательно погибавшими одинъ подъ другимъ, и другіе центры древнихъ культуръ въ Сиріи, Месопотаміи, въ области распространенія финикійца, благодаря раскопкамъ, открыли множество новыхъ данныхъ о бытѣ, вѣрованьяхъ, культѣ, о сферѣ распространенія уже угасшихъ племенъ и народовъ.

Итакъ, матеріалъ, на которомъ этнографія строить свои выводы, составилъ изъ данныхъ, добытыхъ изученіемъ, съ одной стороны народовъ отдаленныхъ, полу и малокультурныхъ, съ другой, низшихъ классовъ тѣхъ народовъ, которые уже прошли длительной путь цивилизаціи, наконецъ, изъ свѣдѣній о бытѣ, вѣрованіяхъ, мнѡгахъ народовъ древности. Невольно явилось сопоставленіе, сличеніе матеріала. Къ чему же оно привело? Постепенно, длительнымъ путемъ, этнографія разрушила одну великую иллюзію, при свѣтѣ которой европейскіе народы вступили въ XIX столѣтіе: это увѣренность, что блѣднолиніе народы, вышедшіе будто-бы изъ глубины Центральной Азіи, представляютъ цвѣтъ человѣчества, наиболее благородную его часть, которой принадлежитъ владычество надъ вселенной. Этнографія, оперируя падеъ фактами, низвела съ вымышленной высоты благороднаго арія, о которомъ въ свое время говорилось такъ много. Она заставила взглянуть вдумчивѣе и на вопросъ о первобытномъ чловѣкѣ.

Всѣмъ извѣстенъ взглядъ XVIII вѣка на состояніе „первобытныхъ людей“, дикарей, близкихъ къ природѣ и потому счастливыхъ, по мнѣнію Руссо. Хотя XVIII же вѣку принадлежала книга о. Лафито (1724), который, лично ознакомившись съ бытомъ дикарей Сѣверной Америки, вынесъ совершенно другое впечатлѣніе объ ихъ жизни — общество XVIII в., восторженно поклонявшееся женовскому философу, предпочитало трезвому взгляду очевидца сентиментальныя фантазіи гениальнаго провозносителя „естественнаго состоянія человѣчества“. Даже позднѣе, Шатобрианъ, отказывавшійся отъ сочувствія представленіямъ Руссо о дикаряхъ, самъ побывавшій среди индѣйцевъ Сѣверной Америки и сравнительно хорошо освѣдомленный объ ихъ бытѣ, не могъ, очевидно уйти изъ подъ очарованія господствовавшаго въ его время сентиментализма. Въ знаменитомъ своемъ разсказѣ „Atala“ онъ представилъ точную въ бытовыхъ деталяхъ, но ложную по духу идиллическую картину быта дикарей. Въ Шатобрианѣ борются требованія здороваго реализма, которые напращивались на перо добросовѣстному наблюдателю, и сентиментальность. Его Ревзъ восклицаетъ: „Счастливые дикари! Отчего я не могу пользоваться миромъ, который является вамъ всегдашнимъ спутникомъ! Въ то время, какъ я съ столь малой пользой пробѣгалъ столько странъ вы сидѣли спокойно подъ вашими дубами, и дни для васъ протекали безъ счета. Разумъ замѣняли вамъ однѣ ваши потребности и вы лучше меня достигали итоговъ мудрости, подобно ребенку, между игрой и сномъ. Если та меланхолія, которая зарождается отъ чрезмѣрнаго счастья, иногда достигала вашей души, вы скоро освобождались отъ этой преходящей грусти, и вашъ взглядъ, обращенный къ небу, растроганный, искалъ то неизвѣстное, что милосердствуетъ надъ бѣднымъ дикаремъ“. Этнографія даже того времени знала, какъ мало соответствуетъ дѣйствительной жизни некультурныхъ народовъ такое представленіе. Если бы эти восклицанія не были продиктованы искренней чувствительностью, они могли бы показаться жестокой насмѣшкой надъ дѣйствительнымъ состояніемъ некультурнаго человѣка, надъ той ожесточенной борьбой, которую ему приходится вести, шагъ за шагомъ отвоевывая себѣ у природы условія возможнаго существованія.

Уже въ Шатобрианѣ, однако, проявляется новое отношеніе

къ дикарю: всѣмъ благамъ, связаннымъ будто бы съ естественнымъ состояніемъ человѣчества, Шатобріанъ и его современники предпочитаютъ свѣтъ, приносимый человѣчеству культурой. „Я не энтузіастъ по отношенію къ дикарямъ, какъ Руссо,—заявляетъ Шатобріанъ въ предисловіи къ „Atala“,... я не думаю, что природа, какъ она есть, самое лучшее въ мірѣ. Я далекъ отъ возрѣнія, что думающій человѣкъ есть испорченное животное; я думаю, что человѣка дѣлаетъ мысль“. Вѣра въ силу поднимающей человѣчество культуры, такой живительной струей охватившая образованные круги XIX столѣтія, рѣзко измѣнила восторженное отношеніе къ жизни дикарей. Въ глазахъ XIX столѣтія, дикарь, лишенный свѣта цивилизаціи, представлялся несчастнымъ отсталымъ членомъ человѣческой семьи. Съ развитіемъ естественно-историческихъ наукъ, поставившихъ человѣка на степень лишь отдѣльнаго звена въ единой цѣпи зоологическихъ видовъ, отношеніе къ первобытному человѣку приняло весьма опредѣленную и вполне сознательную окраску. Если, дѣйствительно, зоологическій видъ *Homo sapiens* L. человѣкъ имѣлъ въ числѣ своихъ предковъ длинный рядъ постепенно эволюционировавшихъ животныхъ видовъ—каково должно было быть это человѣчество на зарѣ своего существованія, на той грани, гдѣ первая человѣческая группа отдѣлилась отъ послѣдняго своего животнаго звена? Когда человѣкъ впервые перешагнулъ эту грань, отдѣлявшую его отъ животнаго міра — не долженъ былъ онъ еще долго хранить слѣды животнаго своего происхожденія? Разумъ его, черезъ тысячелѣтія вознесшій его такъ высоко надъ міромъ животныхъ, освѣтившій весь міръ, не долженъ былъ развѣ походить на едва брежущій въ темнотѣ робкій проблескъ грядущаго, но далекаго еще дня? Начиная со второй половины XIX ст., этнографія разрѣшала вопросъ о первобытномъ человѣкѣ, одушевленная сознательно или бессознательно именно этими идеями. Были высказаны *a priori* положенія о дикихъ племенахъ, не знающихъ употребленія огня, не имѣющихъ религіи и т. п. Было обращено особенное вниманіе на изученіе первобытныхъ семьи и брака, первобытныхъ юридическихъ отношеній. Труды многихъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей представляли ихъ намъ какъ результатъ естественной дикости первобытнаго человѣка. Коммунальный бракъ,

коммунальная собственность, отсутствіе подчиняющей власти и т. п. казались неоспоримыми фактами, на низшей ступени развитія, какъ отсутствіе идеи добра, альтруистическихъ чувствъ, понятія о божествѣ и т. п. Но этнографія, какъ наука опытная, требовала не апріорныхъ положеній, но фактовъ для индукціи. Она тщательно провѣряла тотъ опытный матеріалъ, надъ которымъ орудовала, требовала новаго, если имѣющій у нея оказывался недостаточнымъ. Она неустанно работала и не боялась откидывать теоріи, которыя разрушали новопріобрѣтенные факты, какъ бы красивыми, стройными и прочными эти теоріи ни казались. Она знала, что она наука молодая и что ошибки ея прежнихъ работниковъ были естественными ошибками на темномъ еще пути; что всякая наука движется впередъ умами смѣлыми и свѣтлыми, освѣщающими лишь нѣкоторое пространство впередъ на предстоящемъ великомъ пути. Такъ работала этнографія, и къ такой работѣ призываетъ она всѣхъ своихъ приверженцевъ.

Теперь, въ началѣ XX столѣтія, мы должны признать, что вопросъ о первобытномъ человѣкѣ стоитъ передъ этнографіей въ томъ же нерѣшенномъ видѣ, какъ полстолѣтіе, какъ столѣтіе тому назадъ. Въ этомъ сказывается не безсиліе науки, а ея быстрый ростъ, ясный и трезвый умъ ея работниковъ. О первобытномъ человѣкѣ еще недавно судили по быту всѣхъ малокультурныхъ народовъ. Слово „дикарь“ еще не такъ давно покрывало въ этнографической литературѣ всѣ народы и племена, не имѣвшіе высокой чести принадлежать къ европейцамъ; исключеніе дѣлалось только для представителей, прошедшихъ длительную культуру государствъ Азіи, для Египта и культурныхъ государствъ Америки. Этнографія постепенно научилась различать среди всѣхъ этихъ разноплеменныхъ народовъ — народы съ болѣе и менѣе высокой культурой, народы съ разнымъ социальнымъ устройствомъ, отъ бродячихъ семей охотниковъ до выработавшихъ прочный патріархальный строй и деспотическую или ограниченную второстепенными вождями верховную власть. Она прослѣдила у различныхъ народовъ на различныхъ ступеняхъ культуры весьма различныя и детально разработанныя экономическія условія. Все болѣе и болѣе расширяя поле своихъ изслѣдованій, все глубже проникая въ жизнь народовъ, она все болѣе ограничивала кругъ такъ называемыхъ „дикихъ“ народовъ.

Она доказала и ложность термина „народы не знающіе исторіи“ и отодвинула начало исторіи въ далекія неизвѣстныя глубины прошедшаго. Она открывала въ жизни такъ называемыхъ некультурныхъ народовъ глубокіе слои культуры. На неизслѣдованныхъ доселѣ материкахъ она обнаружила слѣды огромныхъ народныхъ передвиженій, въ обломкахъ миеологическихъ преданій давнишній процессъ религіозной мысли, въ матеріальной культурѣ—длительный путь, пройденный человѣкомъ въ борьбѣ своей съ природой.

Еще недавно готтентоты, бушмены считались стоящими на низжайшей степени человѣческой цивилизаціи, такъ что имъ отказывали въ самыхъ примитивныхъ свойствахъ вкисившей хоть немного культуры человѣческой души. Труды новѣйшихъ изслѣдователей Африки показали, что не только готтентоты, выработавшіе уже довольно сложный строй, но и бродячіе бушмены имѣютъ за собой значительный историческій путь, никогда не остающійся безслѣднымъ въ развитіи народа. Спенсеръ и Джилленъ нашли у изслѣдуемыхъ ими австралійскихъ племенъ не только развитую религіозную систему, но такую, которая представляеть уже дегенеративныя формы болѣе древнихъ религіозныхъ представленій. Наконецъ, у туземцевъ центральныхъ областей Зондскихъ острововъ, у андаманцевъ, у веддовъ Цейлона, у племенъ Бразиліи, у огнеземельцевъ—все племена, у которыхъ искали состоянія, близкаго къ первобытному состоянію человѣчества—наука этнографія нашла довольно развитыя формы юридическаго строя, семейной или племенной организаціи, обломки болѣе древней религіозной мысли въ эволюционирующихъ религіозныхъ представленіяхъ. Въ началѣ XX столѣтія наука этнографія можетъ съ полной увѣренностью сказать, что первобытнаго чѣловѣка, чѣловѣка-дикаря, близкаго къ животному состоянію, она не знаетъ ни въ одной части свѣта. Что картину первобытныхъ отношеній, схему первобытнаго мышленія она можетъ лишь воссоздать длительнымъ и труднымъ путемъ систематизаціи своихъ данныхъ, строгой классификаціей этнографическихъ явленій. Мало того, она можетъ съ полною увѣренностью сказать, что она встрѣчаетъ и до сихъ поръ чѣловѣческія группы, болѣе или менѣе вооруженныя для борьбы съ природой, обладающія болѣе или менѣе богатымъ запасомъ культурныхъ приобрѣтеній, племена, понимающія различно требованія морали

добро и зло — но племень, не имѣющихъ этого великаго залога культурнаго развитія, она не знаетъ.

Сравненіе этнографическихъ данныхъ у некультурныхъ народовъ съ собранными въ низшихъ классахъ народовъ Европы, съ чертами быта и религіозныхъ представленій народовъ древнихъ — привело еще къ одному великому выводу. Было найдено столько поразительныхъ аналогій, почти тожествъ въ вѣрованьяхъ, воззрѣніяхъ, обычаяхъ народныхъ массъ всѣхъ материковъ и временъ, — что красивая иллюзія въ высотѣ, особомъ значеніи, великой миссіи европейскихъ расъ пала сама собой. Она была замѣнена идеей объ единыхъ свойствахъ человѣческой души. Это — плодотворное приобрѣтеніе для человѣческой мысли подтвердила прочными фактами этнографія.

Этнографія открыла намъ душу человѣка — во всѣхъ страхахъ земнаго шара; человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его я, ставящихъ грань между нимъ и остальнымъ міромъ, человѣка, мощно проявляющаго присущую ему творческую индивидуальную силу, — и человѣка, какъ члена соціальной группы, неразрывно связаннаго съ ней, матеріально и духовно, носящаго на себѣ неизгладимый отпечатокъ ея внутренней жизни, ея колебаній и перемѣнъ — однимъ словомъ, коллективную душу человѣка.

И вотъ въ чемъ великое значеніе этнографіи. Этнографія мѣстная, изученіе одного народа, даетъ намъ глубокое, настоящее познаніе его, — потому что нельзя ни управлять народомъ, ни служить ему, ни воевать съ нимъ, ни имѣть съ нимъ торговля и иныя сношенія, не зная всего того, что составляетъ основы его жизни, его самобытности, его вѣру, его вкусы и идеалы. Но этнографія общая вводитъ эту одну народность въ кругъ другихъ народовъ. Наука этнографія, изучая отдѣльные народы, имѣетъ всегда передъ собой великое цѣлое — человѣчество. Она классифицируетъ явленія, принадлежащія отдѣльнымъ вѣтвямъ его, но изучаетъ общіе законы его развитія.

Такъ опредѣлялось значеніе этнографіи въ концѣ долгаго историческаго пути ея развитія. Объ ея положеніи среди другихъ наукъ, ея цѣляхъ и границахъ изслѣдованія, объ ея методахъ мы скажемъ въ ближайшихъ чтеніяхъ.

В. Харузина.

С М Ъ С Ъ.

Поліандрія въ Африкѣ.

Въ послѣднемъ выпускѣ „*Journal of the Anthropological Institute*“ помѣщена статья J. Roscoe „*The Bahima: a Cow Tribe of Enkole*“, показывающая, какіе неожиданные факты можно еще находить въ области первобытнаго права. Вопросъ о существованіи поліандріи на африканскомъ материкѣ можно было считать вполне рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Правда, Mac Lennan (*Studies*, p. 143) говоритъ, что „polyandry is found in several parts of Africa“, но это слишкомъ общее указаніе, основанное, повидимому, исключительно на свидѣтельствѣ Reade (*Savage Africa*), было отвергнуто въ свое время уже Леббокомъ („Начало цивилизаціи“, стр. 96). Не подтвердилась равнымъ образомъ глухая ссылка Спенсера на готтентотовъ и не менѣе глухое, безъ указанія источниковъ, утвержденіе Гельвальда о существованіи поліандріи въ области Акра (*Die menschliche Familie*, p. 246). Единственнымъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ фактомъ можно было считать своеобразный обычай Овагереро, но то, что наблюдали у этого народа Фричъ и Ганъ, можно было лишь съ большими натяжками сблизать съ поліандріей, такъ какъ тутъ скорѣе было нѣчто родѣ частичной общности женъ внутри небольшого круга, связаннаго особыми братскими связями. Болѣе же поздніе авторы (напр. Viehe въ сборникѣ Steinmetz'a, стр. 306—307) и совсѣмъ отрицаютъ существованіе такихъ случаевъ, чтобы женщины одновременно были въ супружескихъ отношеніяхъ съ двумя или большимъ числомъ мужчинъ. Поэтому Постъ, просмотрѣвшій для своего *Afrikanische Jurisprudenz* довольно обширную литературу, пришелъ на основаніи ея къ вы-

воду, что существованіе опредѣленно выраженной полиандріи въ Африкѣ нельзя констатировать (Th. I., S. 301). Равнымъ образомъ и въ болѣе поздней работѣ, въ извѣстномъ сборникѣ, изданномъ подъ редакціей Steinmetz'a и содержащемъ въ себѣ отвѣты на разосланную лицамъ, близко соприкасающимся съ жизнью африканскихъ и океанійскихъ туземцевъ, программу во всѣхъ пятнадцати статьяхъ, касающихся Африки, на вопросъ о полиандріи категорически дается отрицательный отвѣтъ, и только Августъ Крафтъ говоритъ о народѣ Варокомо, живущемъ въ восточной Африкѣ, дословно слѣдующее: „Es herrscht unbeschränkte Vielweiberei, doch haben wenige mehr als vier Frauen. Fast jedes Weib hat einen oder mehrere Liebhaber. Aus Armut hat ein Mann wohl auch nur ein Weib. Die Männer einer Frau sind keine Brüder. Die Ehe ist im allgemeinen ein festes Verhältnis, doch gibt es Ausnahmen“ (S. 286). Хотя тутъ употребляется такое выраженіе какъ „Die Männer einer Frau, но, очевидно, это просто не достаточно обдуманное и точное выраженіе. Весь контекстъ фразы позволяетъ говорить только о распушенности нравовъ и равнымъ образомъ подробности семейной организаціи и брачныхъ отношеній, приводимыя Крафтомъ, совершенно не содержать въ себѣ рѣшительно никакихъ указаній на полиандрію.

И вотъ оказывается, что полиандрія въ Африкѣ все же существуетъ и найдена она не въ какой-нибудь особой глуши, а у племени, съ которымъ европейцамъ приходилось уже сталкиваться, именно у народа Ваһіма, живущаго въ Угандѣ. Правда, и здѣсь полиандрія отнюдь не является господствующей или хотя бы общепринятой формой брака, но все же тутъ мы имѣемъ дѣло не съ распушенностью нравовъ, а съ правильно организованными союзами, въ которыхъ нѣсколько мужчинъ живутъ съ одной женщиной. Росcoe, уже раньше зарекомендовавшій себя, какъ хорошій наблюдатель, говоритъ дословно слѣдующее:

„Иногда человѣкъ находитъ, что онъ слишкомъ бѣденъ для женитьбы, такъ какъ коровъ у него недостаточно, чтобы снабжать молокомъ для повседневныхъ надобностей хотя бы одну жену, или онъ можетъ быть не въ состояніи доставить нужное количество скота въ качествѣ выкупа за невѣсту; въ такомъ случаѣ онъ предлагаетъ одному или нѣсколькимъ своимъ братьямъ присоединиться къ нему и вмѣстѣ они собираютъ необхо-

димое число головъ скота; женщина охотно соглашается на такого рода сдѣлку и становится женою двухъ или трехъ братьевъ. Они имѣютъ право поочередно раздѣлять ея ложе, пока она не забеременѣетъ, послѣ чего доступъ къ ней имѣетъ только старшій братъ; дѣти, рожденные при такихъ обстоятельствахъ, принадлежать старшему брату. Такое соглашеніе не лишаетъ младшихъ братьевъ возможности обзавестись впослѣдствіи женами, если они могутъ добыть ихъ. (J. A. I. XXXVII, p. 105). Сообщение это достаточно отчетливо тѣмъ болѣе, что Roscoe отдѣльно отъ этого говоритъ вообще о большой половой свободѣ и распущенности замужнихъ женщинъ. Въ примѣчаніи онъ глухо говоритъ, что полиандрія имѣется еще у одного народа Baziba, живущаго къ югу отъ Уганды, но мнѣ не извѣстно, была ли она описана кѣмъ нибудь.

А. Максимовъ.

Укусусъ у русскихъ крестьянъ.

Не такъ давно однимъ изъ редакторовъ журнала «Живая Старина» было высказано мнѣніе, будто бы «перець и укусусъ для большинства (русскихъ) крестьянъ недоступны; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ даже не знаютъ, какъ о приправѣ къ кушаньямъ» («Живая Старина» 1906 г., кн. III, отд. V, стр. 57, примѣч.). Почтенный авторъ, видимо, считаетъ укусусъ чѣмъ-то чуждымъ коренной русской деревнѣ, видитъ въ немъ культурное приобрѣтеніе новѣйшаго времени. Тѣмъ возможнѣе подобное недоразумѣніе у лицъ, менѣе компетентныхъ въ области этнографіи.

Все это и даетъ намъ поводъ навести маленькую справку объ употребленіи укусуса въ домашнемъ обиходѣ великорусскихъ крестьянъ.

У славянскихъ народовъ существуютъ два различныхъ слова для обозначенія разсматриваемаго нами предмета: оцетъ и укусусъ. Въ древнецерковнославянскихъ евангеліяхъ укусусъ называется

«оцѣтомъ» или же: «оцѣтно вино» (Мр. XV, 23). То же слово употребляется и теперь у западныхъ и южныхъ славянъ: сербовъ, болгаръ, чеховъ и поляковъ, а также у малоруссовъ и бѣлоруссовъ (воцѣтъ); у этихъ послѣднихъ — врядь ли безъ польскаго вліянія.

Слово оцѣтъ славянскіе народы заимствовали, вѣроятно, вмѣстѣ съ обозначаемымъ имъ напиткомъ отъ готовъ (akeit), а эти послѣдніе, въ свою очередь, взяли его у римлянъ (acetum; удареніе латинскаго слова исключаетъ возможность выводить славянское слово непосредственно изъ латинскаго источника).

Великоруссы не знаютъ теперь слова оцѣтъ, а употребляютъ только названіе уксусъ. Это послѣднее ведетъ свое происхожденіе отъ грековъ (греч. ὄξος). Характерное измѣненіе греческаго слова на русскій ладъ не оставляетъ сомнѣнія, что заимствованіе въ данномъ случаѣ было народное, а не книжное.

Въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкахъ у великоруссовъ «перець, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда»; съ укусомъ также заготавливали въ прокъ разные овощи и плоды (Н. И. Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 88, гдѣ и ссылки на свидѣтельства современниковъ).

Въ наше время на всемъ сѣверовостокѣ Россіи уксусъ выдѣлывается крестьянами домашнимъ способомъ. Извѣстны два вида этого укуса: 1) красный, т. наз. хлѣбный и 2) бѣлый — винный. — Въ послѣднее время можно встрѣтить въ деревняхъ и «ренскій» (т. е. рейнскій, нѣмецкій) уксусъ, также домашняго приготовленія, но его умѣютъ готовить очень немногіе: главная трудность состоитъ въ необходимости достать для него такъ называемое «тнѣздо», т. е. особые укусные грибки.

Хлѣбный, красный уксусъ особенно распространенъ среди великоруссовъ. Дѣлается онъ изъ сусла (первый сливъ при варкѣ домашняго пива, т. е. самое густое пиво, еще безъ хмѣля). Для приготовленія употребляется особый глиняный сосудъ, такъ наз. «уксуеникъ». Это довольно высокій, суживающійся кверху и книзу горшокъ съ носкомъ вверху, различной величины — смотря по надобности. Уксуеники выдѣлываются деревенскими горшечниками. Самое приготовленіе укуса состоитъ въ томъ, чтобы дать суслу вскинуть. Для этого въ сусло кладутъ кусокъ квасного

хлѣба и ставятъ укусникъ, обвязанный сверху тряпичей (носокъ оставляють открытымъ), въ теплое мѣсто. Иногда въ сусло кладутъ еще нѣсколько ягодокъ изюма или, за неимѣніемъ его, малины. Черезъ недѣлю или нѣсколько болѣе укусъ готовъ.

Описанный способъ приготовленія домашняго укуса я наблюдалъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. У крестьянъ Тюменскаго уѣзда Тобольской губ. приготовленіе укуса нѣсколько сложнѣе: въ сусло здѣсь кладутъ двѣ горсти толстой крупы; кусочекъ сырого березоваго дерева, пряникъ и полъ-стручка краснаго перцу; укусъ бродитъ шесть сутокъ въ теплѣ, а потомъ его еще ставятъ въ натопленную печь, въ вольный жаръ, парить («Живая Старина» 1898 г., кн. II, стр. 198—199: статья Ф. Зобнина «Усть-Ницынская слобода»).

Въ различныхъ мѣстахъ Вятской губерніи, Уфимской и Оренбургской, а также въ Акмолинской области (у сибирскихъ казаковъ), гдѣ мнѣ приходилось жить, — я всюду встрѣчалъ у крестьянъ этотъ «хлѣбный», красный укусъ, приготовленный домашнимъ способомъ. Готовятъ его крестьяне почти всякій разъ, когда у нихъ бываетъ сусло, т.-е. при варкѣ домашняго пива; иногда и нарочно «ставятъ сусло». Достать укусъ въ деревнѣ всегда не трудно: кто-нибудь изъ сосѣдей ссудитъ его даромъ, въ крайнемъ же случаѣ возьметъ 1—2 коп. за цѣлую бутылку.

Бѣлый, винный (отнюдь не «ренскій») укусъ, также домашняго изготвленія, употребляется, напримѣръ, въ Архангельской губерніи. Приготовленіе его описано С. П. Кораблевымъ въ 1853-мъ году. «Въ бочку, хорошо выпаренную, вливають ведро или два простого хлѣбнаго вина и три или около четырехъ ведеръ воды; въ эту смѣсь опускають фунта три краснаго меда соржаннымъ тѣстомъ; бочку оставляють лѣтомъ на открытомъ воздухѣ съ большою втулкою, которая покрыта, для свободнаго доступа воздуха, кускомъ рѣдкаго натянутого холста; послѣ восьми или десяти недѣль укусъ образуется и сливается въ стеклянную посуду, а закваска, называемая «маткою», сохраняется особо до слѣдующаго лѣта, для употребленія снова въ дѣло съ прибавкою меда и муки. Самый укусъ — безцвѣтенъ, какъ вода, крѣпокъ и имѣетъ вкусъ, совершенно отличный отъ ренскаго укуса» (С. Кораблевъ «Очеркъ правоописательной этнографіи г. Онеги», М. 1853, стр. 24—25).

Употребленіе уксуса весьма разнообразно. Это—обычная приправа къ кушаньямъ, особенно къ постнымъ. Онежане готовятъ весьма помногу уксуса въ качествѣ приправы къ соленой рыбѣ, составляющей здѣсь главную пищу (Тамъ же, стр. 24). Въ приуральскихъ губерніяхъ и въ Сибири уксусъ прежде всего и больше всего употребляется съ пельменями. Изъ какихъ источниковъ г. Н. Виноградовъ узналъ, будто бы «какъ въ Сибири Западной, такъ и во многихъ мѣстахъ Европейской Россіи пельмени подаются вмѣстѣ съ водою, въ которой они варились» (а, значитъ, и употребляются безъ уксуса¹⁾),—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Изъ Западной Сибири (Тюменскій уѣздъ Тобольской губ.) имѣется свидѣтельство какъ-разъ на страницахъ той же «Живой Старины», что тамъ «пельмени ѣдятъ вилками, горячіе, съ уксусомъ» (Жив. Стар. 1898, стр. 138: цитированная статья Ф. Зобнина). Правда, надъ вотяками и пермяками русскіе иногда смѣются, что будто бы тѣ ѣдятъ пельмени безъ уксуса; но, по свидѣтельству В. М. Яновича, для пермяковъ это утвержденіе не вѣрно: «пельняни всегда и у всѣхъ ѣдятъ съ домашнимъ уксусомъ, приготовляемымъ изъ-подъ пива; въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ въ уксусъ насыпаютъ, по вкусу, перецъ» («Живая Старина» 1903-го года, вып. I—II, стр. 102: статья Яновича: «Пермяки»²⁾).

Кстати замѣтимъ, что пермяки, это самое бѣдное и захудалое финское племя, и тѣ, какъ оказывается, приготовляютъ уксусъ домашнимъ способомъ, изъ пива.

Въ Сарapulьскомъ уѣздѣ Вятской губерніи русскіе зажиточные крестьяне въ уксусѣ еще «отвариваютъ» (русскій туземный терминъ, соотвѣтствующій иностранному «мариновать») рыжики.

Помимо кухни, уксусъ употребляется въ народной медицинѣ, особенно при желудочныхъ болѣзняхъ и при головной боли; на уксусѣ же иногда наговариваютъ деревенскіе знахари и знахарки (срв. цитированную статью Ф. Зобнина, стр. 129; Т. Поповъ «Русская народно-бытовая медицина», стр. 302).

Дм. Зеленинъ.

¹⁾ «Живая Старина» 1906, кн. III, отд. V, стр. 57.

²⁾ Зыряне ѣдятъ пельмени тоже съ уксусомъ, но покупнымъ.

Кургоминскіе причеты.

(Свадебныя причитыванія Кургоминской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи).

Извѣстный своими изслѣдованіями по этнографіи Архангельской губерніи П. С. Ефименко въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритъ: „Вступленіе въ супружество есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ обстоятельствъ въ жизни сельчанина, составляетъ самые важные часы самаго лучшаго счастья, а бракъ сопровождается самыми затѣйливыми обрядами... Затѣйливые и выѣстъ съ тѣмъ старинные обычаи и обряды очень занимательны... А между тѣмъ патріархальные обряды мало-по-малу измѣняются и изъ употребленія вытѣсняются новыми обычаями“...

Означенныя слова сказаны были изслѣдователемъ нашего края въ семидесятыхъ годахъ. Если, по наблюденію Ефименко, въ то время уже было замѣтно вытѣсненіе старыхъ, патріархальныхъ свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отъ этихъ обычаевъ остались только одни воспоминанія.

Намъ лично приводилось бывать въ разныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи, случалось присутствовать на крестьянскихъ свадьбахъ и на дѣлѣ убѣждаться, какъ далеки современные свадебные обряды и обычаи отъ тѣхъ, которые были, по народному выраженію, въ „добрую старину“. Чѣмъ ближе то или иное селеніе къ городу, тѣмъ сильнѣе сказывается на немъ городское вліяніе, и только въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ отъ города, деревняхъ можно встрѣтить еще патріархальные свадебные обряды и обычаи. Къ числу такихъ глухихъ мѣстечекъ относится Кургоминскій приходъ, Шенкурскаго уѣзда, или попросту— „Кургоминь“.

Расположенный на правомъ берегу рѣки Сѣверной Двины, въ 330 верстахъ отъ губ. г. Архангельска и въ 140 в. отъ уѣзнаго г. Шенкурска, приходъ этотъ, состоящій изъ 15 деревень, издавна населенъ былъ раскольниками. По устному преданію, первымъ расколуучителемъ, поселившимся въ предѣлахъ Кургоминскаго прихода, былъ московскій выходецъ Батраковъ. Условія мѣстности здѣсь были благопріятны для расселенія

раскольниковъ. Особенно удобнымъ мѣстомъ считалась рѣка Нондрусъ, которая протекаетъ среди огромнаго лѣса, тянущагося верстѣ на 50 по направленію къ Пинежскому уѣзду. Лѣсъ этотъ въ старину служилъ убѣжищемъ для раскольниковъ, укрывавшихся въ немъ отъ взора правительства и устроившихъ по рѣкѣ „Нондрусъ“ много скитовъ и часовенъ. Хотя послѣдніе (скиты и часовни) въ царствованіе императора Николая I упразднены, однако вліяніе ихъ сказалось очень сильно,—прихожане Кургоминскаго прихода въ прежнія времена почти поголовно держались раскола. Съ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія расколъ началъ здѣсь ослабѣвать, но, оставляя его, мѣстные крестьяне оставались вообще приверженцами, любителями старины. Въ этой любви къ старинѣ кроется причина особой устойчивости, вѣрности кургоминцевъ разнымъ древнимъ, патріархальнымъ обычаямъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и свадебные обряды и обычаи.

Не вдаваясь въ подробное описаніе всѣхъ обрядовъ и обычаевъ, которые соблюдаются на свадьбахъ у крестьянъ Кургоминской волости, мы намѣрены познакомить пока читателей съ такъ называемыми „Кургоминскими причетами“, т.-е. свадебными причитаіями, которыя „причитаетъ“ (т. е. произноситъ на распѣвъ) передъ свадьбой дѣвица, выходящая замужъ.

Въ виду характернаго содержанія этихъ „причетовъ“ и оригинальныхъ выраженій, мы приводимъ ихъ дословно, какъ они записаны для насъ С. В. И. со словъ мѣстной крестьянки А. А. Чураковой, съ подраздѣленіемъ ихъ на двѣ группы—причитанья на „рукобитыѣ“ и причитанья на „дѣвичникѣ“.

На „рукобитыѣ“ ¹⁾ невѣста обращается съ причитаіями сначала къ своему отцу, называя его „всхожимъ солнышкомъ“ и прося „не вставать съ брусомъ лавицы, не молиться, не кланяться Свѣту Господу Богу и не давать руки правыя на чужу-дальнюю сторонушку“, затѣмъ — къ свату (по мѣстному — „сватовцу“), выражался про него, что его „чортъ носилъ ни путемъ, ни дорогою, по собачьей тропиночкѣ“...—потомъ снова къ отцу и, далѣе, къ матери, сестрѣ, братьямъ, невѣсткѣ и

1) „Рукобитыѣ“ — иначе стоворъ,—одна изъ важныхъ предсвадебныхъ церемоній, на которой разрѣшеніе свадебнаго вопроса закрѣпляется угощеніемъ.

дѣвицамъ. Основная мысль причитаній родственникамъ—выраженіе сожалѣнія по поводу ранней выдачи замужъ,—„зачѣмъ отказалъ ее батюшка отъ хлѣба-соли, отказалъ отъ дѣла-работовки... зачѣмъ не дала ей матушка-кормилица на ножки подытуться, съ вышнимъ ростомъ сверстаться“...

На „дѣвичникѣ“ ¹⁾ невѣста обращается съ причитаніями сначала къ молодымъ людямъ или, по мѣстному выраженію, — „къ парнямъ“, зачѣмъ, къ отдѣльнымъ лицамъ изъ компаніи молодыхъ людей, величая ихъ по имени и отчеству, а эти послѣдніе должны въ отвѣтъ на причитанія давать невѣстѣ и ея подругамъ гостинцы, далѣе, причитаешь дѣвицамъ, въ отдѣльности нѣкоторымъ своимъ подругамъ, замужнимъ женщинамъ, мужику, имѣющему дѣтей и, наконецъ, старостѣ или кому-либо изъ сельской власти. Основная мысль причитаній на дѣвичникѣ—сожалѣніе о веселомъ времени дѣвчества.

І. На рунобитьѣ ²⁾.

(Отцу). Не вставай ты, всхожее солнышко,
 Со брусовыя лавицы,
 Не молись—не кланяйся
 Свѣту Господу Богу,
 Не давай ты руки правыя
 На чужу-дальнюю сторонушку.
 Тебѣ не выкупить правой руки
 Ни селомъ ни деревнею;
 Только выкупить правую руку
 Моей буйной головой.

(Подходить „сватовецъ“ и накидываетъ на невѣсту фату).

(Невѣста). Пала-пала на талу землю
 Пороха, бѣлый снѣгъ—
 На мою буйну головушку
 Фата шелковая.

¹⁾ Последнее передъ свадьбой торжество сопровождающееся обильнымъ угощеніемъ.

²⁾ Иначе—сговоръ.

Сватовду). Тебя чортъ носилъ сватовца

Ни путемъ, ни дорогою —

По собачьей тропинчкѣ.

Колотился ¹⁾ большой сватовецъ

Подъ косящатымъ окошечкомъ.

Батюшковъ высокъ теремъ

Съ краю на край пошатался ²⁾,

Наши брусовыя лавицы отъ стѣнъ отпадали,

Столы наши дубовыя съ краю на край пошатались,

Шиты-браныя скатерти въ трубу завивались,

Хлѣбы бѣлы-ситніе колесомъ покатались,

Я во ту пору погодилася середь высокаго терема,

Стояла-молилася Свѣту Господу Богу.

У меня да тутъ подломилися

Съ колѣнъ рѣзвыя ноженьки,

По локоть опустилися бѣлыя рученьки.

Испугалось-перепалось въ груди дорога сердце.

(Отцу). Отказалъ меня батюшка отъ хлѣба-отъ соли,

Отказалъ, всхожее солнышко, отъ дѣла-работеньки,

Не сказалъ мнѣ, всхожее солнышко,

Ни въ теремѣ мѣста, ни въ лавкѣ бесѣды.

Какъ у тебя, батюшка, уста отворилися?

Въ устахъ языкъ поворотился?

Ужъ я ли была у батюшки не слуга, не работница,

Не замѣна великая?

Благословите, родители, меня мыкать горе великое!

(Матери). Кормилица-жалостница, моя родимая матушка!

Хотя вы меня избудете, богаче не будете.

Вамъ не два свѣта освѣтитъ, не два солнца огрѣсть.

Хотя только вамъ прибудетъ, что меня въ дому не
будетъ;

Въ терему меня не увидите, голоса не учуете ³⁾.

Ты встанешь, моя кормилица, рано-по-раннему утру,

Ты добудешь, моя кормилица, огня-свѣту,

Ты поднимешь очи ясныя, обведешь брови черныя, —

¹⁾ Стучался.

²⁾ Покачнулся.

³⁾ Не услышите.

Ты кого тогда побудеши рано-по-раннему утру?
 Ты кого тогда нарядиши на дѣло-работоньку?
 Ужь на что я была у матушки не слуга, не работница?
 Ужь на что я была не замѣна великая?
 Не дала ты мнѣ, кормилица, на ножки подынугься?
 Не дала мнѣ, кормилица, съ вышнимъ ростомъ свер-
 статися ¹⁾.

Я кабытъ вѣтка-вѣточка, молода отрастелиночка,
 Мнѣ не въ годы привязалось зло-великое горе,
 Не въ пору мнѣ привязались горючія слезы,
 Молодымъ я молодехонька, зеленымъ-зеленехонька.
 Годовины-ровесницы во ребенкахъ шатаются,—²⁾
 Меня красну дѣвицу стали замужъ давать.

(Сестрѣ: если остается старше не выданная).

Я росла, бѣдная, вырастывала
 За горой за высокою—за сестрицей родимой,
 Не слывала красна-дѣвица взрослой дѣвицей,
 Не держала я на головѣ дорогой дѣвѣей красоты.
 Ты, кормилица моя родимая матушка,
 Какъ издается на чужой сторонѣ житіе неиздаточно,
 Ужь я вѣкъ буду забѣдовать ³⁾ на родимую матушку.
 Какъ издается—накрасуется, не издается—напозо-
 рится ⁴⁾.

Мнѣ отъ матушки родимой все горе привязалось,
 Отъ кормилицы-жалостницы всѣ слезы проливались.
 Вы чего убоялися, чего утрашилися?
 Моего ли недородства, худого худославица?
 Я худого худославица падѣ людьми ненавидѣла,
 Надѣ собой вѣкъ не взначалася.
 Я жила у родителей тише воды, тише вешной,
 Ниже травы шелковья.
 Не въ доростѣ траву шелковую съ корешка подкосили,
 Не въ доцвѣтѣ цвѣты лазуревы сорывали,—

¹⁾ Съ вышнимъ ростомъ сверстатися—сравняться съ совершенно взрослыми дѣвицами.

²⁾ Сверстницы собираются на играхъ и вечеринкахъ съ малолѣтними.

³⁾ Досадовать.

⁴⁾ Натерпится худого.

Не въ доростѣ меня красну дѣвицу стали замужъ
выдавать.

Мнѣ не дали родители пожить покрасоватися.
Меня вздумала кормилица давать на чужу-дальнюю
сторону.

Мнѣ не ровня чужь-отецкой сынъ ни ростомъ, ни до-
роднествомъ ¹⁾).

Мнѣ не ровня чужь-отецкой сынъ ни бѣльствомъ, ни
румянествомъ ²⁾,

Мнѣ не ровня чужь-отецкой сынъ ни умомъ, да ни
разумомъ.

Вы не съ ровней сверсталися, честные родители!
Вы не съ ровней спозналися, честные родители!
Я была роду не малаго, была роду славо-славнаго,
Я была въ роду почетная, во всемъ міру хваленая.
По тому роду-племени надо бы не въ томъ мѣстѣ быть,
Не за тѣмъ человѣкомъ.

Да не тѣ вы кони кованы во дворѣ постояли,
Да не тѣ бы люди добрые за столами сидѣли,
Да не та бы сватья княжая понизку поклонилася.
У меня бы тѣ кони кованы въ сторонѣ постояли,
Меня бы тѣ люди добрые въ умѣ поддержали,
У меня бы та сватья княжая на печи посидѣла.

Ужъ счастки мои бѣдныя! худой талантъ горе-горькій!
(Братьямъ). Кабы у меня были въ домѣ соколы-братцы родимые,
Меня не дали бы соколы братцы давать на чужу сторону.
По росту я недоросточекъ, по годамъ не невѣста:
„Ужъ пускай живетъ-красуется красной дѣвицей“.
У меня тѣ соколы-братцы въ долгу не случилися,
У меня тѣ соколы-братцы въ гульбѣ молодецкой.
Ужъ какъ много наживаютъ самаго злата-серебра.

(Дѣвицамъ). Крестовая сестрица ³⁾), по правую руку подружница!
Крестовая сестрица, по лѣвую руку подружница!
Вы красуйтесь, мои сестрицы, на запасъ накрусуйтесь!
Веселитесь, мои сестрицы, да на вѣкъ навеселитесь!

¹⁾ Дородствомъ.

²⁾ Ни бѣлизною, ни румянцемъ.

³⁾ Дочь крестнаго отца или матери.

Я рада бы красоватися, да красота не красуетъ,
Сердце не веселить.

Покуль ¹⁾ добры-жалостливы до васъ честные родители,
Жалость у родителей до поры до времени,
До часу до одинаго.

Какъ пойдуть съ чужой стороны большіе сватовцы,
Какъ пойдуть у твоего батюшки рѣдкіе отказы,
А съ чужой-то стороны того чаще приказы ²⁾.
Такъ тебѣ бы послѣ меня зими не зимовать, лѣта не
лѣтовать!

Какъ тебя красну дѣвицу бьемъ ³⁾ отбиваютъ,
Отымомъ отымаютъ.

(Дѣвушки подносятъ подарокъ).

Спасибо тебѣ, сестрица, на большомъ подареньицѣ,
На честномъ приношеньицѣ,
На любыхъ честныхъ гостинечкахъ.

II. На дѣвичникѣ.

(Шарнямъ). Летѣли ясны соколы съ перелету-лету дальняго
О золотѣ крыльѣ, о серебряномъ перьѣ,
У темныхъ лѣсовъ вершинокъ крыльемъ не задѣвали,
Съ слѣсу хвойки зеленныя на землю не опускали.
Прилетѣли ясные соколы къ намъ на широкую улицу,
Заходили добрые молодцы къ намъ на дворъ въ новый—
городъ.

Посидите, ясные соколы, во саду во зеленомъ,
Посмотрите, ясны соколы, на мой садъ на зеленый.
Я во томъ саду вспоена была, вскормлена,
Мнѣ во томъ саду во зеленомъ ридили цвѣтное платье.
Изъ того саду зеленого я ходила-красовалась,
Изъ того саду зеленого стали замужъ выдавать.

(Парню). Не быть саду зеленому, а быть двору нову-городу,
Не быть ясну соколу, а быть удалу добру молодцу.
Удалой-то добрый молодецъ чужой жалостливѣе брателка.

¹⁾ Покуда.

²⁾ Предложеніе.

³⁾ Вм. боемъ. Бьемъ отбиваютъ—сильно отбиваютъ.

Жалостливый брателко (имя, отчество)!

Твоя жалость великая на моей буйной головѣ!

Твоя милость да сердечная по дорогой дѣвѣй красотѣ

Какъ умѣть было со брателкомъ жить-красоватися,

Было жить красоватися, было ходить-веселитися!

Не доходишь, а сымаетъ со большую шапочку,

Бѣльнѣ ¹⁾ меня человѣка именемъ называешь,

Бѣльну красну дѣвицу на вотчину взвеличаешь,

Одного мы Ваги—городу ²⁾, одной подвинскія четверти,

Одной четверти подвинскія, да Кургоменскія ³⁾ волости.

Наша славная-преславная Кургоменская ³⁾ волость,

По правленью волость первая, по уѣзду волость славная!

Въ Кургоменской славной волости

Бѣ жильцы живутъ богатые—купцы-гости торговые.

Откуль купцы торговые? Изъ Кургоменской волости.

Откуль нищіе-просящіе? Изъ.....⁴⁾ волости.

Костари ⁵⁾ тамъ живутъ, братчики, проклятые табачники ⁶⁾.

(Имя). Ужъ мы вмѣстѣ съ тобой ходили

Во всѣ четыре стороны,

Мы сидѣли съ яснымъ соколомъ долгіе вечеренечки,

Ужъ мы шутку съ тобой шутили въ перебой говорили,

Я такая была шутливая, ветляная ⁷⁾, говорливая.

Меня по той шуткѣ суровой ⁸⁾ называли

Суровѣя не смиренная душа красная дѣвица,

Не слыхала я отъ яснаго сокола

Ни проносу, ни выносу, смѣху, переговоровъ.

(Имя). Много далъ тебѣ Господь росту-дороднества,

Твоему росту-дороднеству много бѣлства и румянства,

¹⁾ Совершенно непонятное слово, м. б. вм. бѣдна.

²⁾ Названіе тоже непонятное, м. б. отъ слова Вага, тогда слѣдуетъ писать Важ-городу. (Прим. ред.: Вага или Важская область принадлежала В.-Новгороду, занимавшая часть Арх., Волог. и Олон. губ.).

³⁾ Простонародное *Кургоменская* отъ Кургомень, правильнѣе официальнаго Кургоминская.

⁴⁾ Названіе той волости, куда выдаютъ невѣсту.

⁵⁾ Игроки въ кости.

⁶⁾ Вел. братчики правильнѣе бражники.

⁷⁾ Неартачливая, неупрямая.

⁸⁾ Земляника.

Тебѣ въ буйну голову ума да разума.

Твоя умная-разумная на плечахъ голова.

Горою не матаешь, валомъ не всколыбаешь ¹⁾

Какъ у тиха-поздня вечера тиха-темная ночь,—

У смирена отца-матери живутъ дѣти смиренныя

У мудрена отца-матери живутъ дѣти мудренныя,

Живутъ умныя-разумныя души красныя дѣвицы.

Пойдешь срядишься-нарядишься лучше князя боярина,

Лучше купца-гостя торговаго.

Тебѣ нѣтъ цѣны-мѣры ни въ гостяхъ ни въ базарахъ,

Только есть тебѣ цѣна у солнышка-бабушка

У своей кормилицы родныя матушки.

У отца ты у матери одинъ сынъ одинокій ²⁾

Не для ради работоньки—

Для веселья—для радости—на посмотреньице.

Свѣчи Богу ставить, молебны служить

Да дома вѣку наставляють.

Подай Богъ вспоить-вскормить одинокаго сына

(парень даетъ гостинцы невѣстѣ и дѣвушкамъ).

Спасибо добру молодцу на любыхъ дорогихъ гостинцахъ!

Ужъ какъ мнѣ несешь, ясенъ соколъ, много злата и серебра,

несешь медовыхъ сладкихъ пряниковъ,

Ты кругомъ всѣхъ одаряешь любыхъ-милыхъ подруженекъ,

Не жалѣешь ты, добрый молодецъ, ни злата, ни серебра.

(Дѣвицѣ). Не землянка ³⁾ ягодка на горѣ выростала,

На горѣ на высокой, на крутой на хорошей.

Тутъ не быть земляникѣ ягодкѣ,—

Быть душѣ красной дѣвицѣ.

Золота верба хорошая, любя милая подруженька (имя
отчество)

Ты какъ будто вѣтка-вѣточка,

Молода (я) отростелиночка,

Одного ты лѣта выросла,

Одныя весны красныя.

¹⁾ Базовница.

²⁾ Выражается мудрая осторожность.

³⁾ Единственный.

(Хоръ). Ужь вмѣстѣ съ тобой ходили во всѣ четыре стороны:

Мы во первую сторону ко святой Божьей церкви,
 Къ свѣтлой ранней заутренѣ, ко причащенной обѣдѣ.
 Въ одинъ рядъ становилися, одному Богу молилися,
 Клади крестъ пописаному вели поклонъ по ученому.
 Во другу-то сторону на звону колоколенку,
 Мы въ третью-то сторону—
 На кат-катушечки, на соборныя игрища,
 Мы идемъ путемъ-дорогою поемъ веселыя пѣсенки,
 Мы горе не воспоминаемъ, тоски на умъ не беремъ.
 Во четвертую-то сторону на долги вечеренечки:
 Мы подолгу сидѣли поздно-по позднему вечеру,
 Помногу присвѣчивали сухой березовой лучиночки,
 Помногу прирядовали кудреватой куделечки,
 Помногу изопрядовали точеныхъ веретеночекъ ¹⁾,
 Помногу прихватывали глухи-темныя ноченьки;
 Ужь мы тѣмъ ночку коротали—пѣли веселыя пѣсенки.
 Все прошло-прокатилось дѣвье житье-красованье!
 Единъ часъ показалось дѣвье житье-красованье!

(Имя, отчество).

Прибрала я себѣ подруженьку

Ты изъ милыхъ была милая, изъ любимыхъ-любимая.

Я первый годъ выбирала себѣ ростомъ, дороднествомъ,

Я другой годъ себѣ выбирала умомъ да разумомъ,

Прибрала себѣ подруженьку по уму да по разуму.

Гдѣ мы съ тобой сходилися, тутъ горы становилися,

Гдѣ мы думушку подумывали, тутъ камень вырасталъ,

Гдѣ словечко молвили тайно, тутъ подъ камешкомъ по-
 ложили.

Какъ тому да сѣру камню поверхъ воды не бывать!

(Замужнимъ женщинамъ). Не лебедь бѣлая черезъ поле летѣла,

Не отъ той-ли бѣлой лебеди всѣ поля забѣлѣли;

Не отъ буйныя головы луга зеленѣли;

Ужь я глупа, красна-дѣвица, глупа-неразумна,

Съ глупа я слово молвила, не съ пути рѣчь говорила.

¹⁾ Веретенышекъ—отъ веретено.

Какъ бѣлѣють поля отъ бѣлы-зрѣлыя нивы,
 Зеленѣють зелены луга отъ травы шелковой.
 Вспорхнула лебедь бѣлая въ трои новыя сѣни.
 Изъ первыхъ бѣлыхъ сѣней она бѣло умывалася
 Изъ другихъ новыхъ сѣней хорошо наряжалася,
 Изъ другихъ-третьихъ сѣней согорда поступала.
 Тутъ не быть лебедушкѣ,—быть молодой молодицѣ
 Свѣча—бѣлая лебедушка—молодая молодушка

(Имя отчество).

Ты послушай, лебедь бѣлая, что стану говорить:
 Какъ умѣли тебя родители поить-кормить, жаловать,
 Умѣли честны родители житье-мѣсто выбрать,
 Тебѣ выбрали житье родители-богатое мѣсто,
 Тебѣ свекра смиреннаго, тебѣ свекровку мудреную,
 Тебѣ сына почтенаго, грамотѣ поученаго.
 Тебя честны родители, какъ въ зеленѣ садѣ посадили
 Тебѣ, лебедь бѣлая, только-жить красоватися,
 Только ходить-веселитися.
 Ты живешь красуешься на чужой-дальнѣй сторонѣ.
 Меня мечутъ-бросаютъ, житья не выбираютъ,
 Житья не выбираютъ, семьи не вычитаютъ ¹⁾.
 На чужой сторонѣ нѣтъ большого домовитаго ²⁾
 Самоволень-чужъ отцовкой сынъ безъ большого домовитаго,
 Самонравень-чужъ отцовкой сынъ безъ свѣта-батюшки.
 Онъ охочъ чужъ-отцовкой сынъ ходить по царевымъ каба-
 камъ

По долгимъ вечеренечкамъ.

(Если свекоръ есть, то поется такъ):

На свекра на строптивнаго, на свекорку на журливую.
 Мнѣ страшно тамъ кажется, страшна чужа-дальняя сторона,
 Того страшнѣе-пристрашнѣе мнѣ гроза молодецкая.
 (Женщина даетъ спасибо.) (Мужику, имѣющему дѣтей):
 Катился младъ, свѣтель мѣсяцъ по окатисту небу,
 Передъ мѣсяцемъ катилось всхоже красное солнышко.

¹⁾ Не принимаютъ въ расчетъ.

²⁾ Если нѣтъ свекра, то стихъ этотъ и слѣд. четыре не поются.

Кругомъ мѣсяца обсыпали часты-мелкія звѣздочки.
 Ужъ какъ младъ-свѣтель мѣсяцъ—ты удалый, добрый мо-
 лодецъ,
 Вскоже-красное солнышко—твой, сударь, батюшка,
 Какъ заря-то свѣтло-ранняя—твоя родимая матушка,
 Какъ звѣзда подвосточная—твоя жена молодая,
 Часты-мелкія звѣздочки—твои малыя дѣточки,

(Имя отчество мужчины).

Какъ житье ваше богатое-полно—синее море!
 Ты не знаешь во своемъ житьѣ ни убыли, ни прибыли,
 Ни убыли, ни прибыли ни во хлѣбѣ, ни во соли.
 Ты дородень добрый молодецъ—добрымъ людямъ не за-
 видуешь.

(Старостѣ или к.-л. изъ сельской власти).

Тебѣ весь міръ покоряется, тебѣ весь народъ поклоняется,
 Ты живешь, добрый молодецъ, судьей да начальникомъ,
 Твоя умная-разумная на плечахъ голова,
 Ума-разума въ головѣ палата бѣлокаменная,—
 Горюю не шатаешь, валомъ не всколыбаешь.
 Ты красуйся, добрый молодецъ, на запасъ на красуйся!
 Веселись, добрый молодецъ, на вѣкъ навеселися!
 А я рада бы красоватися, да красота не красуетъ.
 Часы мои часуются, времена временуются.
 Удалой ты, добрый молодецъ, Иванъ Александровичъ!
 Ты послушай, добрый молодецъ, что стану говорить:
 Тебя знаютъ добра молодца люди добрые,
 Люди добрые, всѣ суди, начальники,
 Купцы-гости торговые.

По записи С. В. И. сообщилъ:

Н. Козминъ.

Вопли Новгородской губерніи.

Издаваемые вопли собраны въ Новгородской губерніи въ 1904-1906 г. воспитанниками Новгородской учительской семинаріи. Записаны они по спеціальной просьбѣ со словъ исполнительницъ. Несомнѣнно интересные съ бытовой стороны, восприводимые вопли недостаточно цѣнны въ лингвистическомъ отношеніи;—собиратели, по неопытности, отчасти и по школьному чувству литературной грамотности, не могли уловить и передать всѣхъ оттѣнковъ народнаго произношенія.

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что воспитанники учительскихъ семинарій, почти исключительно дѣти деревни, представляютъ изъ себя благодарный элементъ для фольклора; при ихъ помощи можно бы собрать послѣдніе остатки народнаго творчества, отъ котораго черезъ одно, много два поколѣнія въ народной массѣ останутся одни воспоминанія.

I. 1) Погостико-ся да, родно дитятко,
 Да у насъ, у сиротинушекъ,
 Что въ остаточки да въ послѣдочки;
 И погляди-ко да, родно дитятко,
 Да на своихъ-то да на малыхъ дѣтушекъ:
 Они малыи да и глушыи.
 Какъ пойдуть-то да на чужу сторонушку,
 Да некому ихъ прислать-то сиротинушекъ:
 И да нѣтъ у нихъ кормильца батюшка;
 И какъ они-то понатолкаются и напляются
 Да на чужой на сторонушкѣ,
 Понашляются, понатолкаются
 По чужимъ-то да и по людямъ,
 И какъ придетъ злодѣй-то-горюшко;
 И коль вынесутъ они на своихъ-то сердцахъ
 Кручинушку горькую.

II. 2) Ты моя да, государынька!
 Ты куда да сподобляешься?

1) Записанъ въ дер. Проказово, Кемецкой вол., Валдайскаго уѣзда, со словъ Аппы Павловны Базовой,—грамотной крестьянки.

2) Записано въ дер. Погорельце, Кузьминской вол., Тихвинскаго уѣзда, отъ крестьянки Пелагеи Васильевны, спеціалистки-плакальщицы.

Ты куда снаряжаешься?
Ты не въ гости да не къ праздничку,
Ты справляешься да сподобляешься,
Что ко Спасу да на круты горы,
Въ безвѣстную да во сторонущу,
Во неузнанную да во украинку.
Какъ располятся-то рѣчки быстрыя,
Со лужковъ-то вода выбѣжить,
Какъ настанетъ-то лѣто красное,
Какъ поскоплятся птички пташечки,
Сѣры малыи кукушечки, —
Ты моя-то, государынька,
Прилети да птичкой пташечкой,
Что сѣрой-то кукушечкой,
Ужъ какъ я буду сиротинушкой
На широкой-то гладкой нивушкѣ,
На тяжелой-то на работушкѣ,
Прилети ко мнѣ ты поблизехоньку,
Ужъ ты сядь-то поблизешеньку
Закукуй-то жалобнешенько.
Ужъ какъ я-то пораздумаю, сиротинушка:
Это не птичка, это не пташечка,
А прилетѣла къ сиротинушкѣ
Что государынька-то родна матушка
Со мной думушку подумати,
Тайныхъ басенокъ побаяти,
Поразнестъ тоски-кручинушки,
Что великой да обидушки; —
Безъ тебя-то, государынька,
Не съ кѣмъ думушки подумати,
Тайныхъ басенокъ побаяти,
Поразнестъ тоски-кручинушки;
Ужъ какъ безъ тебя-то моя матушка;
Ужъ какъ мнѣ-то, сиротинушкѣ,
Не къ кому прикачнуть буйной головушки;
Ужъ какъ я-то, сиротинушка,
Отъ камушка откатилася,
Отъ сырой да земли зародилася.

III. 1) Ужъ ты, лада моя милая!
 Какъ тебѣ да лада милая,
 Скорѣ смертонька случилася
 Отъ людей-то да отъ буйныхъ;
 Проломили да буйну голову,
 Пропустили да кровь рудовую.
 Я звала да въ дорогѣ гости
 Своихъ да малыхъ дѣтушекъ, —
 Какъ твоя да лада милая
 Не подаетъ да жизни — голосу;
 Изъ-подъ матушки сыры земли
 Нѣтъ не выходу, не выгѣзду:
 Не беретъ сыра-земля
 Ни злата-то, ни серебра,
 А беретъ сыра-земля
 Тѣломъ да вѣдь все бѣлымъ;
 Ужъ ты, лада моя милая!
 Ты судьба моя законная!
 Во торги ли ты во ярмонки,
 Во матушку-ли во Божью церковь?
 Эхъ, глупая я не умная,
 Сама да я не разумная:
 Не въ торги да я не во ярмарки,
 Во матушку сыру-землю,
 Во пески да во желтые!
 (Боровичскій уѣздъ)

IV. Не корабль съ мѣста крѣтается
 А мой тятенька сподобляется
 Подъ матушку да подъ сыру землю!
 Да ты скажи, кормилецъ тятенька,
 Да ты когда къ намъ въ гости будешь?
 По утру ли ты ранехонько,
 Въ вечеру ли ты позднехонько?
 Мы будемъ ждать, да дожидатися

1) Записано въ с. Коломна, Перегинской в. Старорусскаго у.; исполнительница неграмотная крестьянка Елена Деписова; плакальщица.

Мы тебя, кормильца батюшка;
 Да какъ ты пойдешь, кормилецъ тятенька!
 Лѣсомъ темнымъ, полямъ чистымъ,
 Станемъ по росту примѣчать,
 По лицу да признавати;
 А какъ полетишь да вольной птапечкой,
 Не узнать и не замѣтить...
 Ты прощайся, кормилецъ тятенька,
 Ты съ сосѣдами и съ сосѣдками
 И съ сосѣднимъ малымъ дѣтушкамъ,
 Со лѣсомъ-то со темнымъ,
 Со лугами да со зелеными
 Со рѣками да со быстрыми!

(Тамъ же)

V. ¹⁾ Отлетѣлъ ты, маленькая птапечка,
 Ты отъ батюшки, отъ матушки,
 Ты на чужу-дальню сторонушку,
 Ты на вѣки-то вѣковѣчные.
 Прилети ты, маленька птапечка,
 Посреди-то лѣтичка теплаго,
 Когда распустится нашъ зеленый садъ
 И расцвѣтутъ всякіе цвѣтики!
 Прилети ты сѣрой птапечкой,
 Сядь на яблоньку на сахарную,
 Запой хорошенькимъ ты соловушкомъ,
 Чтобы батюшка съ батюшкой догадалися,
 Во зеленый садъ похваталися;
 Какъ поймали бы эту птапечку,
 Эту птичку во бѣлы руки,
 И сказали бы этой птапечки:
 Ты скажи намъ, птапечка!—
 Что ты, какого роду племени,—
 Какого ты поколѣнница?
 Ты не нашего ль рода-племени?

¹⁾ Записано въ с. Коломна, Перегинской в. Старорусскаго у. отъ крестьянки Елены Денисовой.

Ты не нашего ль поколѣньяца?
 Мы узнаемъ маленькую пташечку
 По бѣлымъ волосамъ, по бѣлому личику,
 По хорошему наряженьицу.
 Унимали мы маленьку пташечку:
 «Останься ты маленька пташечка,
 На родной то на сторонущей.»
 Намъ отвѣчаетъ родима пташечка:
 Да ты скажи, кормилецъ тятенька,
 «Что не останусь я, батюшка съ матушкой,
 Я не на вашей-то сторонущей,—
 Тамъ вѣдь жизнь-то гораздъ хорошая,
 Тамъ и хлѣба-то хлѣбородные,
 Тамъ и люди-то добродные!»
 Удалая-ты головушка!

VI. 1) Стоишь ты не въ саду зеленымъ,
 А стоишь во матушкѣ Божьей церкви,
 Проводють тебя отцы духовныи
 Покутъ пѣсни церковныи.
 Спрошу я у тебя, горькая сиротинушка,
 Куда ты собралася, снарядилася,
 Въ котору путь-дороженьку?—
 Въ безвѣстну сторонущу...
 Ужъ не дожидаться мнѣ, сиротинушкѣ,
 Ни письма, ни вѣсточки!
 Спрошу я у тебя, горька сиротинушка—
 Кому ты отказалъ желаньице-раденьице—
 До насъ сиротинушекъ?
 Попрошу я тебя, удалую головушку,
 Какъ настанетъ лѣто красное,
 Запоютъ залетны малы пташечки,
 Прилетай наша буйная головушка
 Въ дорогіи гости, садися съ намъ,
 Во зеленый садъ, на сладку яблоньку!
 Я буду ходить во зеленый садъ,
 Буду слушать этихъ малыхъ пташечекъ,

1) Тамъ-же.

Примѣчать тебя буйну головушку
 Ни по крылышкамъ, ни по перушкамъ,
 А по своей крови горячей;
 Вынесу я въ этотъ зеленый садъ
 Дубовый столъ со бѣлой скатерью,
 Принесу кушанья сахаровы
 И накормлю я этихъ малыхъ пташечекъ.

Солдатскіе вопли.

VII. Ужъ ты, мило мое дитятко!
 Ужъ ты, милое, любимое!
 Ты сойдешь да, мило дитятко,
 Въ города да понизовые!
 Ты пиши да письма-грамотку!
 Не перомъ да не черниламъ (и),
 Посылай да мило дитятко
 Ты со вольною со пташечкой,
 Ты со вольною да со лѣтнею!
 Прилетитъ да вольна пташечка
 Сядетъ на зеленое да деревцо,
 Подъ косящее окошечко,
 Я глядѣть да буду горька матика
 Во красно окошечко на вольную пташечку;
 Я приму горька матика письмо-грамотку
 Я прижму да къ ретивому сердцу.

(Боровичскій уѣздъ)

VIII. *) Хорошіе добрые молодцы!
 Спросимъ мы у васъ горькихъ сиротушекъ:
 Куда справляетесь, снаряжаетесь?
 Въ котору путь дороженьку?
 Мы сами знаемъ горьтін сиротушки,
 Мы сами знаемъ, что не своей волей идете вы,
 А гонять васъ начальники военные,
 На эту службу государскую,

На чужую дальнюю сторонушку.
 Попрошу я тебя, сиротинушка:
 Пиши ты скорописныя бѣлы грамотки!
 Буду я, сиротинушка, дожидать эти бѣлы вѣсточки,
 Ужо прижму я эту бѣлу вѣсточку
 Ко своей груди бѣлой,
 Къ ретиву сердечушку.
 Безъ тебя, горькой добрый молодецъ,
 Понавѣютъ вѣтры буйные,
 Понабаютъ люди добрые
 Про насъ гортихъ, сиротинушекъ

* *

*

IX. *) Ужъ вы, большія птички немаленькія,
 Ужъ вы слетите, сѣренькія пташечки!
 — У васъ маленькія легонкія крылышки;
 — Ужъ на чужую вы красну сторонушку,
 Во невѣрную земелюшку,
 На восходъ краснаго солнышка!
 Ужъ вы, слетите, сѣрыя пташечки!
 Вы снесите-ка письмо-грамоту,
 Вы удалымъ нашимъ головушкамъ!
 Разкажите, маленькія пташечки,
 Вы удалымъ нашимъ головушкамъ,
 Что это писано у насъ горемычныхъ
 Не перомъ и не чернилами,—
 А все писано горючими слезами!
 — Еще спросите, сѣрыя пташечки,
 У удалыхъ головушекъ про ихъ житье несчастное,
 Несчастное про военное:
 Что позагнаны удалы головушки
 Во чужую-то дальню сторонушку,
 Разлучены они съ молодыми женами
 И со своими-то малыми дѣтушками;
 Они не слышать тамъ и не звона-то колокольного,
 И питья-то не пьютъ церковнаго,

*) Тамъ-же.

Не въ своихъ они живутъ горницахъ,
 Да не на мягкихъ спать постелюшкахъ,
 Не на пуховыхъ-то на подушечкахъ!
 Жалко удалыхъ намъ головушекъ,
 Что они мыкають горе лютое.

По записямъ воспитанниковъ Новгородской учительской семинаріи сообщенъ:

А. Суворовскій.

Изъ рукописныхъ матеріаловъ С. Раевского.

(1840-хъ годовъ).

I.

Колоколоподражательная пѣснь Коломенскаго дьячка Евдокима Ксенофонтовича Лобанова при встрѣчѣ на колокольнѣ имъ Императора Александра I-го.

Тоненькимъ
голосомъ или
малыми колоколами.

}

Царь Государь,
ѣдетъ царь Государь,
Царь, царь Государь.

Толстымъ голосомъ
или большимъ
колоколомъ.

}

Орелъ ѣдетъ,
Орелъ ѣдетъ,
Орелъ ѣдетъ.

Тоненькимъ
голосомъ.

}

Съ кукуевой горки
Въ сѣверну страну.

Толстымъ.
голосомъ.

}

къ Петромъ заведенному
Граду Святому,
Граду Святому,
По благовѣсту... у...у...у...у...

II.

Пѣсня кореляковъ (въ переводѣ).

Дѣвка плачетъ
На морскомъ берегу;
Вверхъ глядитъ,
Внизъ глядитъ:
Внизу ѣдетъ лодочка,
Ажно въ лодочкѣ батюшка.
«Ой, батюшка, батюшка,
Возьми меня въ лодочку».
—Нѣту, дочка, мѣстечка
Поди, дочка, на Шведской берегъ,
Есть тамъ
Дорогихъ сукончиковъ
И пестрыхъ камешковъ.

III.

Слезное слово къ брату.

Еще былъ у меня гдѣ-то
Милый братъ.
Изъ полей лучшее поле,
Милый братъ.
Изъ поля лучший крестецъ,
Милый братъ.
Изъ крестца лучшая горсть
Милый братъ.
Изъ снопа лучший колосъ
Милый братъ.
Изъ колоса лучшее зерно
Милый братъ.

Сообщила Е. Е.

О л я н ь

(киргизская любовная пѣсня).

Лицо твое какъ наливное яблочко,
 Сокъ усть твоихъ какъ медь;
 Быть можетъ, въ раю Хуры ¹⁾ красивѣе тебя,
 На этомъ же свѣтѣ нѣтъ тебѣ равной.
 Ты роза изъ цвѣтника «Багъ-Ирана», ²⁾.
 Смотрю на тебя и, какъ соловей среди розъ, я теряю
 сознаніе...

Ты роза лишь только разцвѣтшая, и, пока ты цвѣтешь,
 Будь милосердной: общай мнѣ свиданіе!
 Ротикъ твой какъ нераскрывшійся бутонъ...
 Одинъ лишь какой-нибудь отшельникъ не влюбится въ тебя.
 Не узнавъ сладости наслажденья, человѣку
 Нельзя умирать, на подобіе звѣря.
 Тѣло твое дышитъ ароматомъ Райханы, ³⁾
 Глаза твои сіяютъ, а зубы—слоновая кость.
 Какъ солнце, дающее свѣтъ землѣ,
 Такъ и ты родилась для того, чтобы плѣнить всѣхъ собою.
 Пальцы рукъ твоихъ, какъ камышъ на рѣкѣ Акъ-Идылѣ;
 Твоя рѣчь и ланиты красивы...
 И мечта о тебѣ, бриллиантъ ⁴⁾ мой, вносить свѣтъ въ мою
 темную юрту;
 Нѣтъ на свѣтѣ ничего, что было бы достойно тебя,
 Серебро ты мое драгоцѣнное.

¹⁾ Гурія.

²⁾ Багъ-Иранъ. По поводу происхожденія этого названія намъ сообщено слѣдующее преданіе: нѣкогда въ Персіи былъ царемъ Фридаусъ; онъ приказалъ развести такой садъ, которому подобнаго нельзя было найти во всемъ свѣтѣ.

Вотъ и посадили въ нѣсколько десятковъ лѣтъ около города Тегерана такой роскошный садъ, что на землѣ не было равнаго ему по красотѣ, водѣ, деревьямъ и цвѣтамъ; съ тѣхъ поръ всякій садъ, отличающійся необыкновенною красотой, называютъ Багъ-Иранъ по странѣ, въ которой онъ находился: садъ Ирана, садъ Персіи.

³⁾ Райханъ—пахучая трава—базиликъ.

⁴⁾ Султанъ-ходжинъ называлъ «шамъ-чрахъ», что значитъ лучъ свѣта, т.-е. бриллиантъ.

Улыбкой твоей ты сводишь съ ума всѣхъ на свѣтѣ.
 При видѣ походы твоей, при проходѣ вглубь юрты,
 Думаешь,—вотъ идетъ Хуръ-дѣвица.
 Гибкій станъ твой стройнѣй балдыргана,⁵⁾
 Юная свѣжесть твоя поспорить съ румяной талинкой...
 Пава-красавица, ты ловче марала;
 Ты одна лишь, одна въ моихъ думахъ.

(Переведено съ киргизской рукописи, написанной киргизомъ Чимкентскаго уѣзда, Арысовской волости, Майлы-ходжа Султанъ-Ходжинымъ.)

А. Диваевъ.

Киргизскіе афоризмы.

I. Дерево, рубленное топоромъ, оживаетъ и вновь растетъ, тѣло израненное саблей, излѣчивается, а рана, нанесенная языкомъ, не заживаетъ и не поддается никакимъ лѣченіямъ.

II. Противъ каждой горящей силы есть средство тушенія, а именно: огонь тушится водой, ядъ — лѣкарствомъ, горе — терпѣніемъ, любовь — разлукою, но противъ огня злобы и вражды нѣтъ никакихъ средствъ.

III. Истиннаго друга можно спознать при большомъ горѣ.

IV. Если родилось отъ отца шестеро сыновей, то пятеро изъ нихъ должны быть рабами, а одинъ бекомъ. Если же всѣ шестеро будутъ въ разѣ беками, то самыя обширныя горныя долины покажутся имъ тѣсными.

(Переведено съ рукописи киргиза Ногай-Куринской волости, Чимкентскаго уѣзда, Иркембека Ахембекова.)

А. Диваевъ.

⁵⁾ Балдырганъ—борцовникъ.

Критика и библіографія.

Révész. Rassen und Geisteskrankheiten. „Archiv f. Anthropologie“ № F. B. VI. Н. 2—3.

Мы обращаемъ вниманіе этнографовъ на эту небольшую работу, представляющую, по нашему мнѣнію, для нашей науки значительный интересъ. Изученіе психическихъ заболѣваній среди народовъ малокультурныхъ должно пролить свѣтъ на многія представленія ихъ, особенно касающіяся ихъ религіозныхъ вѣрованій. Извѣстно, что лишь опредѣленными психическими состояніями можно, наприимѣръ, объяснить шаманство и шаманскія дѣйствія. Этими же состояніями и переживаемымъ во время ихъ можно будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, объяснить и вѣру въ реальность видѣній, возрѣнія на смерть и нѣкоторыя болѣзни. Припомнимъ особую форму истеріи, которую Révész называетъ Reptilienbesessenheit—увѣренность, что внутри тѣла живетъ змѣя, лягушка и т. д. которая могла вползти, конечно, однимъ путемъ: черезъ ротъ во время сна; припомнимъ другіе виды «одержимости», «обснованія» и пр.—Révész систематизируетъ по материкамъ матеріалы, собранные по интересующему его вопросу. Считая, что причиною психическихъ заболѣваній у культурныхъ народовъ являются преимущественно инфекціонныя заболѣванія, интоксикація (особенно алкоголемъ), наслѣдственность—также и неприспособляемость къ быстрому росту культуры слабыхъ субъектовъ (такъ необычайный культурный ростъ Японіи послѣдняго времени вызвалъ значительное увеличеніе процента психическихъ заболѣваній)—Révész прослѣживаетъ различныя формы психозовъ у народовъ полу-и малокультурныхъ, также и причины ихъ. При этомъ оказывается, что нѣкоторыя болѣзни несомнѣнно носятъ международный характеръ и имѣютъ причину въ свойствахъ присущихъ всему человечеству. Мы приведемъ, со словъ Révész'a, нѣкоторые виды психическихъ заболѣваній у народовъ малокультурныхъ. Народы Африки весьма подвержены психическимъ болѣзнямъ; причинами ихъ являются алкоголизмъ, также и куреніе одуряющаго растенія дагги, вида конопли. Между этими болѣзнями можно отмѣтить сонницу у народовъ западнаго побережья къ сѣверу и югу отъ теченія р. Конго. Болѣзнь начинается сильною головою болью, дрожаніемъ всѣхъ членовъ; внезапно больной

останавливается въ работѣ, она валится у него изъ рукъ и онъ впадаетъ въ сонъ. Въ часы обѣда онъ просыпается, ѣсть—но между тѣмъ худѣетъ. Болѣзнь длится нѣсколько мѣсяцевъ или нѣсколько лѣтъ—и считается смертельной. Причиной ея нѣкоторые врачи признаютъ укусъ одного насѣкомаго. Какую богатую почву въ объясненіи болѣзни даетъ малоразвитой фантазіи такое поражающее воображеніе заболѣваніе. Весьма распространены психозы среди малайцевъ, что объясняется нѣкоторыми изслѣдователями слабою душевною противопоставляемостью малайцевъ. Интересна болѣзнь *latah*, которая заключается въ непроизвольномъ подражаніи движеніямъ и словамъ. Несвязные звуки или слова сопровождаютъ непроизвольныя движенія. Это начинается, когда испугаютъ больного или когда передъ нимъ дѣлаютъ какія-нибудь движенія или произносятъ слова или фразы. Онъ повторяетъ движенія (*Echokinesia*) и слова (*Echolalia*). Иногда достаточно бываетъ одного взгляда на больного сопровождаемаго движеніемъ, чтобы вызвать повтореніе движенія или слова со стороны больного. Умственные способности при этомъ остаются въ полной силѣ; онъ также не страдаетъ при этомъ другими формами психическихъ заболѣваній, ни истеріей, ни неврастностию. Наслѣдственность играетъ большую роль въ этой формѣ психоза; особенно часто страдаютъ ею молодыя женщины. Сходное съ *latah* заболѣваніе встрѣчается у тагаловъ подъ названіемъ *mali-mali*, у сямцевъ подъ именемъ *bahtschi*, у бирманцевъ подъ именемъ *yaup*; у айновъ подобныя же симптомы проявляются при болѣзни *imubacco*. *Latah* сближаютъ и съ сибирскимъ мераченьемъ. Наконецъ, *Gilles de la Tourette*, по словамъ *Révész'a*, наблюдалъ аналогичный случай въ Парижѣ. У малайцевъ же, и только у нихъ, особенно на Целебесѣ и Мадурѣ, встрѣчается извѣстная болѣзнь *amok* (*Amoklaufen*). Это—форма переходящаго психоза. Послѣ сильнаго потрясенія на больного нападаетъ припадокъ отчаянія. Потомъ вдругъ онъ схватываетъ свой ножъ, выбѣгаетъ изъ дома, бѣгаетъ, какъ безумный, и поражаетъ каждаго встрѣчнаго. Состояніе продолжается нѣсколько часовъ или нѣсколько дней и кончается состояніемъ, похожимъ на столбнякъ. Иногда припадокъ кончается самоубійствомъ. Взгляды специалистовъ на это болѣзненное проявленіе не сходятся; нѣкоторые приписываютъ его отравленію опиумомъ, другіе считаютъ его за эпилепсію, третьи видятъ причину его въ неспособности малайцевъ сдерживать свои чувства и страсти. Интересно, что во время припадка больной видитъ черныя и красныя пятна передъ глазами, звѣрей и демоновъ; о своихъ поступкахъ больной не помнить.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія болѣзнь, наблюдаемая у жителей Гренландіи. Когда они находятся въ своихъ утлыхъ каюкахъ на освѣщенной моремъ поверхности моря, на нихъ нападаетъ иногда головокруженіе, рвота, и чувство томящаго страха. Нѣкоторые указываютъ, что больные этой болѣзнью (*Kajakschwindel*, опредѣляетъ ее *Révész*) всѣ долготѣнныя курильщики; другіе, что заболѣваніе связано съ чрезмернымъ употребленіемъ кофее; третьи сближаютъ ее съ извѣстной агорафобіей. Мы привели здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ статей

Révész'a, чтобы показать, какія интересныя формы заболѣваній въ области психики можно наблюдать среди малокультурныхъ народовъ. Намъ хотѣлось бы также выразить пожеланіе, чтобы психическія заболѣванія у нашихъ инородцевъ стали предметомъ болѣе обстоятельнаго медицинскаго изслѣдованія. Это дало бы серьезный и важный матеріалъ какъ медикамъ, такъ и этнографамъ. Лишь тогда, когда психическій міръ малокультурныхъ народовъ будетъ всецѣло освѣщенъ—этнографія въ объясненіи нѣкоторыхъ представленій, отсюда и внѣшнихъ проявленій вѣрованій культа,—будетъ идти не ощупью, не путемъ догадокъ, но произнесетъ окончательное и вѣрное сужденіе. Въ частности намъ хотѣлось обратить вниманіе изслѣдователей еще на одинъ вопросъ—а именно на важность изученія психическаго міра и психическихъ заболѣваній у дѣтей. Дѣтскій міръ въ некультурномъ обществѣ вообще мало изученъ. Между тѣмъ мы позволимъ себѣ указать хотя бы на одинъ интересный фактъ: на случаи обязательнаго участія дѣтей—въ религиозной жизни племени. Дѣтямъ отведена была опредѣленная роль, напримѣръ въ ежегодномъ праздникѣ камчадаловъ, описанномъ такъ подробно Брашенинниковымъ (Описаніе земли Камчатки, II, глава 13); болѣе ясно опредѣлена ихъ роль, напримѣръ, въ священной пляскѣ (the Medicine Dance) чейенновъ. Здѣсь имъ поручается подъ руководствомъ шамана выгнать изображенія разныхъ животныхъ: буйволовъ, лосей, антилопъ, птицъ и пр. съ тѣмъ, чтобы вызвать обиліе дичи (Dorsey, the Cheyenne, I. Ceremonial Organisation. Chicago 1905 p. 49). Участіе дѣтей въ религиозной жизни племени, въ обрядахъ могло имѣть самыя разнообразныя источники. Можетъ быть, однимъ изъ нихъ была восприимчивость дѣтей къ психическимъ переживаниямъ. Что дѣти у некультурныхъ народовъ особенно склонны къ гипнозу и внушеніямъ, доказываютъ многочисленные примѣры изъ такъ называемыхъ обрядовъ посвященія. Révész ссылается, между прочимъ, на свидѣтельство одного изслѣдователя, отмѣтившаго необычайное количество нервнобольныхъ среди крестьянскаго населенія Вандекъ. Такъ же сильно развита истерія у дѣтей. Случаи нервного возбужденія, доводящаго до галлюцинацій, зрительныхъ и слуховыхъ, навѣрное нерѣдки среди малолѣтнихъ у некультурныхъ народовъ. Наконецъ, если мы возьмемъ въ свидѣтельство народное творчество, мы въ сказкахъ, отражающихъ несомнѣнно воззрѣнія народа, среди жизненныхъ образовъ, встрѣтимъ типы дѣтей-волшебниковъ, дѣтей одаренныхъ высшей силой. Такъ у Кастрена (Vorlesungen) въ самоѣдской сказкѣ мы читаемъ про мальчика, который былъ большой соня: онъ все спалъ и спалъ! Сны этого мальчика были вѣщи и дальнѣйшія приключенія его въ продолженіи сказки, когда онъ уже выросъ, обнаруживаютъ какъ бы ненормальнаго субъекта. Въ африканскихъ сказкахъ мы особенно часто встречаемся съ одаренными сверхъестественной силой дѣтьми. Въ этомъ, какъ намъ кажется, отразилось съ одной стороны вѣра народа, что у дѣтей можетъ быть сверхъестественная сила, съ другой—что эта вѣра могла возникнуть на основаніи наблюденій надъ ненормальнымъ состоя-

нѣмъ истеричныхъ и нервныхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе психическаго міра дѣтей у малокультурныхъ народовъ представляетъ благодарную задачу для этнографа.

В. Х—на.

L. de Milloué. Bod-lyou ou Tibet. Le paradis des moines. Paris, 1906. 304 стр.

Означенная книга составляетъ 12 томъ изданій музея Гиме (Annales du Musée Guimet. Tome douzième) въ Парижѣ и даетъ подробное описаніе Тибета, этой загадочной страны, тщательно оберегаемой отъ посѣщеній иностранцевъ. Миссіонеры Западной Европы, путешественники разныхъ странъ съ давнихъ поръ пытались проникнуть въ нее; попытки эти обыкновенно бывали или мало—или безуспѣшны. Препятствіемъ служилъ религіозный фанатизмъ тибетскихъ монаховъ, власть и значеніе которыхъ очень велики. Тѣмъ не менѣе миссіонеры были первыми европейцами, проникнувшими въ Тибетъ и сообщившими свѣдѣнія объ этой странѣ.—Авторъ названнаго труда называетъ многихъ европейцевъ уже въ 13 в. посѣщавшихъ Тибетъ, и приводитъ ихъ отзывы, часто противорѣчивые, о жителяхъ и условіяхъ жизни, въ этой чужой землѣ; затѣмъ авторъ даетъ сжатый географическій очеркъ Тибета, кратко указываетъ на нѣкоторые обычаи народа (при свадьбахъ, похоронахъ и т. д.), на устройство ихъ жилищъ, которыя отличаются самымъ первобытнымъ характеромъ и въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою палатки, исключеніемъ служатъ немногіе дворцы, храмы, монастыри; давъ свѣдѣнія о пищѣ тибетцевъ, авторъ довольно подробно останавливается на ихъ костюмѣ (на его матеріалѣ, покрое, главныхъ частяхъ), который единообразенъ по формѣ какъ въ различныхъ мѣстностяхъ Тибета, такъ и у различныхъ сословій. Женское платье походить на мужское, но на немъ преобладаютъ украшенія; особенно любятъ женщины украшать голову, и ихъ головные уборы бываютъ затѣливы и разнообразны. Затронувъ вопросъ объ образованіи въ Тибетѣ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о книгопечатаніи въ этой странѣ. Искусство это перешло сюда изъ Китая въ весьма отдаленную эпоху и сдѣлалось здѣсь очень употребительнымъ. Для печатанія книгъ не пользуются подвижными буквами, а гравированными досками, приготовленными очень тщательно. Почти всѣ тибетскіе монастыри имѣютъ печатни, гдѣ готовятъ священные книги, талисманы, амулеты и др. подобныя вещи, которыя продаются въ монастыряхъ. Книги представляютъ собою нешитые листы, помѣщаемые между двумя досками и связываемые лентою. Часто книги снабжаются очень тонкими и хорошо сдѣланными рисунками.

Указавъ на занятія тибетцевъ (земледѣіе, ремесла, торговлю), авторъ всю вторую часть своего труда посвящаетъ религіи и культу тибетцевъ. На религіозныхъ воззрѣніяхъ этого народа авторъ останавливается подробнѣе потому, что они имѣютъ огромное значеніе въ жизни

страны, ими обусловлены всё условія существованія. Въ 5 в. д. Р. Х. проповѣдники буддизма явились въ Тибетъ и проповѣдь ихъ постепенно становилась успѣшнѣе, несмотря на противодействія представителей уже существовавшей здѣсь религіи. Въ концѣ концовъ Тибетъ сталъ важнымъ центромъ буддизма, покрылся буддійскими монастырями, а главный городъ его сталъ резиденціей Далай-Ламы, этого воплощенія Будды. Авторъ подробно излагаетъ исторію развитія буддизма въ Тибетѣ, исторію монастырей, выясняетъ ихъ вліяніе на народъ, даетъ интересные свѣдѣнія о сектахъ, тибетскомъ пантеонѣ (при чемъ прилагаетъ рисунки, изображающіе божества), о принадлежностяхъ культа (музыкальные инструменты, вертящіеся цилиндры, на которыхъ написаны молитвы, амулеты и т. п.), о монахахъ, волшебникахъ, гадателяхъ; однимъ словомъ рисуетъ подробную картину язычества, процвѣтающаго въ этой замкнутой горамъ и оберегаемаго всячески его представителями—ламами; жизнь послѣднихъ здѣсь настолько обезпечена и хорошо обставлена, что авторъ, сопоставивъ ее съ жизнью всего народа, называетъ Тибетъ раемъ монаховъ.

Трудъ L. de Milloué является полезнымъ вкладомъ въ литературу о Тибетѣ и представляетъ большой интересъ въ виду малой изслѣдованности этой страны и ея еще не разсѣянной таинственности.

Е. Е.

Weber, Otto. Die Literatur der Babyeonier und Assyrer Lpz. 1907. 312 S. mit 1 Schrifttafel und 2 Abbildungen.

Раскопки на мѣстѣ древнихъ Вавилоніи и Ассиріи дали огромное количество клинописной литературы, разборомъ и изученіемъ которой тщательно занимаются въ послѣднее время. Книга Вебера представляетъ собою прекрасный обзоръ этой въ высшей степени интересной литературы Востока. Уже не разъ появлялись на Западѣ ученые работы, посвященные этому вопросу; авторъ разбираемой книги упоминаетъ о нихъ въ предисловіи къ своему труду—(это между прочимъ «Kurzgefasster Überblick über die babylonischassyrische Literatur» Bezold'a и «Litteratura Assira» Feloni) и, указывая на массу еще далеко не изученнаго матеріала, находитъ невозможнымъ написать полную исторію литературы Вавилоніи и Ассиріи. Несмотря на это, книга Вебера является очень богатой по матеріалу и интересной по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даетъ авторъ. Сжато и ясно сообщаетъ онъ о сумерійцахъ и семитахъ, о ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, о изобрѣтеніи клинописи и ея развитіи; характеризуетъ въ общемъ поэтическую литературу, сообщаетъ легенды, религіозные мифы и стоящіе въ связи съ ними гимны и молитвы. Обширный отдѣлъ отведенъ Веберомъ литературѣ магической: заклинаніямъ и заговорамъ, изреченіямъ оракуловъ и разнообразнымъ примѣтамъ.—Историческіе тексты, историческіе памятники, научные трактаты—все это входитъ въ указанный трудъ Вебера. Послѣдній от-

дѣлѣ посвященъ авторомъ произведеніямъ народного творчества—баснямъ о животныхъ, пословицамъ, нравоучительнымъ изреченіямъ. Въ басняхъ главными дѣйствующими лицами являются лисица, лошадь, быкъ и ибк. др., къ сожалѣнію текстъ этихъ басенъ сильно попорченъ и не позволяетъ подробно изучить ихъ характеръ. Интересны нравоученія: въ нихъ отразилась и религіозность и наблюдательность ихъ создателей: «кто боится боговъ, тотъ не будетъ страдать»; «молитва заглаживаетъ грѣхи»; «молчаніемъ успокаивай твой духъ»; «не раскрывай широко ротъ, береги зубы», и т. п. Пословицы довольно многословны и по духу своему приближаются къ приведеннымъ изреченіямъ.

При каждой главѣ даны библіографическія указанія, въ концѣ приложены изображенія клинообразныхъ надписей и древнѣйшихъ іероглифическихкихъ знаковъ.

Богатство матеріала дѣлаетъ книгу Вебера полезнѣйшимъ подспорьемъ при ознакомленіи съ древне-ассиро-вавилонской литературой.— Не лишне добавить, что означенный трудъ представляетъ собою второй добавочный томъ журнала «Der alte Orient.»

Е. Е.

Ulmer, Friedric, Dr.: Hammurabi, sein Land und seine Zeit. Lpz. 1907 г. 35 S. mit 3 Abbildungen.

Brandenburg, Erich, Dr.: Phrygien und seine Stellung im kleinasiatischen Kulturkreis. Lpz. 1907. 31 S. mit 15 Abbildungen.

Объ указанныя брошюры представляютъ собою первый и второй выпуски журнала Der alte Orient за 1907 годъ. Журналъ этотъ съ 1902 года далъ цѣлый рядъ брошюръ на темы, связанныя съ раскопками въ древнихъ Вавилоніи, Ассиріи, Египтѣ, М. Азіи.

Сжато изложенныя, эти брошюры даютъ необыкновенно интересныя свѣдѣнія о древнемъ Востокѣ; обыкновенно въ каждомъ выпускѣ есть библіографическія указанія, пользуясь которыми, всегда можно пополнить и расширить даваемые брошюрами свѣдѣнія.—

Вышеуказанный 1 выпускъ 1907 г. знакомитъ читателя со страной и эпохою извѣстнаго царя-законодателя Гаммураби. Давъ въ краткихъ чертахъ картину развитія Вавилона, упомянувъ царей предшественниковъ, авторъ сообщаетъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя удалось отыскать о Гаммураби; они касаются его, главнымъ образомъ, какъ законодателя, поэтому его сводъ законовъ и является основнымъ источникомъ для характеристики какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ отношеній его времени. При дворцѣ Гаммураби существовала огромная библіотека; раскопки послѣднихъ десятилѣтій дали возможность найти ее чуть ли не цѣликомъ, благодаря чему свѣдѣнія объ эпохѣ царя-законодателя значительно расширились. О религіозныхъ учрежденіяхъ, школахъ, врачахъ и т. п. древняго Вавилона можно судить по найденнымъ литературнымъ богатствамъ, и брошюра Ulmer'a, указавъ источники, вкратцѣ

даетъ общій обзоръ какъ общественной, такъ и частной жизни Вавилоніи при Гаммураби.—

Статья Brandenburg'a (2 b.) выясняетъ значеніе для Фригійской культуры и описываетъ археологическія находки, сдѣланныя въ этой странѣ, причемъ особенно останавливается на фригійскихъ фасадахъ, которые были открыты въ 1800 г. Ликомъ (Leake). Объ этихъ фасадахъ не мало сообщалось учеными археологами, серьезно изучавшими ихъ въ послѣднія десятилѣтія. Эти фасады вырублены въ скалахъ, точнѣе—склоны скалъ отточены въ формѣ фасадовъ и изукрашены различными фигурами звѣрей (огромные львы) или просто квадратнымъ орнаментомъ. Изложеніе автора прекрасно пополняется приложенными рисунками, которые позволяютъ составить себѣ болѣе точное представленіе о памятникахъ древней Фригіи. Эти вырубленные въ скалахъ фасады представляютъ собою надгробные памятники и при огромности своихъ размѣровъ поражаютъ правильностію линий. Авторъ заключаетъ свою статью предположеніемъ о связи этихъ памятниковъ фригійской архитектуры съ греческими художественными постройками.

E. E.

Pradel Fritz, Griechische und Süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters. Giessen 1907. 403 S.

Заговоры и заклинанія языческой древности, основанные на упорной, непоколебимой вѣрѣ въ силу человѣческаго слова, перешли и въ христіанскій міръ, и здѣсь продолжали свое существованіе, измѣненные по внѣшности, но въ существѣ оставшіеся тѣми же.

Средніе вѣка были эпохою особенно пышнаго расцвѣта всякихъ магическихъ наукъ, отсюда и обиліе заклинательныхъ молитвъ въ это время. Религіозныя, христіанскія представленія, событія, изображаемыя въ Св. Писаніи, огромная апокрифическая литература—все это дало матеріалъ для заклинательныхъ молитвъ, которыя смѣнили заговорныя формулы язычества. Творческая фантазія не останавливалась ни передъ чѣмъ, лишь бы изыскать такія сочетанія словъ, которыя предохранили бы человѣка отъ грозящихъ ему отовсюду несчастій, отъ темной, враждебной силы. Все, что съ точки зрѣнія христіанина, было могущественно, доброжелательно, неизмѣнно помѣщалось въ словесныя формулы, которыми и ограждалась всегда трепещущія души. Имя Господа Бога, Пр. Дѣвы, архангеловъ, святыхъ вводятся въ заклинанья, которыя состояются или въ формѣ бесѣды святыхъ съ демонами; или въ формѣ изложенія какого-ниб. событія изъ жизни І. Христа, заключающагося заговорнымъ оборотомъ; или наконецъ въ видѣ молитвъ, въ которыхъ обращеніе къ Господу Богу перемеживается со странными пожеланіями. Изученіе этихъ заклинательныхъ молитвъ вводитъ изслѣдователя въ міръ демоновъ, чудовищъ, необычайныхъ олицетвореній—это съ одной стороны, съ другой—даетъ возможность опредѣлять тѣ представленія,

которые связывались въ мировоззрѣніи средневѣковаго человѣка съ христіанскими понятіями. Изученію текста греческихъ молитвъ, найденныхъ въ одной средневѣковой итальянской (венеціанской) рукописи и составленныхъ для изгнанія демоновъ и исцѣленія людей и скота отъ разныхъ болѣзней, посвященъ трудъ Pradel'я. Связь этихъ молитвъ съ апокрифами отмѣчена изслѣдователемъ, указаны и нити, связующія ихъ съ древневосточными традиціями, опредѣлено отчасти и мѣсто если не возникновенія, то долгаго пребыванія этихъ греч. молитвъ (Критъ), такъ же, какъ и заговорныхъ итальянскихъ текстовъ (Сицилія). Замѣчанія и указанія автора очень интересны и цѣнны, вслѣдствіе чего книга Pradel'я не можетъ быть пропущена безъ вниманія при изученіи заговоровъ и заклинаній.

Трудъ Pradel'я, представляя собою законченное произведеніе, относится къ серіи работъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о магической литературѣ и религіозныхъ вѣрованіяхъ—серіи, издаваемой подъ редакціей Альбрехта Дитриха (Albrecht Dieterich) и Рихарда Вюнша (Richard Wünsch) подъ заглавіемъ *Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten* (III Band. 3. Heft).

Е. Е.

Delehaye Hippolyte, S. J. Bollandiste: *Les légendes hagiographiques*. Bruxelles 1906. Deuxième édition.

Житія святыхъ представляютъ собою интереснѣйшій литературный памятникъ, независимо отъ своего религіознаго значенія; въ нихъ изслѣдователь имѣетъ возможность ознакомиться и съ чертами быта того народа, среди котораго составлялись житія, съ его нравственными и религіозными воззрѣніями и съ историческими событіями. Не разъ житія святыхъ дѣлались предметомъ всесторонняго изученія. причемъ неоднократно изслѣдователями обращалось вниманіе какъ на слѣды такихъ идей и воззрѣній, которыя не соответствовали христіанскому мировоззрѣнію, такъ и на то, что въ житіяхъ слышались мотивы фольклористическіе. Книга Delehaye является значительнымъ вкладомъ въ агиографическую литературу, кромѣ того она имѣетъ значеніе и для занимающихся произведеніями народнаго творчества, вслѣдствіе того, что авторъ затрогиваетъ интересный вопросъ о дѣятельности народной фантазіи и о тѣхъ законахъ, которымъ она подчиняется. Авторъ отмѣчаетъ ту крупную роль, которую играло народное поэтическое творчество въ процессѣ созданія религіозной легенды, покоившейся, въ большинствѣ случаевъ, на историческихъ данныхъ, на фактахъ дѣйствительности. Народное поэтическое творчество шло своимъ обычнымъ путемъ, оно прежде всего, стирало индивидуальныя черты извѣстнаго лица и создавало типъ, оно упрощало дѣйствіе и стучало краски, выдвигало основныя черты, давало схемы, не стѣснялось ни мѣстомъ ни временемъ, дѣлало странныя соединенія. Вслѣдствіе такой работы поэтической фантазіи житія святыхъ приобрѣли фольклористическій элементъ и явились въ

нарядной одеждѣ повѣстической легенды. Авторъ обращаетъ серьезное вниманіе на эту сторону житій, выдѣляетъ переживанія дохристіанскихъ вѣдъ и мотивы, имѣющіе лишь чисто внѣшнюю связь съ житійными сюжетами. Выводы автора имѣютъ значеніе для агіологовъ, какъ и самый трудъ, но нѣкоторыя главы прочтутся съ пользою и интересомъ всѣмъ, кто, изучая произведенія народнаго творчества, старался выяснитъ процессъ ихъ созданія, видоизмѣненій и развитія.

Языкъ книги необычайно легкій и ясный, матеріалъ собранъ обильный, бібліографическія указанія разнообразныя и многочисленныя—все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ трудъ автора достойнымъ вниманія.

Е. Е.

М. А. Мошковъ. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава, стр. XVI+239. Ц. 2 р.

Настоящая книга представляетъ лишнее доказательство того, впрочемъ безспорнаго и раньше, положенія, что можно быть одновременно авторомъ хорошихъ работъ описательнаго характера и никуда негоднымъ изслѣдователемъ. Работа г. Мошкова о гагаузахъ безспорно представляетъ интересъ, настоящая же книга, если и интересна, то исключительно въ качествѣ курьеза. Свою теорію авторъ рекомендуетъ «составленной по даннымъ зоологій, геологій, археологій, антропологій, этнографіи, исторіи и статистики», но на самомъ дѣлѣ каждая изъ этихъ семи наукъ въ отдѣльности и всѣ они въ совокупности нисколько не повинны въ томъ употребленіи, какое изъ нихъ сдѣлано въ настоящей книгѣ. Авторъ берется за рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ проблемъ антропологій и этнографіи, и рѣшаетъ ихъ, надо отдать справедливость, очень радикально, но эти рѣшенія неимѣютъ ничего общаго съ наукой. Научный методъ у автора совершенно отсутствуетъ и всѣ его построенія по своей бездоказательности и наивности, представляютъ что-то архаическое, какой-то анахронизмъ въ современной литературѣ.

«Новая теорія», даваемая г. Мошковымъ, довольно проста. Современное человѣчество—гибридный видъ и произошло изъ смѣшенія диллювіальнаго человѣка, высокаго, бѣлокурого долихокефала, обладавшаго геніальными способностями, съ питекантропомъ, низкорослымъ, темно-волосымъ брахикефаломъ, плохо одареннымъ въ умственномъ отношеніи. Такъ какъ всѣ народы произошли отъ диллювіальнаго человѣка, то это, по мнѣнію автора, достаточно объясняетъ черты сходства, наблюдаемыя даже между самыми отдаленными племенами, а такъ какъ примѣсь питекантроповъ были не одинаковы во всѣхъ случаяхъ, то этимъ достаточно объясняются черты различій. На этой канвѣ г. Мошковъ развиваетъ дальнѣйшіе узоры. Диллювіальныя женщины, почему то думаетъ онъ, всѣ вымерли и въ смѣшеніе вступали именно мужчины—люди съ

самками питекантропа; отсюда получилось, что женщины сохранили въ себѣ гораздо больше чертъ питекантропа и потому являются низшими существами въ сравненіи съ мужщиной, болѣе близкими къ дилювіальному человѣку. Доказывается все это чрезвычайно просто: «Съ точки зрѣнія нашей теоріи болѣе умственной силой обладаютъ тѣ изъ людей, въ жилахъ которыхъ течетъ болѣе крови бѣлаго дилювіальнаго человѣка. А слѣдовательно, если женщина въ обществѣ стоитъ ниже мужчины, то это самое доказываетъ ея большую близость къ питекантропу» (стр. 140). Нужно ли добавлять, что женщины надѣлены, конечно, всевозможными пороками, среди которыхъ такіе, какъ: «лживость, жадность и консерватизмъ», отнюдь не самые тяжкіе, и что всѣ эти нежелательныя качества настолько присущи женщинамъ, что возводятся даже въ степень вторичныхъ половыхъ признаковъ (стр. 124).

Покончивъ съ женскимъ вопросомъ, г. Мошковъ, столь же удачно рѣшаетъ и вопросъ социальный. «Между сословіями, говоритъ онъ, существуетъ различіе не только социальное, но и антропологическое, т.-е. различіе въ умственномъ и физическомъ отношеніи, которое никакими законами уничтожить нельзя» (стр. 163). Различіе это сводится къ тому, что у высшихъ сословій сохранилось больше чертъ геніальнаго дилювіальнаго человѣка, у низшихъ—преимущественно черты тупого, питекантропа. Думать иначе, по мнѣнію автора, можетъ только тотъ, «кто ни на волосъ не вѣритъ людямъ» и «предполагаетъ въ челоѣчествѣ невѣроятную массу лжи и подлости, и кромѣ того, дѣлаетъ эту подлость всемірной» (стр. 165). Г. Мошковъ пробуетъ приводить доказательства своихъ положеній, но о цѣнѣ этихъ доказательствъ можно судить хотя бы потому, что болѣе раннее наступленіе зрѣлости у лицъ высшихъ сословій—и то приписывается антропологическому различію (стр. 170). Простой ученый объяснилъ бы этотъ фактъ лучшими условіями жизни и въ частности лучшимъ питаніемъ, ну, а при составленіи теоріи по даннымъ семи наукъ сразу пришлось опять вытаскивать на сцену питекантропа.

Про болѣе частныя положенія нечего и говорить. Тутъ такая путаница, одна нелѣпица такъ цѣпляется за другую, что разобратъся въ нихъ нѣтъ возможности. То же и съ отдѣльными конкретными фактами, впрочемъ, вообще довольно скудными: ни слѣда проверки, ни малѣйшаго критическаго отношенія къ нимъ.

А. Максимовъ.

Перетцъ, В. Н. Новыя данныя для исторіи старинной украинской лирики. («Извѣст. отд. р. я. и слов. И. А. Н., т. XII, кн. 1).

Въ XII томѣ «Извѣстій» Отдѣленія русскаго языка и словесности пріятно было замѣтить проявившееся вниманіе ученаго изданія къ народному музыкальному творчеству. По этому вопросу въ «Извѣстіяхъ» находимъ интересную по темѣ статью В. Н. Перетца, заглавіе которой выписано выше.

Но, всматриваясь внимательнѣе въ его работу, начинаешь удивляться: зачѣмъ понадобилось авторитетному изданію помѣщать у себя работу, которая не имѣетъ никакой положительной цѣны для специалистовъ, а неспециалистовъ можетъ вводить только въ заблужденіе. Какую цѣну, спросимъ мы, имѣютъ напѣвы, приведенные у г. Перетца, гдѣ, вмѣсто цезафутнаго ключа, стоитъ нота *си* (а, можетъ-быть, и другая какая-нибудь, ибо ключа вовсе нѣтъ), а въ концѣ стиховъ, кое-гдѣ и въ срединѣ, вмѣсто одной цѣлой ноты, другъ падъ другомъ стоять двѣ. Даже самъ г. Перетцъ, отмѣчая такіа мѣста вопросительнымъ знакомъ, повидимому, удивляется получившейся несуразности. Кромѣ того, г. Перетцъ половинныя ноты на современную нотацию переводилъ четвертными для двухъ голосовъ унисономъ, тогда какъ въ рукописномъ оригиналѣ (№ 316 Биб. Синод. Учл.) напѣвы изложены одnogлосно. Такимъ образомъ, мелодіи въ своеобразной транскрипціи г. Перетца оказались совершенно неузнаваемы. Для него осталось совершенно непонятно значеніе ввадратныхъ нотъ, а это не такъ ужъ трудно даже и для не особенно свѣдущаго лица.

Результаты работъ г-на Перетца таковы: 1) всѣ болѣе чѣмъ 40 страницъ его работы—напрасная трата труда и времени, 2) какъ для того, чтобы разбѣять туманъ всякихъ несообразностей, напечатанныхъ г-мъ Перетцомъ, такъ и по дѣйствительному научному интересу, заключающемуся въ маленькой книжечкѣ-рукописи, за № 316, хранящейся въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ, необходимо еще разъ обратить на нее вниманіе серьезныхъ музыкантовъ-этнографовъ и извлечь изъ нея многое интересное, на что г. Перетцъ даже и не обратилъ вниманія.

А. Маслово.

Графиня П. С. Уварова (редактировала). Матеріалы по археологіи Кавказа. Выпускъ XI. Москва. 1907 г.

Въ составъ XI выпуска матеріаловъ по археологіи Кавказа вошелъ одинъ памятникъ, именно, греческое евангеліе, на пергаментѣ, прежде извѣстное подъ именемъ гелатскаго, а нынѣ названное коридетскимъ. Оно было найдено въ Сванетіи въ монастырѣ Кирики и Улуты полковникомъ Бартоломеемъ въ 1851 г. Впослѣдствіи оно было перенесено въ Гелатскій монастырь (близъ Бутанса), а оттуда передано въ Тифлисъ въ грузинскій церковный музей при Сіонскомъ соборѣ. Нѣкоторое время оно находилось въ Берлинѣ, гдѣ имъ занимался проф. Зоденъ. По возвращеніи этого замѣчательнаго памятника въ Россію, московское археологическое общество предприняло его изданіе, поручивъ его изученіе члену общества Н. Е. Евсѣеву.

Весь выпускъ, посвященный коридетскому евангелію, названному такъ по монастырю, которому оно долгое время принадлежало, состоитъ изъ трехъ частей. Въ немъ помѣщено предисловіе проф. Зодена на нѣмецкомъ языкѣ, результаты изысканій Н. Е. Евсѣева и таблицы

«ототипный (50 листовъ) съ текстомъ евангелія отъ св. Марка, признаннаго изслѣдователями болѣе другихъ интереснымъ по вариантамъ. Проф. Зоденъ, ссылаясь на свой капитальный трудъ «Текстъ Новаго Завѣта въ древнѣйшемъ достижимомъ для насъ видѣ», доказываетъ: 1) что коридетское евангеліе (050 по обозначенію Зодена) по своему тексту ближайшимъ образомъ родственно съ двумя списками: одинъ изъ нихъ Codex Catabrigensis, другой—текстъ, изданный Hoskier'омъ, причемъ текстъ коридетскаго евангелія составляетъ связующее звено между ними; 2) что всѣ три рукописи—представители своеобразнаго типа, которымъ всего вѣрнѣе передается текстъ, установленный въ Бессаріи Панфиломъ и Евсевіемъ около 300 г., и 3) что этотъ кессарійскій текстъ, въ свою очередь, всего ближе къ первоначальному тексту евангельскому.

Первый отдѣлъ статьи проф. Зодена посвященъ очисткѣ коридетскаго текста, второй—доказательству его родственной связи съ выше-означенными списками. По мнѣнію г. Евсѣева, коридетское евангеліе написано въ VIII—IX в., судя по палеографическимъ признакамъ рукописи. Двѣ греческія вкладныя записи, датированныя временами импер. Никифора Фоки (970—976) и имп. Андроника (1185—1194), равно грузинскія приписки, по опредѣленію акад. Броссе, XIV—XV вв., устанавливаютъ принадлежность этого евангелія коридетскому монастырю во имя пр. Богородицы. Топографія этого монастыря въ точности не установлена, и всего вѣроятнѣе, что онъ находится въ Сванетіи или въ Ахалцхскомъ уѣздѣ Тифлисскаго губ. Коридетъ—наименованіе грузинскаго происхожденія, хотя нельзя согласиться съ г. Евсѣевымъ въ пользованіи его, именно съ комментариемъ «по-грузински ети-страна». «Ети»—суффиксъ для образованія названія мѣстности, но самъ по себѣ онъ не означаетъ страну. Жаль, что грузинскія приписки не приведены и не переведены.

А. Хахановъ.

Бейлинъ, С. Х. Странствующие, или всемірныя повѣсти и сказанія въ древне-раввинской письменности. Иркутскъ. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вопросъ о странствующихъ повѣстяхъ не разъ уже затрагивался и разрабатывался изслѣдователями фольклора; до извѣстной степени онъ представляется рѣшеннымъ, а теоріи, созданныя на тщательныхъ изученіяхъ матеріала (хотя не безспорныя), являются достаточно обоснованными, тѣмъ не менѣе каждое изслѣдованіе, относящееся къ данному вопросу всегда вызываетъ къ себѣ вниманіе и интересъ. Съ этой точки зрѣнія, появившаяся книга С. Х. Бейлина не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Авторъ задался намѣреніемъ выяснить роль древне-раввинской письменности въ фольклорѣ, въ силу этого онъ, выбравъ нѣсколько сюжетовъ, наиболѣе часто обрабатывавшихся въ письменности и чаще другихъ повторяющихся въ устной передачѣ, подобралъ къ нимъ со-

отвѣтствующіе рассказы въ Талмудѣ, Мидрашѣ и Таргумѣ и сдѣлалъ такой выводъ, что «древне-раввинская письменность, какъ литература народа культурнаго съ богатымъ и долгимъ прошлымъ, жившаго и живущаго разбросаннымъ чуть ли не по всему лицу земли и находящагося съ давнихъ временъ въ широкомъ общеніи съ разными племенами и народами, охотно заимствовала у другихъ народовъ и въ то же время щедро давала имъ возвышенные, назидательные и сказочные сюжеты и мотивы»... Такими мотивами и темами авторъ считаетъ многіе и, между прочимъ, сюжетъ о вѣрной и любящей женѣ (легенда о Петрѣ и Февроніи), о наказаніи гордаго царя (Сказаніе о гордомъ Аггеѣ), сюжетъ о смѣлявомъ мужикѣ (пародіи. сказна о дѣлениіи гуся), о мудрыхъ рѣшеніяхъ и судахъ; отголоски «книги Товита» онъ видитъ въ рус. народной сказкѣ о Силѣ-Царевичѣ и Ивашкѣ-Бѣлой рубашкѣ и въ ея иностранныхъ параллеляхъ. Не перечисляя множества разобранныхъ авторомъ странствующихъ сюжетовъ, отиѣтимъ лишь выводъ автора, касающійся специально русской письменности и русской народной словесности. Онъ считаетъ, что древне-раввинная письменность передала свои сюжеты и мотивы русскому народу черезъ хозарь, кievскихъ и южно-русскихъ евреевъ; изъ нея заимствовалъ русскій эпосъ типъ невѣрной, коварной жены и цѣломудреннаго юноши, оттуда зашелъ мотивъ Шемякина суда и многія другія темы; извѣстная дѣтская пѣсенка «Воза и орѣхи» имѣетъ своимъ прототиномъ легенду Мидраша.—Для подтвержденія своей мысли о вліяніи древне-раввинской письменности на странствующіе сюжеты повѣстей, легендъ и сказокъ автору понадобилось не мало соответствующихъ другъ другу произведеній народнаго творчества, вслѣдствіе чего книга С. Х. Бейлина явилась довольно обширнымъ сборникомъ параллелей, взятыхъ изъ литературъ разныхъ народовъ.

Е. Е.

Записки Восточнаго Отдѣленія Имп. Рус. Археологич. О-ва т. XVII, в.в. II—III. СПб. 1906.

Выпуски II—III Записокъ заключаютъ въ себѣ двѣ статьи *К. Иностранцева*: «Торжественный выѣздъ фатимидскихъ халифовъ» и «Отрывокъ военнаго трактата изъ сасанидской «Книги установленій» и двѣ статьи *Б. Тураева*: «Эіопскія рукописи въ СПб.—ѣ», «Повѣствованіе о Добра-Либносскомъ монастырѣ».

Интересъ въ Абиссиніи, оживившійся въ концѣ 19 в. среди русскаго общества, былъ причиною болѣе тщательнаго изученія эіопскихъ рукописей, накопившихся въ различныхъ книгохранилищахъ Петербурга. Памятники эіопской письменности не лишены интереса и изученіе ихъ можетъ, безъ сомнѣнія, способствовать рѣшенію различныхъ вопросовъ, возбуждающихся при занятіи старинными литературными памятниками.

Въ своей статьѣ Б. Тураевъ описываетъ эіопскія рукописи, по почерку относящіяся къ XV—XIX вв.; онѣ содержатъ въ себѣ главнымъ

образом списки книгъ библейскихъ, евангелій, богослужебныхъ; на ряду съ текстомъ Св. Писанія и церковныхъ пѣснопѣй встрѣчаются заклинанія (противъ укушенія змѣи), магическія молитвы (о связываніи бѣсовъ, противъ болѣзни глазъ, отъ врага), магическія формулы, чертежи, рецепты и т. д. Эти приписки даютъ матеріалъ для исторіи суевѣрій и открываютъ новые пути слѣдованія заговоровъ и заклинаній въ ихъ переходѣ изъ одной страны въ другую... Въ описываемыхъ рукописяхъ есть и апокрифическій матеріалъ, и сборникъ чудесъ Богородицы въ числѣ излагаемыхъ случаевъ Ея представительства сохранилъ и такіе, которые представляютъ собою своеобразный пересказъ странствующихъ сюжетовъ. Въ виду интереса, заключающагося въ воіюпскихъ рукописяхъ, нельзя не пожелать ихъ изданія цѣликомъ на русскомъ языкѣ (въ частяхъ своихъ онѣ издаются въ трудахъ Б. Тураева).

Во второй своей статьѣ Б. Тураевъ даетъ въ переводѣ нѣкоторыя мѣста изъ одной воіюпской рукописи, касающейся Добра-Либинаоскаго монастыря. Неизвѣстный авторъ, очевидно, задался цѣлью выставить значеніе этого монастыря, «который есть садъ подвиговъ и мѣсто изрядства», поэтому онъ излагаетъ его уставъ, чинъ службы (здѣсь интересно указаніе книгъ, предлагаемыхъ для чтенія въ церкви), исторію сооруженія монастыря, перечень настоятелей, извѣстныхъ своею жизнію, и наконецъ сообщаетъ о подвижникахъ обители; заканчивается рукопись монастырскимъ лѣтописцемъ.

Съ интересомъ прочтется агіологами изслѣдованіе Н. Марра о дѣяніи трехъ св. близнецовъ-мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа въ древне-грузинскомъ переводѣ.

Е. Е.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея. Выпускъ XV. Тобольскъ. 1906 г.

Не разъ уже на страницахъ нашего журнала указывалось на полезную дѣятельность Тобольскаго губернскаго музея и давались отчеты объ издаваемыхъ имъ «Ежегодникахъ». Значеніе провинціальныхъ учреждений, подобныхъ Тобольскому музею (оно заключаетъ въ себѣ собственно музей и ученое общество при немъ), въ высшей степени велико. Хотя цивилизація и мало еще проникла въ народъ, но она начинаетъ даже и въ очень удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ уголкахъ оказывать непріятное для этнографа вліяніе, стирая черты стариннаго быта и содѣйствуя исчезновенію народной поэзіи. Сберечь отъ гибели старину гораздо легче, разумѣется, мѣстному обитателю, чѣмъ заѣзжему изъ столицы этнографу. Къ сожалѣнію, музею приходится встрѣчать невниманіе общества къ его дѣятельности и высокимъ научно-просвѣтительнымъ задачамъ: дѣятельность эта длится уже на протяженіи 15 лѣтъ, и тѣмъ не менѣе мѣстные люди и до сихъ поръ знаютъ музей, по большей части, по наслышкѣ и о дѣятельности его имѣютъ довольно смутныя представленія... Среди мѣстнаго населенія «Ежегодникъ» имѣетъ

малое распространіе» жалуется секретарь музея въ отчетѣ за 1903 г. (вып. XV, стр. 6). Въ настоящее время число членовъ музея увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, по сравненію съ 1903 г., и хотѣлось бы имѣть увѣренность, что выписанныя сейчасъ строки уже не соответствуютъ теперешнему положенію дѣла.

Обратимся къ послѣднему выпуску «Ежегодника». Въ немъ, помимо интересныхъ свѣдѣній о дѣятельности Музея за 1903—1904 гг. и частью за 1905 г. по протоколамъ и отчетамъ должностныхъ лицъ, помѣщено нѣсколько статей, изъ которыхъ для этнографа интересъ представляютъ только двѣ. Подъ редакціей консерватора музея В. А. Ивановскаго изданы пословицы и поговорки, записанныя г. Ивановскимъ и другими лицами въ Tobольской губ.; ихъ всего 1051, расположены онѣ по алфавиту, при чемъ отмѣченъ приблизительно районъ ихъ распространенія. Не сличая сборника г. Ивановскаго съ другими собраніями, укажу только на примѣчанія, въ которыхъ приводятся народныя объясненія пословицъ и случаи ихъ практическаго примѣненія. Это добавленіе интересно для характеристики того, какъ теперь народъ понимаетъ пословицы, а также для объясненія происхожденія пословицъ вообще; иногда приводимый въ примѣчаніи разсказъ «служить иллюстраціей къ пословицѣ» (стр. 19). Просмотримъ нѣсколько пословицъ. «И такъ лѣни много, а тутъ еще тянутъ» — говорится о людяхъ, которые любятъ «потягиваться»; если они это дѣлаютъ, стоя передъ человѣкомъ или глядя на него, это считается вреднымъ для того человѣка, почему и говорятъ въ такомъ случаѣ: «тянись на локоть, да на собачій ноготь», т.-е. на предметы нечувствительные. «На большой дорогѣ трава не растетъ» — говорится о бездѣтельности женщинъ при извѣстныхъ условіяхъ. «Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять, чтобы «щи были горячи, а каша масляна» — говорится о нераспорядительной, лѣнливой женѣ. Тутъ же приводится «побывальщина» о женѣ-лѣнтяйкѣ, благодаря которой мужъ весь обносился, оборвался. «Говорить мужъ женѣ съ укоромъ:—ну, умру я, во что ты меня одѣнешь?» — «Не безпокойся: наряжу, наряжу...» Мужъ однажды притворился мертвымъ: что-де жена будетъ дѣлать, какъ его нарядить. Взяла жена клубокъ пряжи и ну обматывать мужа. Обмотала, обмотала, сѣла выть и причитать:—куда ты, сердешный, собрался?—Мужъ не вытерпѣлъ и отвѣчаетъ: «по рыбу, по рыбу...» Всталъ и давай жену бить. «Помогали курвы денежки прожить, не помогутъ курвы лямочку тащить». Пословица говорить о караванныхъ рабочихъ, прогуливающихъ заработанныя деньги. Хотя запись далеко не фонетическая, но и диалектологъ можетъ кое-что извлечь для себя изъ нея, особенно по части словарнаго матеріала. Для примѣра укажемъ: вору—по дѣлу, б...—по путь (= пути); каковъ корень, таковы и отростели; на печь цѣны не уставили; охоча *варакунша* до орѣховъ, да зубовъ нѣтъ; сидятъ на стулѣ, какъ чортъ въ каструлѣ; было бы съ кѣмъ рѣчь вести и рѣка брести и т. п. Другая статья представляетъ начало перевода сочиненія: „Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Von U. T. Sirelius. Helsingfors. 1903“, представляющаго результатъ путешествія автора по Сибири.

Въ разбираемомъ выпускѣ «Ежегодника» напечатаны главы, касающіяся обработки шкуръ, прикладнаго искусства, принадлежностей для шитья и ткацкаго дѣла. Переводъ снабженъ массой рисунковъ и фотографій, помогающихъ полученію отчетливаго представленія о домашнихъ ремеслахъ остяковъ и вогуловъ. Желая приспособить сочиненіе д-ра Сиреліуса для руководства при пользованіи коллекціями музеевъ, редакціонная коммиссія снабдила переводъ примѣчаніями, содержащими указанія на имѣющіеся въ коллекціяхъ музея предметы, упомянутые Сиреліусомъ, а отчасти и не упомянутые имъ.

Пожелаемъ въ заключеніе дальнѣйшаго процвѣтанія какъ самому музею, такъ и его печатному органу.

Н. В. В.

Большаковъ. Община у зырянъ. «Живая старина» I, 2, 3, и 4-я кн. за 1906 г.

Авторъ взялся разрѣшить сложную и трудную задачу. Онъ не только изучаетъ исторію земельныхъ отношеній зырянъ, но—всѣ условія, повліявшія на эти отношенія. Главныя его положенія сводятся къ слѣдующему.

Правовыя воззрѣнія зырянъ выработались, по мнѣнію автора, подъ вліяніемъ естественно-историческихъ особенностей края, быта, занятій зырянъ.

Почему онъ и исторію земельныхъ отношеній зырянъ разсматриваетъ въ тѣсной связи съ исторіей ихъ быта, занятій, въ частности съ развитіемъ земледѣлія.

Эволюція земледѣлія исключительно обязана естественно-историческимъ особенностямъ края. Основныя правовыя воззрѣнія зырянъ на землю выработались еще въ тѣ отдаленныя времена, когда они были бродячими охотниками и рыбаками. Охотники того времени бродили по всей обширной племенной территоріи, всюду признавая свое право на охоту и никто исключительнаго права на ея отдѣльную часть. Такимъ образомъ земля считалась ничьей. Это правовое воззрѣніе, по мнѣнію автора, вытекало изъ фактическаго положенія вещей. Охотились зыряне всюду, гдѣ хотѣлось.

Зачатки земледѣлія не разрушаютъ этого основного взгляда зырянъ на землю. Но уже самое примитивное земледѣліе, какъ огнево-подсѣчная система, рѣзко мѣняетъ бытъ бродячихъ охотниковъ. Охотники становятся осѣдлыми. Осѣдность сыграла громадную роль. Она произвела разгруппировку племени: извѣстныя лица, связанныя родственными узами, стали селиться по рѣкамъ, часто получая названія отъ имени рѣки: напр., вишерцы и т. п. Осѣдность повліяла на раздробленіе племенной территоріи и сказалась на племенной организаціи: она ослабѣвала, а вмѣстѣ съ этимъ росла связь между отдѣльными группами. Осѣдность видоизмѣнила организацію самой охоты. Бродячій охотникъ пользовался лукомъ и стрѣлой; осѣдлый охотникъ прокладываетъ тропинки, такъ называемые «путики», гдѣ онъ разставляетъ ловушки,

силы; онъ неподалеку отъ тропинокъ строить лѣсную избушку «вѣркерка». Охота осѣдлага зыряннина сосредоточивается на извѣстномъ опредѣленномъ участкѣ.

Вся эта рѣзкая перемена быта не нарушаетъ основного правового воззрѣнія зырянъ на землю. Зырянинъ сознаетъ все свое право охотиться, гдѣ онъ хочетъ, вырубить лѣсъ, гдѣ ему вздумается, но уже практически использовать свое право онъ не можетъ.

Подсѣчно-огневая система быстро уступила свое мѣсто залежной системѣ, мѣстами она прямо перешла въ трехпольную систему. Залежная система больше сузила территорію зыряннина-землевладѣльца. Она требуетъ за собой больше ухода и потому неудобно было имѣть участки за 40—60 верстъ, какъ при огнево-подсѣчной системѣ. Залежные участки образовывались вокругъ дома на разстояніи не болѣе десяти верстъ. Это вызвало стремленіе отдѣльных селеній сконцентрировать участки вокругъ своего селенія. Затѣмъ залежная система быстро перешла въ трехпольную. При трехпольной системѣ имѣть участки земель на разстояніи болѣе 4—5 верстъ не приходится, иначе эксплуатація участковъ дѣлается невозможной. Какъ авторъ замѣчаетъ: «трехпольное хозяйство завершило тотъ процессъ раздробленія племенной территоріи, начало котораго мы констатировали, говоря о переходѣ зырянъ отъ бродячаго охотничьяго быта къ осѣдлому». Трехпольная система окончательно сузила территорію землевладѣльца-зыряннина, но не поколебала его основного правового воззрѣнія на землю. И теперь зырянинъ сознаетъ свое право прикладывать свой трудъ въ любомъ мѣстѣ.

Земля существуетъ, чтобы на ней трудиться. Онъ расчищаетъ участокъ, гдѣ ему вздумается. Извѣстное приложеніе труда на расчистку участка дѣлаетъ для другихъ этотъ участокъ неприкосновеннымъ, или, какъ авторъ выражается, накладываетъ своеобразное «табу». Затрата труда по расчисткѣ участка даетъ зыряннину право пользоваться имъ. Право пользованія онъ можетъ передать другому лицу, продать, отдать за дочь, какъ приданое: по онъ продаетъ не землю, а только затраченный имъ трудъ на расчистку участка. Онъ пользуется участкомъ, пока на немъ трудится. Стоитъ ему оставить участокъ, запустить его, показать, что онъ больше не хочетъ работать на немъ, какъ всякій другой можетъ занять его, расчистить, удобрить и пользоваться имъ. Расчистившій участокъ приобретаетъ право неограниченно пользоваться имъ, или, какъ авторъ выражается, «владѣть». Здѣсь надо оговориться, что авторъ не различаетъ терминовъ «землепользованіе» и «землевладѣніе».

На протяженіи всей исторіи зырянскаго землепользованія («землевладѣнія») авторъ различаетъ двѣ эпохи: 1) индивидуальное, или неограниченно-трудовое владѣніе, и 2) общинное, или ограниченно-трудовое владѣніе. Въ эпоху индивидуальнаго «владѣнія» расчистившій участокъ пользовался имъ неограниченно. Въ эпоху общиннаго землепользованія («владѣнія») лицо расширившее участокъ, пользуется имъ въ теченіе извѣстнаго срока: 30—60 лѣтъ.

Первая эпоха землепользования («владѣнія») уже перешла во вторую, или мѣстами она только еще переходить.

Причинами этого перехода, извѣстными образомъ, служатъ: уменьшеніе охотничьихъ промысловъ и увеличеніе значенія земледѣлія въ экономической жизни зырянъ, — вслѣдствіе чего населеніе стало больше заинтересоваться землей; затѣмъ приростъ населенія и отсюда уменьшеніе земельного пространства, и, наконецъ, законодѣтельность правительства ускорила процессъ естественнаго развитія общиннаго землепользованія зырянъ.

Свое положеніе объ упадкѣ охотничьей промысловой жизни авторъ подтверждаетъ нѣкоторыми статистическими данными изъ статьи г. Рума: «Промысловая жизнь Верхне-Вычегодскихъ волостей», ¹⁾ и приводитъ слѣдующія слова г. Рума, которые являются выводомъ изъ его статистическаго изслѣдованія: «... въ большинствѣ обществъ охота давно уже утратила роль преобладающаго промысла. Ей, какъ и рыболовству, не принадлежитъ уже доминирующая роль ни въ денежномъ ни въ натуральномъ доходѣ населенія». Г. Большаковъ продолжаетъ: «мѣсто охоты занимаетъ земледѣліе», т.-е. первенствующая роль принадлежитъ земледѣлію.

Земли оказалось мало. Удобныхъ мѣстъ для расчистокъ почти совсѣмъ не имѣется. И имѣющаяся земля какъ пахотная такъ, и сѣнокосная, далеко не равномерно распредѣлена между отдѣльными семействами и лицами: одни пользуются большими и лучшими по качеству участками, въ то время какъ другіе — маленькими захудалыми участками, *стоящими близъ болотъ*, далеко отъ селеній.

Малоземельные не могутъ расширить своего землепользованія: негдѣ производить расчистки; оставшіяся мѣста плохи, расчистить ихъ и начать обработку не такъ уже выгодно. И вотъ они начинаютъ смотрѣть иначе на многоземельныхъ крестьянъ, и въ результатъ этого добиваются раздѣла. Требованіе раздѣла малоземельными не означаетъ еще, что они хотятъ посягнуть на чужую собственность. Отдѣльныя лица, семейства «владѣли» участками только потому, что они приложили труды по ихъ расчисткѣ. Затрата труда по расчисткѣ участка давала право на его обработку. Обработка участка очень выгодна. Она не только окупаетъ трудъ земледѣльца, но въ теченіе 5—6 лѣтъ покрываются ею всякія издержки и по расчисткѣ.

Многоземельные затрату труда по расчисткѣ вернули давно.

Земля была ничья и когда затрата труда окупилась по расчисткѣ; она должна поступить въ общее пользованіе всѣхъ.

Многоземельные не могли стать на точку зрѣнія малоземельныхъ. Завязалась между ними борьба. Многоземельные вынуждены были уступить. Возможно, что эта уступка первоначально выразилась частичными отводами.

¹⁾ Эта статья напечатана въ сборникѣ: «Итоги экономического изслѣдованія крестьянскаго населенія Усть-Сысольскаго уѣзда».

Борьба между ними и до сих поръ продолжается. Малоземельные добились количественнаго уравниня, но имъ предстоитъ упорная борьба за качественное уравнине.

Въ большинствѣ случаевъ простыя общины сливаются въ составныя. Причиной такого явленія могло служить то, что въ отдѣльныхъ малоземельныхъ общинахъ приходилось на ѣдока земли меньше, чѣмъ въ другихъ.

Часто единицами при разверсткѣ между отдѣльными селеніями составной общины являются не ѣдоки, а число ревизскихъ душъ. Такая система создаетъ полное уравнине только внутри отдѣльныхъ селеній. Составная община бываетъ полная и неполная. Неполная составная община можетъ быть пахотной или сѣнокосной; чаще всего неполная составная община бываетъ сѣнокосной. Неполныя составныя общины переходятъ очень часто въ полныя.

Неполныя сѣнокосныя общины вызваны особыми условіями: сѣнокосныя угодья можно имѣть на разстояніи десятковъ верстъ, тогда какъ, пахотныя, уже неудобно имѣть на 5-верстномъ разстояніи. Сѣнокосы отдѣльныхъ селеній часто бываютъ переплетены между собой, т.-е. сѣнокосы отдѣльнаго селенія подходятъ къ сосѣднимъ и обратно. Весьма характерно то, что зыряне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ производятъ уравнине не со строгой арифметической точностью.

Малосемейные ѣдоки получаютъ пай больше, чѣмъ ѣдоки изъ большой семьи. Это явленіе вызвано сознаниемъ зырянъ, что малосемейные на небольшихъ клочкахъ не могли бы вести никакого хозяйства.

Продолжая дальше систематизировать земельныя отношенія зырянъ, г. Большаковъ указываетъ, что естественно-историческія особенности сѣвера создали много характерныхъ явленій, и прежде всего—поклоненіе труду.

Жизнь на сѣверѣ была бы невозможна, если бы не существовало увѣренности, что никто другой не воспользуется его трудомъ. Затратой труда по расчисткѣ участка зырянинъ пріобрѣтаетъ право неограниченно пользоваться участкомъ. Только крайняя нужда заставила зырянина нарушить этотъ принципъ и то не вполнѣ.

Издержки по расчисткѣ окунаются черезъ 5—6 лѣтъ, а онъ пользуется участкомъ въ теченіе 30—60 лѣтъ, послѣ чего участокъ поступаетъ въ общій переделъ. Это чрезмѣрное поклоненіе труду живетъ среди зырянъ уже какъ вредный пережитокъ, выгодный исключительно многоземельнымъ. Чрезмѣрное поклоненіе труду удерживаетъ малоземельныхъ отъ упорной борьбы за качественное уравнине.

При передѣлахъ участки числятся за «владѣльцемъ», т.-е. пользователемъ: ему прибавляютъ или часть у него отнимаютъ, судя по количеству земли.

Многоземельный всегда выдѣляетъ захудалые участки, отдаленные отъ населенія.

Поклоненіе принципу труда сильно развито и въ самомъ стрѣѣ зырянской семьи. Власть большака очень ограничена: каждый трудящійся членъ семьи имѣетъ съ нимъ одинаковыя права, равноправны и жен-

щины; каждый участвует въ общей работѣ. Продукты этой работы идутъ на нужды всей семьи.

Отдѣльный членъ семьи свободное время отъ общей работы можетъ посвящать личнымъ занятіямъ, результаты или плоды которыхъ составляютъ уже его собственность.

Вообще во всѣхъ явленіяхъ зырянской жизни трудовой принципъ проходить красной нитью. Зырянинъ и на судѣ не руководствуется положеніями какихъ-то законовъ, чуждыхъ ему, а исключительно трудовымъ принципомъ.

Далѣе, г. Большаковъ указываетъ, что естественно-историческія особенности края не могли создать у зырянъ захватнаго права. Природныхъ сѣнокосовъ не было, или ихъ площадь была такъ ничтожна, что они не могли имѣть никакого значенія для хозяйства.

Нельзя было производить эксплуатацію участка безъ предварительной затраты труда по его расчисткѣ. Только «трудъ по расчисткѣ» даетъ исключительное право на приложеніе труда по обработкѣ». Даже незначительныя затраты труда хотя бы въ подготовительной формѣ уже указываютъ на то, что будетъ производиться разработка всего участка. «Часто» затрата труда въ этомъ отношеніи сводится къ простому наложенію мѣтокъ...»

Все это ускользнуло отъ вниманія г. Рума, который признаетъ у зырянъ захватное право даже при «утѣсненіи» въ землѣ.

Г. Большаковъ не совсѣмъ довѣряетъ въ вопросѣ о захватномъ правѣ и г. Кауфману, изслѣдователю общины въ Сибири. Г. Кауфманъ признаетъ «захватъ самъ по себѣ», который однако исчезаетъ при наступленіи «утѣсненія» въ землѣ. Г. Кауфманъ, какъ думаетъ авторъ, повидимому, не достаточно уяснилъ себѣ значеніе трудового принципа въ крестьянской средѣ и сдѣлалъ ошибочный выводъ.

Далѣе, по изслѣдованію г. Большакова, тѣ же своеобразныя условія сѣвера дѣлаютъ занятіе земледѣіемъ невозможнымъ при кочевомъ образѣ жизни. Зыряне съ зачатками земледѣлія становятся осѣдлымъ народомъ. Эволюція земледѣлія исключительно обязана естественно-историческимъ особенностямъ края.

Огнево-подсѣчная система представляетъ много неудобствъ: посѣвы часто замерзаютъ, выборъ участка требуетъ много времени и т. д.

Главное неудобство этой системы состоитъ въ томъ, что использованный участокъ можетъ быть употребленъ для этой цѣли не раньше 40 — 60 лѣтъ.

Другая система, залежная, не могла долго держаться: она быстро истощаетъ почву, которая на сѣверѣ далеко неплодородна.

И вотъ населеніе поневолѣ должно было перейти къ трехпольной системѣ.

Почва сѣвера и при трехпольной системѣ требуетъ хорошаго удобренія; на каждую десятину приходится вывезти до четырехъ тысячъ аудовъ навоза. Такія условія лишаютъ возможности обрабатывать пахотныя участки, стоящіе на разстояніи болѣе четырехъ верстъ отъ селенія.

Но обширная сѣверная площадь очень бѣдна удобными мѣстами для сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодій; на ней производить новыя расчистки возрастающему населенію негдѣ. Оно испытываетъ уже извѣстное «утѣшеніе» въ землѣ. Острая нужда, какую испытываетъ часть населенія отъ малоземелья, можетъ быть удовлетворена только тогда, когда имѣющаяся земля будетъ распределена равномерно—раздѣломъ. Самый раздѣлъ не противорѣчитъ основному правовому воззрѣнію зырянъ на землю, какъ это уже нѣсколько разъ отмѣчалось. Отсюда у зырянъ развилось общинное землепользованіе, развилось естественнымъ путемъ.

Правительственныя же вмѣшательства, и то только съ XIX в., ускоряли только этотъ процессъ естественнаго развитія земельныхъ отношеній зырянъ.

Генеральное межеваніе не сыграло, какъ думалъ г. Большаковъ, никакой роли въ развитіи общиннаго землепользованія зырянъ, и г-жа Ефименко преувеличила вліяніе акта генеральнаго межеванія на земельныя отношенія крестьянъ. Этотъ вопросъ является самымъ слабымъ мѣстомъ въ ея трудѣ.

Земельныя отношенія зырянъ, какъ думаетъ авторъ, развивались «въ тѣсной зависимости отъ смѣнявшихся одна другую хозяйственныхъ формъ».

Это приложимо и для другихъ инородцевъ особенно для сибирскихъ. Повидимому, авторъ считаетъ это приложимымъ и для нѣкоторой части русскаго населенія, такъ какъ онъ распространяетъ свое положеніе на все населеніе отъ «береговъ Тихаго океана до Онежскаго озера».

Развитіе земельныхъ отношеній зависѣло отъ единственнаго экономическаго фактора—хозяйственныхъ реформъ. Психологическіе же факторы, какъ расовые, такъ и національные, не сыграли въ этомъ отношеніи никакого значенія.

Дальнѣйшая эволюція хозяйства безусловно отразится на земельныхъ отношеніяхъ зырянъ. Составная зырянская община разложится, какъ она разложилась въ Московской губерніи. Зырянская община и общины Московской губерніи стоятъ только на различныхъ стадіяхъ своего развитія. Экономическая необходимость заставить зырянъ перейти къ высшимъ формамъ земледѣлія, въ частности—къ травосѣянію. Необходимость травосѣянія уже теперь ясно сознается зырянами. Новыя формы хозяйства не могутъ мириться съ отдаленностью сѣнокосныхъ угодій, чрезвычайностью и со всѣми другими неудобствами, существующими при современныхъ земельныхъ отношеніяхъ зырянъ.

Таковы главные положенія работы г. Большакова.

Авторъ создалъ весьма стройную систему развитія хозяйственныхъ формъ у зырянъ; изучилъ причины, вызвавшія это развитіе и указалъ вліяніе хозяйственныхъ формъ на земельныя отношенія зырянъ и на другія ихъ правовыя воззрѣнія. Разрѣшеніе такого сложнаго и труднаго вопроса имѣетъ крупное научное значеніе. Но наука не можетъ увлекаться стройными и красивыми построеніями. Она цѣнитъ выводы, обоснованные на достаточномъ матеріалѣ, на строго проверенныхъ фактахъ. Все это у автора значительно отсутствуетъ. Правда, онъ обнару-

жили некоторую наблюдательность и умѣние разобраться въ некоторыхъ явленіяхъ сельской жизни. Больше или меньше удачно разобранными могутъ считаться вопросы о захватномъ правѣ зырянъ, о соотношеніяхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій, о значеніи трудового принципа въ зырянской семьѣ. Зато большинство положеній автора окончательно ни на чемъ не обосновано.

По многимъ вопросамъ авторъ подбираетъ отдѣльные факты, совершенно игнорируя противорѣчащіе имъ матеріалы.

Основное правовое воззрѣніе зырянъ, какъ утверждаетъ авторъ, выработалось подъ вліяніемъ ихъ бродячаго охотничьяго быта. Г. Большаковъ ничуть не смущается тѣмъ, что это положеніе требуетъ научныхъ обоснованій. Онъ фактическимъ матеріаломъ противопоставляетъ свои голословныя заявленія—зыряне заселили сѣверъ въ доисторическія времена. Они были бродячими охотниками и рыбаками. И безъ всякаго стѣсненія авторъ описываетъ бытъ бродячихъ охотниковъ, орудія ихъ охоты: лукъ и стрѣлу, точно самъ все это наблюдалъ. Однако, это описаніе не только не научно и ни на чемъ не обосновано, но и какъ фантастическое произведеніе неудовлетворительно. Въ описаніи г. Большакова окончательно отсутствуютъ женщины и дѣти. Интересно было бы узнать у автора: женщины и дѣти раздѣляли бродячій образъ жизни взрослыхъ мужчинъ или нѣтъ. Какъ жили на сѣверѣ, когда у нихъ не было жилищъ, какъ совершали передвиженіе по сугробамъ и непроходимымъ болотамъ, что сопряжено съ бытомъ бродячихъ охотниковъ. Рисуя доисторическую жизнь зырянъ, авторъ только въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ ссылку на фактическій матеріалъ: Въ глубокой древности зыряне обитали по берегамъ р. Камы, «на что указываетъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что зыряне и до сихъ поръ Пермскую землю зовутъ ком-му (сокращенное изъ коми-му), т.-е. земля зырянъ».

Г. Большаковъ совершенно не изучалъ исторіи зырянъ. Онъ не искалъ связи между зырянами и другими народами финскаго племени. Его не интересовалъ вопросъ объ ирано-финскихъ отношеніяхъ, его не занимала исторія матеріальной культуры финскихъ народовъ; онъ не обратилъ никакого вниманія на археологическія данныя. Все это имѣетъ, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ разбираемому имъ вопросу. Некоторое знакомство съ литературой по всемъ этимъ вопросамъ могло бы удержать автора на пути научнаго изслѣдованія отъ ненужныхъ обобщеній. Ему, пожалуй, пришлось бы подумать: зыряне не явились ли къ берегамъ р. Вычегды и Сысолы съ зачатками земледѣлія и осѣдой культуры. Но онъ пренебрегъ литературой по всемъ этимъ вопросамъ, возможно и не зналъ ея. Меня смущаетъ и то, что авторъ не приводитъ нигдѣ некоторыхъ данныхъ проф. Смирнова, на котораго онъ такъ любитъ ссылаться. На сѣверѣ, по изслѣдованію проф. Смирнова, обитало племя, дававшее названіямъ рѣкъ окончаніе «нга». Рѣки съ окончаніями на «нга» есть въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ. Эти данныя проф. Смирнова значительно осложнили бы простое, но стройное ученіе г. Большакова о развитіи земельныхъ отношеній зырянъ. Автору пришлось бы

рѣшать вопросъ: зыряне, пришельцы съ береговъ Камы, не столкнулись ли съ этимъ племенемъ, дававшимъ рѣкамъ окончаніе «нга»; пришлось бы доказывать, что эта встрѣча не поколебала основного взгляда зырянъ на землю: земля ни чья.

Сѣверъ былъ свидѣтелемъ болѣе сложной исторіи, чѣмъ ее представляеть г. Большаковъ. Разобраться во всѣхъ явленіяхъ того отдаленнаго прошлаго не такъ уже легко. Не даромъ авторъ предпочелъ научному анализу, собиранію новыхъ фактовъ голословныя утвержденія и свои предположенія. — Зыряне были бродячими охотниками, рыболовами, потомъ, возможно, явились занятія, которыя требовали продолжительнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ. Это (продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ) послужило переходомъ къ земледѣію. Земледѣіе вызвало осѣдность. Какъ все это просто и ясно! Остальные положенія автора, на мой взглядъ, тоже не могутъ быть приняты на вѣру; они остаются не доказанными, всѣ доводы, какіе авторъ приводитъ въ ихъ пользу, мало убѣдительны.

Положенія автора, что общинное землепользованіе у зырянъ развилось естественнымъ путемъ; что оно явилось слѣдствіемъ извѣстнаго «утѣсненія» въ землѣ и неравномѣрнаго распредѣленія имѣющейся земли между отдѣльными семьями и лицами; что Генеральное межеваніе не сыграло никакой роли въ земельныхъ отношеніяхъ зырянъ; что населеніе не считалось съ нимъ; что правительство не могло проводить его въ жизнь, тѣмъ болѣе что образовывались новые поселки послѣ акта Генеральнаго межеванія, а населеніе продолжало производить расчистки въ казенныхъ дачахъ. Отдѣльныя селенія составляли составную общину — всѣ эти положенія, на мой взглядъ, требуютъ проверки. По-моему, правительственныя виѣшательства и въ частности акты Генеральнаго межеванія безусловно оказали болѣе вліянія на земельныя отношенія зырянъ, чѣмъ думаетъ авторъ.

Г. Большаковъ отдѣльные факты недостаточно полно освѣщаетъ и даетъ имъ часто иную окраску. Напр., онъ не сопоставляетъ числа образовавшихся свободныхъ поселковъ до Генеральнаго межеванія и послѣ этого акта; не объясняетъ уменьшенія числа свободныхъ переселеній послѣ акта Генеральнаго межеванія; и, на мой взглядъ, это явленіе не можетъ быть объяснено иначе, какъ только правительственнымъ виѣшательствомъ. Удобныя сѣнокосныя площади въ казенныхъ дачахъ до сихъ поръ не расчищены. Населеніе при крайнемъ «утѣсненіи» въ землѣ не приступаетъ къ расчисткѣ изъ боязни правительственной кары. Правительство расчистки въ казенныхъ дачахъ, повидимому, преслѣдуетъ издавна. Уже въ сороковыхъ годахъ населеніе платитъ правительству оброчныя статьи, достигавшія такой суммы, которая можетъ быть признана разорительной для крестьянства. Расчистки преслѣдовались и внутри крестьянскихъ дачъ, такъ какъ лѣсъ и зѣбъ принадлежалъ не крестьянамъ, а правительству. Г. Большаковъ, можетъ быть, не сознавая, подътверждаетъ иное положеніе, совершенно разрушающее его собственное: «утѣсненіе» въ землѣ получилось естественнымъ путемъ. Въ одномъ

жѣстѣ онъ заявляетъ: насъ крестьяне завалили прошеніями; они стремятся переселиться на свободные нерасчищенные участки казенныхъ дачъ. Зыряне не одного г. Большакова и его товарищей закидываютъ прошеніями. Вопросъ о свободѣ переселеній въ зырянской жизни является вопросомъ острымъ и жгучимъ. Для меня остается загадкой, почему г. Большаковъ, при всѣхъ этихъ данныхъ, отрицаетъ то положеніе, что «утѣсненіе» въ землѣ вызвано искусственно, правительственнымъ вмѣшательствомъ. Къ совѣмъ инымъ результатамъ пришелъ докторъ Мартыновъ, изслѣдователь печорскаго края. Онъ достаточно вѣрно и критически основательно оцѣнилъ вліяніе правительственнаго вмѣшательства на развитіе земледѣлія и на свободу переселеній¹⁾.

Г. Большаковъ умалилъ вліяніе правительственнаго вмѣшательства во взаимныя отношенія зырянъ. Заявленіе автора, что отдѣльныя зырянскія селенія слились въ составную общину, ничего не говоритъ. Авторъ не перечисляетъ, какія отмежеванныя селенія образовали составную общину. Онъ нигдѣ не упоминаетъ и о такихъ явленіяхъ: что отдѣльныя селенія, имѣющія богатые сѣнокосныя угодія, не хотятъ образовать составную общину, не хотятъ слиться съ селеніями болѣе бѣдными. Богатые всегда защищаютъ свои интересы буквой закона и правительственными распоряженіями. Автору должно было быть неизвѣстно и то, что нарушеніе трудового принципа отдѣльными лицами и захватъ участковъ не по праву труда болѣею частью поощрялся правительствомъ или его чиновниками. (Исторія Морева и Лозумскихъ крестьянъ, Кужскихъ крестьянъ и Ульянова монастыря). На мой взглядъ, г. Большакову слѣдовало бы обратить вниманіе на вліянія русскихъ и правительственнаго вмѣшательства на взаимныя отношенія зырянъ. Онъ видитъ разложеніе добрыхъ старыхъ отношеній зырянъ. Это разложеніе онъ приписываетъ исключительно вліянію новыхъ, начинающихся, хозяйственныхъ формъ и голословно отрицаетъ всякіе другіе факторы, которые можетъ быть, обнаруживаютъ истинныя причины этого разложенія. Утвержденіе автора, что во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ земледѣліе играетъ первенствующую роль, образовалось общинное землепользованіе, не совѣмъ вѣрно. До сихъ поръ общинное землепользованіе развито не по всему Сысольскому краю. Во многихъ селеніяхъ по Сысолѣ и теперь существуетъ индивидуальное или неограниченно-трудовое владѣніе, т.-е. «пользованіе». Эти селенія по р. Сысолѣ издавна славятся, какъ земледѣльческія; и здѣсь нѣтъ особаго земельного простора, судя по статьѣ г. Попова¹⁾. Образованіе общинъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, не могло обойтись безъ классовой борьбы между многоземельными и малоземельными. Весьма жаль, что авторъ не приводитъ статистическихъ данныхъ о распределеніи земли между многоземельными и малоземельными, сколько земли приходилось на ѣдока въ томъ и другомъ случаѣ; какъ много

1) С. В. Мартыновъ, „Печорскій край“, стр. 100, 101, 102.

2) Итоги экономическаго изслѣдованія крестьянскаго населенія Устьсысольскаго уѣзда.

было семействъ и лицъ многоземельныхъ и малоземельныхъ. Трудно собрать эти статистическія данныя тамъ, гдѣ община образовалась давно; но это можно сдѣлать было въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ къ общинному землепользованию только переходить. Авторъ плохо изучалъ тѣ мѣста, гдѣ не успѣло еще развиться общинное землепользованіе; онъ мало пользовался архивными данными, особенно сороковыхъ годовъ. Все это могло дать цѣнные матеріалы и пришлось бы здѣсь встрѣтиться съ вопросомъ: обременительные налоги не сыграли ли извѣстную роль въ развитіи общиннаго землепользованія зырянъ.

Авторъ, изучая значеніе трудового принципа въ зырянской семьѣ, упустилъ изъ виду, что зырянская семья имѣетъ свою исторію. Авторъ не избѣжитъ вопроса: ограниченіе власти большака и трудовой принципъ въ зырянской семьѣ не являются ли переходной ступенью и все это не совпадаетъ ли съ разложеніемъ патріархальной семьи. Г. Большаковъ изслѣдовалъ правовыя воззрѣнія на землю «зырянъ-охотниковъ» и вопросъ о захватномъ правѣ зырянъ не совсѣмъ вѣрными путями. Онъ не изучалъ организаціи современныхъ охотническихъ артелей, ихъ взаимныхъ отношеній; не старался объяснить такія явленія: почему нельзя перейти слѣдъ лыжи другого охотника, а можно пристать въ извѣстныхъ случаяхъ къ любой артели, не спрашивая ея согласія, и преслѣдовать, совмѣстно съ охотниками артели, звѣря, хотя бы уже и раненаго. Необходимо надо было бы изслѣдовать отношенія зырянъ къ водѣ. Вода, какъ мѣсто рыбной ловли, имѣла и имѣетъ такое же крупное значеніе у зырянъ, какъ лѣсъ для охоты. Изученіе отношенія зырянъ къ водѣ даетъ много и проливаетъ порядочно свѣта на земельныя отношенія зырянъ. Г. Большаковъ сравнительно плохо разбирается и въ простыхъ обыденныхъ явленіяхъ. Расчищенный участокъ получаетъ право на его обработку въ теченіе 30—60 лѣтъ, когда, по мнѣнію автора, издержки по расчищенію окупаются черезъ 5—6 лѣтъ. Никогда въ теченіе одного год. участокъ не расчищается. Расчистка часто идетъ въ продолженіе 20—30 лѣтъ, слѣдовательно, расчищенный участокъ, извѣстной его частью пользуется очень недолго. На мой взглядъ, и центръ работы г. Большакова не выдерживаетъ критики. По мнѣнію автора, развитіе земельныхъ отношеній зырянъ шло въ тѣсной зависимости съ развитіемъ хозяйственныхъ формъ. Развитіе хозяйственныхъ формъ это—эволюціи земледѣлія. Земледѣліе развилось отъ огнево-подсѣчной системы до трехполья. П. Ф. В.²⁾ смотритъ на огнево-подсѣчную систему, какъ на явленіе, развившееся въ позднѣйшее время, подъ притѣсненіемъ правительства. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. П. Ф. В. не было той эволюціи, какую находятъ у зырянъ г. Большаковъ. Въ пользу теоріи г. П. Ф. В. можно подобрать много фактовъ, а въ пользу теоріи г. Большакова очень мало или совсѣмъ нельзя.

Василій Налимовъ.

²⁾ П. Ф. В.: „Земельныя отношенія зырянъ“ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ за 96 г.

Лыкошинъ Н. С. О гаданіи у среднеазиатскихъ туземцевъ. Справочная книжка Самаркандской области. 1907 г. Вып. IX.

Авторъ указанной статьи имѣлъ случай лично ознакомиться съ нѣкоторыми гаданіями, суевѣріями и примѣтами туземнаго населенія Туркестанскаго края, которое живетъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Результатъ своихъ наблюденій г. Лыкошинъ изложилъ довольно подробно, причемъ далъ и переводъ съ персидскаго статьи, говорящей объ одномъ очень употребительномъ гаданіи.

Среди туземцевъ Туркестана важную роль играютъ гадатели, къ помощи которыхъ постоянно прибѣгаютъ мусульмане, ища у нихъ защиты отъ вліянія сверхъестественныхъ существъ, отъ дурного глаза, заговора. У каждой народности въ Туркестанѣ есть свои гадаальщики и свои приемы гаданья; искусство это въ большинствѣ случаевъ передается по наслѣдству отъ отца къ сыну, къ дочери отъ матери. Въ болѣзняхъ своихъ сарты и др. опять-таки зовутъ гадаальщика, который и читаетъ надъ пациентомъ рядъ какихъ-то заклинаній вмѣстѣ съ текстами изъ Корана. Автору пришлось на себѣ испытать подобное лѣченіе, которое, однако, не исцѣлило его заболѣвшихъ глазъ, но дало ему возможность ознакомиться съ особымъ гаданьемъ, къ которому знахарь прибѣгнулъ въ началѣ своего лѣченія, чтобы опредѣлить исходъ послѣдняго. Гаданіе заключалось въ томъ, что гадаальщикъ разставлялъ на чистомъ листѣ бумаги точки рядами горизонтально, при чемъ ставилъ эти точки, не считая, почему въ каждомъ ряду ихъ получилось разное количество, затѣмъ точки зачеркивались по-парно, а оставшія составили гадательный результатъ, по которому знахарь и рѣшилъ, что его лѣченіе будетъ удачно. Авторъ попросилъ подробно разсказать ему, въ чемъ заключается его гаданье, но знахарь не сумѣлъ сдѣлать этого удовлетворительно, и только случайно, разсматривая туземную на персидскомъ языкѣ энциклопедію „Матла-уль-Улумъ“, г. Лыкошинъ нашелъ цѣлую главу, посвященную описанію гаданія на точкахъ, известнаго подъ названіемъ „рамль“. Происхожденіе его приписывается пророку Даниилу, по персидскому же тексту книги, содержащему много старо-персидскихъ выраженій, можно судить о томъ, что гаданіе перешло въ Среднюю Азію изъ Персіи.

Статья персидской энциклопедіи передаетъ, что пророкъ Даниилъ гадалъ людямъ такъ: онъ насыпалъ на доску песокъ и ставилъ на немъ разныя черты, откуда все гаданіе зовется *рамль* (по араб. *песокъ*). Гаданіе производится посредствомъ 4 точекъ, первая соответствуетъ огню, вторая—вѣтру, третья—водѣ, четвертая—землѣ. Точки ставятся вертикально въ четырехъ мѣстахъ и отъ каждой въ горизонтальномъ направленіи ставится безъ счету рядъ точекъ, затѣмъ эти точки соединяются попарно и получается четыре результата соединеній, при чемъ каждая строка бываетъ четной или нечетной. Четъ обозначается чертой, нечетъ точкой. Изъ этихъ четырехъ результатовъ выводятся еще 12, всего 16, и каждый состоитъ изъ точекъ и черточекъ. Получаются такія напр. соединенія \equiv , \equiv . Всѣ эти шестнадцать выводовъ составляютъ основную схему для гаданья. Заключенія изъ этой схемы сходны

съ выводами астрологіи, и по нимъ можно судить о счастьи или несчастіи для гадающаго, смотря потому, на какомъ мѣстѣ придется результатъ. Первое мѣсто обозначаетъ счастье, третье несчастливое и т. д.; каждый результатъ имѣетъ свое названіе и относится къ опредѣленному ряду вопросовъ, напр. 6-ой называется угля (связь) — говорить о болѣзняхъ, рабахъ, служанкахъ, домашней утвари. Гаданіе это весьма сложное, такъ какъ при немъ возможны различныя комбинаціи, которыя произвольно толкуются гадальщиками. Каждый результатъ выкладокъ считается стоящимъ подъ вліяніемъ звѣзды и знака зодіака, которыми и объясняется удача или неудача гадающаго.

Текстъ статьи, переведенной авторомъ изъ персидской энциклопедіи, не совсѣмъ ясенъ влѣдствіе сложности излагаемаго гаданія, но, несмотря на это, онъ можетъ служить матеріаломъ для исторіи одной отреченной гадательной книги древней Руси «Рафли». Въ своей книгѣ «Изъ исторіи отреченныхъ книгъ» М. Н. Сперанскій, разобравъ мнѣнія изслѣдователей объ этомъ извѣстномъ въ нашей письменности лишь по имени памятникѣ и сопоставивъ описанія рафлей арабско-персидскихъ, греческихъ и вѣмецкихъ, приходитъ къ тому выводу, что и наши рафли должны были быть такого же типа, какъ перечисленные, иначе—онѣ представляли собою гадательную книгу, гдѣ гаданіе совершалось по чертамъ и точкамъ, и появились онѣ на Руси съ Запада, родиною же ихъ нужно считать Востокъ (стр. 159—165). Какъ видно изъ статьи г. Лыкошина, на востокѣ гаданіе «рамль» и до сихъ поръ очень распространено и пользуется большимъ довѣріемъ.

Кромѣ гаданія «рамль», у среднеазиатскихъ туземцевъ большимъ уваженіемъ пользуется наука *джафръ*, кторую овладѣть могутъ лишь свѣтые. Заключается она въ томъ, что нужно въ 614.656 гравахъ написать 2.458.624 буквы, при чемъ размѣстить эти буквы по извѣстнымъ правиламъ. Тому, кто составитъ себѣ такую книгу, предстоптъ удача и вся его жизнь будетъ счастливая, эта книга принесетъ счастье городу и даже всей странѣ. Не многіе пытаются составить такую книгу, чтобы посредствомъ ея имѣть магическую силу; авторъ передаетъ случай самоубійства въ припадкѣ упоминательства одного сарта, который занялся было наукой *джафръ*.

Е. Е.

V. J. Mansikka: Das Lied von Ogoi und Ilovatitsa (Veröffentlichungen des folkloristischen Seminars). «Finnisch-Ugrische Forschungen». 1906 J., B. VI, H. I., S. 40—65.

Изученіе финской народной пѣсни быстрыми шагами подвигается впередъ. Мнѣологическая школа, долго господствовавшая въ этой области этнографіи, рухнула и теперь не имѣетъ уже ни одного представителя въ финской наукѣ. Въ настоящее время работу, однако, далеко нельзя считать вполнѣ оконченной, и финскіе ученые въ значительной степени въ періодѣ «исканія новыхъ путей». При этомъ ихъ вниманіе не могло не обратиться и на русскій народный эпосъ. Олопецкая и Архангельская

губернии являются очагомъ какъ финской, такъ и русской народной эпической поэзии. На этой территоріи, несомнѣнно, должны были столкнуться русскіе и финскіе пѣсенные мотивы, и на выясненіи ихъ взаимоотношеній безусловно интересно остановиться. Движеніе къ изученію финской народной поэзии въ связи съ русской сильно проникаетъ въ среду финскихъ ученыхъ, и талантливымъ представителемъ этого направленія является молодой финскій изслѣдователь Вильо Мансикка. Въ своей статьѣ «Das Lied von Ogoi und Novatitsa» онъ занялся детальнымъ анализомъ одной финской пѣсни и констатировалъ значительное число элементовъ русскаго происхожденія. Пѣсня о дѣвицѣ Огои (Ogoi, Okoi, Ogaſjoj) и «поповскомъ сынѣ» (papin poika) Ховатица (Novatitsa, Huovatitsa, Novatintsa, Huopatitsa, Opätitzä, Hobelittu, Obelitzä) является пѣсней сводной. Въ основаніи ея лежатъ русскіе пѣсенные мотивы: пѣсня о вдовѣ, пропившей дочь (*Шейнъ*, Велико-русь, I, № 1247), былина о Хотенькѣ Блаудовичѣ (изъ которой, по предположенію Мансикка, взято и самое имя героя финской пѣсни Novatintsa = Хотень) и былина объ Алешкѣ Поповичѣ и сестрѣ братьевъ Долгополыхъ (*Ончуковъ*, № 3). Эти русскіе элементы осложнились, смѣшавшись съ финскими пѣсенными мотивами: о дѣвицѣ, стремящейся въ лодку, объ освобожденіи позищенной дѣвицы, «объ томъ, какъ Анни носила воду», о Катеринѣ и Рионпойкѣ (Katri ja Riionpoika). Въ отдѣльных подробностяхъ—опять та же пестрая смѣсь русскихъ и финскихъ мотивовъ. Такимъ образомъ, пѣсня представляетъ, по словамъ автора, «прекрасный примѣръ той мозаичной работы, которую приходится наблюдать во многихъ финскихъ пѣсняхъ. Запутанная композиція предполагаетъ поэтическій талантъ и композиторскія способности у того, изъ устъ котораго эта пѣсня впервые раздалась. Для отдѣльных подробностей матеріаломъ послужили въ совѣстной работѣ репертуаръ финскихъ стиховъ, живущій въ памяти пѣвцовъ, и русскіе пѣсни съ ихъ нестрыми мотивами; но изъ этого хаоса, въ концѣ-концовъ, выросло единое цѣлое». Такимъ образомъ, пѣсня представляетъ интересъ для психологіи народнаго творчества. Но для насъ, русскихъ, статья В. Мансикка имѣетъ и спеціальныи интересъ, какъ еще новый опытъ сравнительнаго изученія русскаго и финскаго эпоса, изученія, на которое наши русскіе ученые смотрятъ, къ сожалѣнію, слишкомъ пренебрежительно.

Н. Т.

А. А. Борисовъ. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Нарскаго моря. Путевые очерки художника, съ автобіографической замѣткой и съ 36-ю снимками съ картинъ автора, изъ коихъ 15 въ краскахъ. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 8°, 104 стр.

Эта роскошно изданная книга извѣстнаго художника-сѣверянина представляетъ интересъ и для этнографа. Въ одномъ изъ своихъ путешествій къ самоѣдамъ зимой 1897—1898 г. г. Борисовъ проѣхалъ Большеземельскую тундру отъ Пустозѣрска до Югерскаго Шара и далѣе по острову Вай-

гачу, близко ознакомился съ самоѣдами, ихъ будничной жизнью, экономическими интересами, семейнымъ бытомъ, вѣрованіями и т. д. Все это, правда, не было главной цѣлью художника-путешественника, и потому въ его очеркахъ быть самоѣдовъ изображенъ безъ всякаго предвзятаго намѣренія, безъ специальной научной систематизаціи, а отдѣльными картинками, воспоминаніями, которыя идутъ одни за другими, какъ интересные встрѣчи, случаи, наблюденія...

Между прочимъ, г. Борисовъ схватилъ удачно нѣкоторые индивидуальныя характеры отдѣльных самоѣдовъ, отчасти ихъ семейную жизнь и суевѣрія. Въ послѣднемъ случаѣ онъ приводитъ собранныя имъ свѣдѣнія о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, существующихъ, будто бы, у самоѣдовъ до сихъ поръ. «Это не сказки бывшихъ, доисторическихъ временъ, — говоритъ авторъ, — это живая дѣйствительность, которая нѣсколько и не думаетъ отойти въ область преданій!» Далѣе приводятся свѣдѣнія, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, какъ самоѣдъ убилъ сына для жертвы Сядю (дьяволу), хотѣлъ убить и жену, но ему помѣшали; другой принесъ Сядю голову своего товарища по промыслу (въ 1895 г.), третій въ разное время убилъ семь человѣкъ; самоѣдъ Вылка постоянно возить съ собой голову своего отца, такъ какъ послѣдній былъ колдунъ, «та-тибей». А. А. Борисовъ видѣлъ у одного самоѣда маленькія саночки, въ которыхъ покоилась супружеская чета истуканчиковъ. На замѣчаніе г. Борисова о безнравственности принесенія человѣческихъ жертвъ Сядю, они отвѣчали: «Да потому-то мы и дѣлаемъ это, что противно Богу. Вѣдь это мы дѣлаемъ не для Бога (Хая), а для Сядя (злого духа, дьявола). А дьяволъ любить, чтобы мы дѣлали худо, и за это намъ пригонитъ много-много звѣри и рыбы». Впрочемъ, надо оговориться, что лично авторъ ни одного этого факта не наблюдалъ. На о. Вайгачѣ г. Борисовъ посѣтилъ самоѣдскую Мекку, мѣсто паломничества и поклоненія самоѣдскимъ божествамъ. Это мѣсто находится за «Божеской рѣкой» (Хай-Яга); у преддверія къ нему, между двухъ стѣнъ, лежали груды идоловъ (возовъ до 30—40), кругомъ божествъ лежало много оленьихъ череповъ съ рогами и череповъ бѣлаго медвѣдя. Далѣе валялись огромныя кучи топоровъ, ножей, цѣпей, обломковъ якорей, гарпуновъ, обломковъ ружей, замковъ, пуль и т. д. Здѣсь божествамъ приносили въ жертву оленя и кровью его кропили свѣтныи. Здѣсь же валялись глаза, уши и губы только что убитыхъ оленей и видѣлась запекшаяся кровь на нѣкоторыхъ богахъ. Огромную коллекцію самоѣдскихъ идоловъ г. Борисовъ вывезъ въ Петербургъ.

Посѣтилъ онъ на Вайгачѣ и самоѣдское кладбище, состоявшее изъ двухъ могилъ. Гробы стояли на землѣ; около нихъ валялись парты, ломанный хорей (ѣздовая палка), топоръ и оленьи черепа съ рогами, также недавно обгорѣвшія дрова (вѣроятно, послѣ тризны). Открывъ крышку гроба, г. Борисовъ увидѣлъ покойника, завернутаго съ головой въ рогожу; на тѣлѣ малица, на ногахъ — ними, у головы — деревянная чашка съ чѣмъ-то черпымъ внутри (мясо, кровь) и желѣзный безъ ручки ковшикъ; около пояса лежали топоръ и ножикъ; съ правой сто-

роны, около груди, лежалъ небольшой идолъ. Въ другой могилѣ лежалъ ребенокъ, съ головой зашитый въ тряпку, но безъ всякихъ атрибутовъ.

Великолѣпные снимки съ картинъ г. Борисова, особенно исполненные въ краскахъ, наглядно иллюстрируютъ нѣкоторыя стороны самоѣдскаго быта, наприм.: сани, поставленные на пятки (22 стр.), любимый цвѣтъ самоѣдовъ (26 стр.; самоѣдъ весь въ красномъ), отдыхъ оленей (28 стр.), въ гостяхъ у самоѣда (38 стр.), на берегу Ледовитаго океана (40 стр.), житье бѣднаго самоѣда въ тундрѣ (42 стр.), чумъ и хозяйство самоѣда-рыбака (52 стр.), на моржа (56 стр.), самоѣдскіе гробы на Вайгачѣ (86 стр.), главная самоѣдская святыня на о. Вайгачѣ (90 стр.), груда самоѣдскихъ идоловъ на Вайгачѣ (94 стр.) и др.

Вообще, книга г. Борисова даетъ не только свѣжія и яркія свѣдѣнія о странѣ самоѣдовъ, но и представляетъ нѣкоторый оригинальный этнографическій матеріалъ.

Вл. В.

Шайжинъ, Н. С. (составилъ): Олонецкіе водопады Кивачъ, Гирвась и Поръ-Порогъ въ описаніяхъ туристовъ. (Съ 14-ю фототипіями водопадовъ и картою путей къ нимъ). П—водскъ, 1907 г., 80, X + 58 стр.

Здѣсь для этнографа интересны нѣсколько страницъ, а именно 44 - 49. На этихъ шести страницахъ помѣщенъ «Приплавъ вдовы по мужѣ, погибшемъ въ Кивачѣ при сплавѣ лѣса», записанный г. Шайжинымъ отъ крестьянки Н. С. Богдановой и содержащій 218 стиховъ. Эта длинная импровизація мѣстами полна дивной поэзіи, мѣстами трогаетъ глубокимъ чувствомъ, а вся интересна какъ богатый матеріалъ для анализа народнаго творчества. Несмотря на то, что «плавъ», по существу, пѣсня лирическая, плакальщица сумѣла, однако, дать ему и богатое эпическое содержаніе. Оно таково: Плакальщица раздумалась о приближающейся веснѣ; что будетъ дѣлать ея супругъ? Тотъ тоже озабоченъ приближеніемъ весны; наконецъ, рѣшаетъ:

Ужъ я сдумалъ-то своимъ да умомъ-разумомъ,
Теперь люди-то на сплавъ да отправляюще,
Да на выгонку бревенну снаряжающе,
Либо мнѣ туда вотъ съ нима да отправище.

Жена удерживаетъ, рисуя печальную картину жизни сплавщиковъ, трудность работы, опасность такъ называемыхъ «заломовъ» и т. п.

Тамъ заломы набивающе, ты заломы есте страшнымъ.
Подходить надо со трудностью, избавлять да ихъ съ опасностью,
Подбѣгать надо смѣлѣшенько, избавлять надо скорѣшенько,
Не стоять, да не постанивать, другихъ да не поджидывать,
Не дорожить своей мѣлдой головошкой,
Своей жизнью да сесвѣтной.

Не приняли сплавщики предосторожностей или оплошали почему-либо, —

Тогда падаютъ удалымъ головушкѣ
 Въ кипучую, въ сердитую водушку.
 Тогда жизнь да ихъ кончаецце и головушкѣ рѣшающе.

Сплавщикъ, не внимая предостереженіямъ жены, идетъ, не боясь опасностей.

— Вездѣ-то всегда люди вотъ бывають,
 А безъ суда смертей не получаютъ.

Пошелъ на сѣйшую работку, непривычную, погналъ лѣсъ по Сунѣ, прогналъ трудныя мѣста Гирвасъ и Поръ-Порогъ, подходитъ къ Кивачу.

Тутъ рѣка бѣжитъ свирепая, а вода есте сердитая,
 Тутъ есь мѣсто крежѣвитое, тоѣ мѣсто каменливое,
 Какъ тутъ бревна повертались, тутъ заломы набивались.

Пошла работа, обнаружили ловкость, но не хватило силы.

Тутъ тонули-то наши добрыи ты молодци! Ихъ било, крутило, несло выпзъ, бросало о камни, наконецъ прибило къ берегу, гдѣ товарищи и похоронили ихъ.

Ужъ какъ што-то на сибѣ да пригодилось,
 Въ томъ въ земелюшку молодчики ложились.
 Имъ ни гроба и ни савана, ни досокъ да постороннихъ,
 Не наладили вѣкового имъ одианьяца,
 Домовищечка не сдѣлали вѣкового,
 Не пѣтъя Божья церковнаго, да не звону колокольного,
 Да не призвали попа — отца духовнаго.

Объ этомъ она получила письмо-грамотку. Она поражена ужасомъ; не можетъ понять, какъ ей жить теперь съ дѣтьми.

Ужъ какъ быто съ корабля да съ безызвѣстнаго
 Мы остались побѣдны безномѣсныи,
 Быто въ полюшки шатучи деревиночки
 Мы побѣдныи остались серотиночки,
 Отъ бережка отчалили — ко другому не прѣехали.

Она не вѣрить, хочеть сама отправиться на мѣсто несчастія, чтобы удостовѣриться; но сомнѣніе смѣняется грустнымъ раздумьемъ:

Охти мнѣ, бѣдной горящици, сама знаю, сама вѣдаю —
 Письмо-грамотка не ложная, а извѣсье не подложное.

Ужъ какъ вѣкъ того не водище — со мертвыхъ живыи не рѣднице.

Весь этотъ плачь интересенъ и по содержанію, и по художественному исполненію, и по языку. Онъ свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что типъ стариннаго стиха не мѣшается и въ новое время выражать живую импровизацію, а не мертвую традицію «вѣковъ минувшихъ». Правда, нѣкоторые изслѣдователи не довѣряютъ народнымъ композиціямъ «отъ себя» на старинный ладъ, но въ послѣднее

время, кажется, все больше и больше накапливается фактовъ, свидѣтельствующихъ, что народные поэты держатъ старыя поэтическія формы не всегда ради старины, но и какъ средство для варіацій на современные темы. Запѣлки для этого представляютъ особенно удобную форму, но такими же могутъ быть и семейныя, дѣвичьи пѣсни, свадебныя пѣсни, заклинанія и т. д. Нужны только обстановка, среда, жизнь, которая бы не мѣшала свободному изліянію народной души. На сѣверѣ мы и видимъ наибольшую самостоятельность народнаго самосознанія, вдали отъ крѣпостныхъ традицій, помѣщичей цивилизаціи, начальственнаго окрика и недреманнаго церковнаго ока. Но это самосознаніе уже гаснетъ, не доживши до лучшихъ временъ, не дождавшись новыхъ путей своего развитія. Можетъ-быть, и композиціи, подобныя плачу Н. С. Богдановой, являются послѣдними проблесками когда-то сильнаго и зрѣлаго народнаго духа и народной мысли. Россійская «цивилизация» стоитъ уже у порога крестьянской сѣверной избы и слѣпить глаза и душу обывателей новымъ костюмомъ, новымъ словомъ, новой удаляю, весельемъ, силой, властью, соблазномъ, обманомъ и т. д. Жаль, если ничто не отвлечетъ сѣверянина отъ всеподавляющей, нивелирующей, пьянственно-безстыдной и душевно-безсодержательной цивилизаціи кулаковъ, мірѣдовъ, прижимателей и всякаго рода другихъ нахаловъ.

Надо желать, чтобы записи, подобныя сдѣланной г. Шайжинымъ, велись и многими другими, въ большемъ количествѣ, усердіе. Надо искать народныхъ поэтовъ не только съ цѣлью раскопать старину, но и съ цѣлью понять современную народную жизнь.

Вл. Б.

Отвѣтъ г. Абрамову. По поводу моей рецензіи на статейку г. Абрамова „О курскихъ саянахъ“ (рецензія въ 70—71-й книжкѣ „Этн. Обзор.“, а статья въ „Живой Старинѣ“ 1906 г., кн. III) авторъ этой послѣдней напечаталъ въ 72—73-й книжкѣ „Этногр. Обзор.“ нѣсколько критическихъ замѣчаній по моему адресу. Замѣчанія эти вызвали во мнѣ рядъ недоумѣній, которые считаю умѣстнымъ высказать.

Пѣсенный зачинъ: „Ай да вы, пылія, пылінушки удалыи“ г. Абрамовъ относитъ не къ людямъ-полянамъ, т.-е. степнякамъ (какъ это полагаетъ акад. А. И. Соболевскій), а къ „луговымъ полянамъ, на которыхъ растетъ трава“ (стр. 238). Получается, такимъ образомъ, новый эпитетъ луговой поляны: удалая. Я—и, вѣроятно, не одинъ я—до сихъ поръ думалъ и теперь думаю, что „удалыми“ могутъ быть только живыя существа. „Удалый молодецъ, удалый конь“ и т. п.,—это мнѣ понятно. Но какъ можетъ проявить свое „удальство“ мертвая поляна? Рѣшительно недоумѣваю ¹⁾.

¹⁾ Напоминъ, на какихъ стихахъ г. Абрамовъ основывалъ свой выводъ:

„Ай да, вы, пылія,
Пылінушки удалыи,
Ай да вы луговой пыліи
Растетъ трава шалковая“.

Ред.

Далѣе, извлекши изъ моихъ разсужденій по вопросу объ имени саяновъ одно маленькое замѣчаніе, въ которомъ я условно соглашаюсь съ его мнѣніемъ, г. Абрамовъ не задумался приписать мнѣ неблагоприятный поступокъ, будто бы я позаимствовалъ у него его мысли и присвоилъ ихъ потомъ себѣ, назвавъ „нашею гипотезою“ ¹⁾.

Недоумѣваю, не хотѣлъ или не могъ г. Абрамовъ понять громадной разницы между его мнѣніемъ объ имени саяновъ и моею гипотезою по тому же вопросу, изложенною въ моей рецензіи. Самая постановка вопроса у меня совершенно иная. Я ставлю вопросъ: *кто далъ саянамъ эту ихъ кличку?* Этотъ вопросъ не былъ поставленъ ни г. Абрамовымъ, ни его предшественниками. Всѣ исходили изъ предвзятаго мнѣнія, что свою кличку саяны получали отъ своихъ сосѣдей, и только. Мое предположеніе совсѣмъ иное: я полагаю, что саяны *сами дали себѣ* это имя. Второй мой вопросъ, постановки котораго мы также не найдемъ ни у г. Абрамова, ни у его предшественниковъ: *кому именно* противоположали себя саяны, отъ кого *именно* они хотѣли себя отграничить, давая себѣ это странное имя? И опять отвѣчаю не общо, ничего не говорящего фразою: «отъ своихъ сосѣдей», а точно указываю на опредѣленную этнографическую группу «цукановъ». Самый выборъ саянами этой ихъ клички я объясняю прежде всего желаніемъ данной этнографической группы подчеркнуть отличіе своего *говора* отъ говора цукановъ.

На все это г. Абрамовъ не обратилъ своего вниманія.

Наконецъ, по поводу злополучной книжки М. Бойкова: «Краткое обозрѣніе Курской губерніи. Составлено для воспитанниковъ Бѣлгородской учительской семинаріи (Бѣлгородъ. 1879)». Въ первой своей статьѣ г. Абрамовъ называлъ эту книжку въ числѣ той этнографической литературы, гдѣ «имѣются любопытныя сообщенія» о саянахъ (стр. 203). Во второй своей замѣткѣ г. Абрамовъ опять настаиваетъ, что «статья» (?) Бойкова «посвящена саянамъ» (стр. 238), которые только названы тутъ «горюнами» ²⁾. Еще разъ смѣю увѣрить г. Абрамова, что Бойковъ въ своей книжечкѣ ничего не говоритъ о саянахъ ³⁾ и не называетъ ихъ «горюнами», а говоритъ о дѣйствительныхъ путивальскихъ горюлахъ.

¹⁾ Это недоразумѣніе было отмѣчено примѣчаніемъ „редакціи“. Редакція думаетъ, что со стороны г. Абрамова здѣсь не было намеренной ошибки.

Ред.

²⁾ Напомнимъ, что сказано по этому поводу у г. Абрамова. Упомянувъ, что Бойковъ смѣшиваетъ саяновъ съ переселившимися бѣлоруссами и называетъ ихъ горюнами, г. Абрамовъ далѣе говоритъ: „Я считалъ умѣстнымъ упомянуть объ этомъ въ статьѣ, посвященной саянамъ“,—объ этомъ, т.-е. о смѣшеніи и названіи,—въ статьѣ, посвященной саянамъ, т.-е. въ своей собственной, г-на Абрамова, статьѣ. А что „статья Бойкова посвящена саянамъ“—объ этомъ у г-на Абрамова рѣчи нѣтъ.

Ред.

³⁾ Что названія „саяны“ нѣтъ у Бойкова, это говоритъ и г. Абрамовъ.

Ред.

Что же касается указанія г. Абрамова на изрѣдка встрѣчающійся въ говорѣ саяновъ звукъ «ц», то я рѣшительно не понимаю, для чего и для кого это замѣчаніе предназначается? Я писалъ, что въ говорѣ саяновъ *не было* этого звука въ то время, когда они получили свою настоящую кличку, т.-е., по меньшей мѣрѣ, два вѣка тому назадъ. А г. Абрамовъ возражаетъ, что онъ изрѣдка встрѣчалъ этотъ звукъ у саяновъ въ 1905-мъ году ³⁾.

Ди. Зеленинъ.

³⁾ Г. Зеленинъ, дѣйствительно, въ своей рецензіи писалъ, что этого звука *не было*, но все это, какъ онъ и самъ заявилъ,—лишь его гипотеза.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

American Anthropologist. 1907. Vol 9, № 1. (January-March, 1907). Настоящий выпуск носить особый подзаголовок «The Virginia Indians»; в состав его входят следующие статьи: *G. B. Grinnell*: «Tenure of Land among the Indians», — *J. Brennemann*: «The Sacral or so-called «Mongolian» Pigment Spots of Earliest Infancy and Childhood, with Especial Reference to their Occurrence in the American Negro», — *D. I. Bushnell*: «Virginia-From Early Records» (по рукописям Британского Музея). — *D. I. Bushnell*: «Discoveries beyond the Appalachian Mountains in September, 1671» (путевой журнал Джона Клейтона, присланный в Королевское Общество и прочитанный в нем 1 авг. 1688 г.) — *Ch. C. Willoughby*: «The Virginia Indians in the Seventeenth Century», (статья иллюстрирована снимками с рисунков Джона Хуайта, сделанных в 1585—88 гг.). — *W. R. Gerard*: «Virginia's Indian Contribution to English»; статья дает перечень словъ, вошедших в английский языкъ изъ языковъ виргинскихъ индейцевъ; относительно каждого слова приводится его точное значение, первоначальная этимология и его история в английскомъ языкѣ; большинство этихъ словъ — названія местныхъ растений и животныхъ или такихъ предметовъ индейскаго обихода, какъ мoccasins, томагавкы и т. д. — *W. H. Holmes*: «Aboriginal Shell-Heaps of the Middle Atlantic Tidewater Region». — *J. Mooney*: «The Powhatan Confederacy, Past and Present». — Сверхъ того въ настоящемъ выпускѣ помѣщены: некрологъ известнаго изслѣдователя египтологическихъ писемъ Центральной Америки, Эрнста Ферстеманна, род. въ 1822 г., умершаго 4 ноября 1906 г.; подробный отчетъ объ антропологической секціи нью-йоркскаго конгресса американской ассоціаціи наукъ въ 1906 г.; библиографія, въ которую кромѣ обзора книгъ входятъ обзоръ періодической литературы, и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ отдѣлѣ «Смѣсь».

№ 2. (April-June, 1907). *E. Sapir*: «Notes on the Takelma Indians of Southwestern Oregon». — *K. S. Kennard*: «The Racial Derivation of the Ossetes». Статья довольно поверхностная; осетины авторъ производитъ отъ алановъ, послѣднимъ же приписываетъ оинское происхожденіе; въ основу всѣхъ построений положены данныя физической антропологии, притомъ не достаточно точныя; авторъ исходитъ изъ ошибочнаго предположенія, что осетины какъ высокорослые, длинно-

ловые, блондины по своему физическому типу стоят совершенно особнякомъ среди прочаго населенія Кавказа.—*F. G. Speck*: «Some Outlines of Aboriginal Culture in the Southeastern States».—*Ch. C. Willoughby*: «The Adze and the Ungrooved Axe of the New England Indians».—*C. V. Hartman*: «The Alligator as a Plastic Decorative Motive in Certain Costa Rican Pottery».—*C. W. Branch*: «Aboriginal Antiquities in Saint Kitts and Nevis».—*F. H. Cushing*: «Observations Relative to the Origin of the Fylfot or Swastika»; маленькая замѣтка (съ рисунками), объясняющая свастику какъ символъ четырехъ странъ и главныхъ вѣтровъ.—*C. H. Merriam*: «Distribution and Classification of the Mewan Stock of California».—*N. H. Winchell*: «Precolumbian Elephant Medals found in Minnesota».—*C. Thomas*: «Sahokia or Monk's Mound».—Далѣе въ составъ выпуска входятъ: некрологъ Уильяма Ньюэля (Newell), род. 1839 г., умеръ 21 января 1907 г., много писавшаго по этнографіи и по исторіи литературы; протоколы Антропологическаго Общества въ Вашингтонѣ; библиографія, въ которой, между прочимъ, данъ сочувственный отзывъ о книгѣ А. А. Иванова «Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи»; смѣсь.

Archiv für Anthropologie. 1907. Heft I. P. J. Möbius. «Über die Verschiedenheit männlicher und weiblicher Schädel».—*O. Berkhan*: «Zwei Fälle von Skaphokephalie».—*A. Rauber*: «Die Achse der Schädelhöhle».—*A. Krämer*: «Zur Tatauierung der Mentawai-Insulaner»: даны рисунки наиболѣе распространенныхъ узоровъ, ихъ туземныя названія и въ некоторыхъ случаяхъ значеніе.—*J. Czekanowski*: «Untersuchungen über das Verhältniss der Kopfmasse zu den Schädelmassen».—Библиографія (1 рецензія).—Въ приложеніи «Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» №№ 9—11 (отчетъ о конгрессѣ въ Герлицѣ) и 12 за 1906 г. и №№ 1, 2, 3, за 1907.

II — III. *Dr. M. Höfler*: «Gebildbrote bei Sterbefällen». Въ обычаѣ употреблять при поминкахъ хлѣбы, испеченные въ формѣ какихъ-либо фигуръ, авторъ видитъ переживаніе, точнѣе, замѣну прежнихъ жертвоприношеній въ честь мертвыхъ; то, что прежде дѣйствительно приносилось въ жертву покойнику, теперь символически представляется на поминкахъ соответствующимъ изображеніемъ. Статья снабжена рисунками и обширнымъ указателемъ литературы.—*Dr. W. Lehmann*: «Ergebnisse und Aufgaben der mexikanistischen Forschung». Сжатый, но очень обстоятельный обзоръ результатовъ работъ по изслѣдованію древней Мексики. Кромѣ библиографіи и указанія источниковъ древнихъ и болѣе новыхъ, статья подводитъ итоги антропологическихъ изслѣдованій, лингвистическихъ, этнологическихъ (матеріальная культура, социальная организація, духовная культура) и историческихъ. Статья снабжена рисунками.—*O. Schoetensack*: «Über die Gleichzeitigkeit der menschlichen Niederlassung im Löss bei Munzingen unweit Freiburg i.

B. und der dem Magdalénien lugehörigen paläolithischen Schicht von Thainingen und Schweizersbild bei Schaffhausen». — *Révész*: «Rassen und Geisteskrankheiten». Статья преимущественно описательнаго характера, но подборъ фактовъ носить довольно случайный характеръ. — Библиографія (3 рецензіи). — *Dr. L. Stieda*: «Aus der russischen Literatur» — подробный обзоръ содержанія «Этнографическаго Обозрѣнія» за 1903 годъ, «Сборника музея по антропологии и этнографіи при Императорской Академіи Наукъ», вып. I—IV и «Русскаго Антропологическаго журнала» за 1904 г. — «Korrespondenz-Blatt» etc. №№ 4 и 5—6 за 1907 г.

Man (Amonthly Record of Anthropological Science). 1907. I. *H. Balfour*. «Haida portrait mask». (Описаніе рѣдкой у некультурныхъ народовъ маски, являющейся портретомъ живого лица; къ статьѣ приложены на особой таблицѣ снимки съ маски въ профиль и en face). — *R. P. Marett*: «Australia Prayer» (авторъ оспариваетъ показаніе г-жи Langloh Parker о молитвахъ у Euahlayi). — *A. Lang*: «Celtic sword blades». — *E. Cartailhac*: «Les mains rouges et noires de la grotte de Gargas» (описывается рѣдкій случай украшенія стѣны пещеры цвѣтными отпечатками рукъ; авторъ думаетъ, что это дѣлалось для того, чтобы сохранить воспоминаніе о нѣкоторыхъ выдающихся событіяхъ: о соглашеніяхъ, о принятыхъ рѣшеніяхъ и т. д.). — *H. W. Seton-Karr*: «On a maul from Upper Egypt» (съ рисункомъ). — Библиографія.

II. *D. J. Bushnell*: «Primitive salt-making in the Mississippi valley» (статья написана на основаніи личныхъ находокъ автора въ 1902 г. и снабжена рисунками). — *A. L. Lewis*: «The flint supplies of the ancient Cornish». — *Edge-Partington*: «Ingava, chief of Rubiana, Solomon oslands: died 1906» (съ портретомъ; описаніе похоронъ). — *A. van Gennep*: «Questions australiennes» (подчеркивается важность изученія биологическихъ и физиологическихъ представленій некультурныхъ народовъ для правильнаго пониманія ихъ брачныхъ обрядовъ, институтовъ наследственнаго права и т. д.). — Библиографія.

III. *J. Edge-Partington*: «A New Zealand box (Waka)» (съ рисунками). — *C. M. Woodford*: «Notes on Rennell island» (очень бѣглыя замѣтки съ нѣсколькими иллюстраціями). — *A. L. Lewis*: «Notes on some rude stone monuments in Glamorganshire». — *S. H. Warren*: «The flint supplies of the ancient Carnish». — Библиографія.

IV. *E. S. Hartland*: «Notes on some South African tribes» (бѣглыя замѣтки о нѣкоторыхъ каарскихъ племенахъ, представители которыхъ были собраны на собраніе Британской ассоціаціи въ 1905 г. въ Victoria Falls; много фотографическихъ снимковъ). — *J. Jetté*: «On the language of the Ten'a» (статья для «Man», сравнительно большая; болѣе подробно изложена фонетика языка Ten'a; грамматическимъ особенностямъ, повидимому, очень интереснымъ, уделено очень мало мѣста). — Библиографія.

Zeitschrift für Ethnologie. 1907. Heft I u. II. Ed. Seler: «Einiges über die natürlichen Grundlagen mexikanischer Mythen». Статья посвящена выяснению природы некоторых мексиканских божеств Tezcatlipoca, Quetzalcoatl и др. Путем сложных сопоставлений авторъ приходитъ къ выводу, что это—лунныя божества и что луна играла въ вѣрованіяхъ мексиканцевъ и другихъ средне-американскихъ племенъ гораздо большую роль, чѣмъ это принято думать.—*Ed. Hahn:* «Über Entstehung und Bau der ältesten Seeschiffe». Авторъ держится того мнѣнія, что древнѣйшія морскія суда произошли изъ лодокъ, сшитыхъ изъ древесной коры.—*Paul Sarasin:* «Über die Entwicklung des griechischen Tempels aus dem Pfahlhause». Авторъ не довольствуется общимъ указаніемъ на происхожденіе греческаго храма изъ свайнаго дома, но думаетъ, что каменный храмъ былъ первоначально возможно болѣе точной копіей деревяннаго свайнаго дома, и ищетъ въ этомъ объясненіе многихъ особенностей стиля греческихъ храмовъ; такъ, напр., подъ деревянные столбы, во избѣжаніе гниенія, подкладывали камни и это дало происхожденіе базису іоническихъ и коринтскихъ колоннъ; эхинусъ дорическихъ колоннъ возникъ изъ кружковъ, которые накладывались на верхнихъ концахъ свай, чтобы помѣшать крысамъ проникнуть въ домъ и т. д.—*R. Mielke:* «Die bisherigen Ergebnisse des Fragebogens zur Hausforschung». Статья представляетъ краткій отчетъ о предпринятомъ авторомъ путемъ разсылки вопросныхъ листковъ изслѣдованіи о распространеніи въ Пруссіи разныхъ типовъ жилищъ.—*O. Schlaginhaufen:* «Zur Diagraphentechnik des menschlichen Schädels».—*J. Teutsch:* «Zur Charakteristik der bemalten neolithischen Keramik des Burzenlandes».—*H. Schmidt:* «Beiträge zur Kenntnis und zum Verständnis der jungneolithischen Gefäßmalerei Südost-Europas».—*G. Schweinfurth:* «Steinzeitliche Forschungen in Südtunisien». Подробный отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ авторомъ въ окрестностяхъ мѣстечка Газа, въ южномъ Тунисѣ. Сверхъ перечисленныхъ статей въ настоящемъ номерѣ помѣщены протоколы засѣданій Берлинскаго Общества Антропологии, Этнологии и Первобытной Исторіи, перечень членовъ Общества, списокъ получаемыхъ имъ періодическихъ изданій, а также небольшой библиографическій отдѣлъ. Списокъ періодическихъ изданій, получаемыхъ Обществомъ, очень характеренъ; онъ далеко не исчерпываетъ всѣхъ изданій, затрагивающихъ вопросы антропологии, этнологіи и доисторической культуры и все же въ немъ помѣщено 341 названіе.

III. *E. Baelz:* «Zur Vor- und Urgeschichte Japans». Очень сжатый обзоръ доисторической археологіи Японіи.—*L. Frobenius:* «Ethnologische Ergebnisse der ersten Reisen der Deutschen Inner-Afrikanischen Forschungs-Expedition». Статья говоритъ о произведенныхъ авторомъ изслѣдованіяхъ въ бассейнѣ Конго. Авторъ не сторонникъ монографическаго описанія отдѣльныхъ народностей, а ставитъ этнологіи задачу прослѣдить распространеніе извѣстныхъ культурныхъ типовъ. Замѣчанія его довольно отрывочны. Подробнѣе говоритъ онъ о разныхъ

типовъ лугахъ, различаемыхъ имъ по величинѣ и по способу прикрѣпленія тетевы.— *W. Belck*: «Die Erfinder der Eisentechnik, insonderheit auf Grund von Bibeltexten». Основные выводы автора сводятся къ слѣдующему: 1) «Въ качествѣ занимающихся ковкой желѣза и стали и изготовленіемъ изъ нихъ утвари около 1100—1000 г. до Р. Х. въ Палестинѣ и Сиріи упоминаются только филистимляне—финикияне, тогда какъ для іудеевъ и другихъ ханаанскихъ народностей обработка стали, особенно ея закалываніе и точеніе, представляла въ то время тайну. 2) Около того же времени желѣзо и приготовленные изъ него предметы были совершенно неизвѣстны ассирійцамъ, вавилонянамъ, эламитами, халдеямъ, а равно всѣмъ другимъ народностямъ передней Азіи, въ особенности же многочисленнымъ хеттійскимъ народамъ. 3) То же самое относится къ народностямъ Анатолиі, включая сюда жителей Іоніи, въ Греціи же сталь была совершенно неизвѣстна, а кованное желѣзо, хотя не было совсѣмъ не извѣстно, представляло однако большую рѣдкость и потому было чрезвычайно дорого. 4) Равнымъ образомъ и египтяне стали не знали, съ кованными же желѣзомъ и съ издѣліями изъ него были знакомы съ давнихъ поръ, но въ виду дорогой цѣны почти не пользовались имъ. 5) Такъ какъ около 1100—1000 г. до Р. Х. кромѣ филистимлянъ ни одинъ другой изъ культурныхъ народовъ древности не занимался желѣзной промышленностью, то съ большой вѣроятностью филистимлянъ—финикиянъ надо признать фактическими и единственными самостоятельными изобрѣтателями этой промышленности, что согласно съ показаніями Библии, приписывающей это изобрѣтеніе ханаанскому народу». Далѣе Белькъ устанавливаетъ слѣдующія хронологическія даты для евреевъ: а) Конецъ бронзового вѣка при Моисеѣ, приблизительно въ 1300—1250 гг. до Р. Х.; б) первое знакомство чрезъ посредство мидіанитянъ съ желѣзными издѣліями незадолго до смерти Моисея, при началѣ завоеванія Палестины; в) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ, употребленіе желѣзной утвари и орудій, а также стального оружія и орудій, но незнакомство съ желѣзной техникой (древній желѣзный вѣкъ) простирается отъ смерти Моисея до смерти Давида (1250—1000 гг. до Р. Х.); г) полное знакомство съ желѣзной техникой и начало новаго желѣзнаго вѣка съ 5-го года царствованія Соломона или приблизительно съ 1000 г. до Р. Х. Для сѣверо-сирійскихъ, хеттійскихъ государствъ Белькъ устанавливаетъ слѣдующую хронологию: а) первое знакомство съ желѣзомъ и конецъ бронзового вѣка 1100—1000 гг. до Р. Х.; б) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ, благопріятствуемое начавшимися при Соломонѣ торговыми сношеніями съ евреями, но незнаніе желѣзной техники (древній желѣзный вѣкъ)—1000—850 гг. до Р. Х.; в) полное ознакомленіе съ желѣзомъ и начало новаго желѣзнаго вѣка около 850 г. до Р. Х. Для ассирійцевъ даются слѣдующія даты: а) конецъ бронзового вѣка 900 г. до Р. Х.; б) первое ознакомленіе съ желѣзомъ 900—875 гг. до Р. Х., при первомъ походѣ Асурнасирапала въ сѣверную Сирію; в) болѣе близкое знакомство съ желѣзомъ и древній желѣзный вѣкъ 875—830 гг. до Р. Х.; г) полное ознакомленіе съ желѣзомъ,

Благоприятствующее непревзойденными походами Салманасара II противъ Сиріи, Дамаска и израильтянъ, и начало новаго желѣзнаго вѣка около 830 г. до Р. Х. Статья Белька, прочитанная въ видѣ реферата въ одномъ изъ засѣданій Общества Антр., Этн. и т. д. вызвала оживленные пренія. Возраженія были направлены, главнымъ образомъ, противъ того, чтобы филистимляне могли быть самостоятельными изобрѣтателями желѣзной промышленности, такъ какъ въ занимаемой ими области совсѣмъ не было желѣзной руды. Проф. Лушанъ, присоединяясь вполне къ положенію Белька, поскольку они касаются передней Азіи, указывалъ на то, что филистимляне заимствовали желѣзо у египтянъ, знакомыхъ съ нимъ задолго до середины второго тысячелѣтія до Р. Х.; сами же египтяне ознакомились съ желѣзомъ отъ своихъ южныхъ чернокожихъ сосѣдей, и потому родиной желѣзной промышленности надо считать тропическую Африку.—*R. Rösch: «Reisen in Neu Guinen in den Jahren 1904—1906»*. Краткій предварительный отчетъ; сравнительно подробно говорится о производившихся авторомъ въ широкихъ размѣрахъ кинематографическихъ снимкахъ. Протоколы. Библиографическій отдѣлъ.

Живая старина, періодич. изданіе отдѣленія этнографіи И. Р. Г. О., подъ ред. *В. И. Даманскаго, Ѳ. И. Щербатскаго и Н. Н. Виноградова. 1907. Вып. I. Макаренко, А. А.* Сибирскія пѣсенныя старины. (Авторъ близко знакомъ съ пѣсенными традиціями въ Сибири).—*Макаренко, Н. Е.* «Пречиста» въ Москалѣвцѣ (Народн. праздникъ 15 августа, изображеніе «Пречисты»).—*Шустиковъ, А. А.* Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную собственность.—*Сергеевскій, А. К.* О завиткахъ въ Бѣлоруссіи.—*Ильинскій, Г. А.* Изъ русской діалектологіи (в. р. корогодь-хороводъ, русск. пѣсенное «Волузякъ»).—*Шитмаревъ, В. Ф.* Этюды по исторіи поэтическаго стиля. 2. Начало пастурели.—*Зенбицкій, П.* Заговоры (конца XVII в.).—*Пруссакъ, А. В.* О говорѣ Сестрорѣцка.—*Ончуковъ, Н. Е.* Печорскіе стихи и пѣсни.—*Виноградовъ, Н. Н.* Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. II. *Фасмеръ, М. Р.* Финскія заимствованія въ русскомъ языкѣ.—*Его же.* Южнослав. брава «замокъ».—*Давровъ, П. А.* Югославянскія древности въ изложеніи Нидерле.—*Макаренко, А. А.* Сибирскія старины.—*Пекарскій, Эд. К.* Изъ якутской старины.—*Ончуковъ, Н. Е.* Печорскіе стихи и пѣсни.

Землеустройство. Періодическое изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Д. Е., А. и Э., подъ ред. *Д. Н. Анучина. 1906. кн. I—II. А., Д.* Переселенія въ Соединенныя штаты въ прежнее и въ настоящее время (Съ 2 рис. и 1 діаграммой). Кн. III—IV. *Анучинъ, Д.* Японцы (Съ 10 рис. въ текстѣ).—Географическій обзоръ Россіи. Этнографическая выставка въ Петербургѣ. 1907. Кн. I—II. *М., И.* Изъ побѣды на Новую Землю (О новоземельскихъ самоубійцахъ).—Геогр. обзоръ: Языкоустройство на Кавказѣ (изложеніе содержанія изслѣдователя А. М. Дирра).

Новости этнографической литературы.

Акпаевъ, Я. Наброски по обычному, въ частности брачному праву киргизовъ кнзакновъ. Семипал. 1907. 8°. 11 стр. («Запис. Семипал. подотд.», вып. III).

Аникиевичъ, К. Т. Сѣненскій уѣздъ, Могилевской губерніи. Опыты описанія въ геогр., историч., этнографич. бытов., промысл. и статистич. отношеніяхъ. Мог. 1907. 8°. 5+148 стр. карт. и рис.

Барацъ, Г. О библейско-агадическомъ элементѣ въ повѣстяхъ и сказаніяхъ начальной русской лѣтописи. Вып. I. Кіевъ. 1907.

Баронъ, Хр. и Виссендорфъ, Г. Латышскія народныя пѣсни. Томъ III, 2. Спб. 1906. 8°. 784 стр.

Бейлинъ, С. X. Странствующія, или всемірныя, повѣсти и сказанія въ древне-равнинской письменности. Иркутскъ. 1907. 8°. VI+353 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Васильевъ, Н. В. Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказителя въ былинахъ. Спб. 1907. 8°. 27 стр. (Отт. изъ «Изв. Отд. р. яз. и сл.», т. XII, кн. 2).

Верманъ, К. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Сомова. Т. II, вып. 6—9. Спб. 1907.

Воеводиный, Л. Е. (Запис.) 45 народныхъ старинныхъ пѣсень въ заводахъ Пермской губерніи. II. 1905. 8°. 2 стр. текста, 23 стр. нотъ. (Изд. Перм. Уч. Архив. Комиссіи).

Воронежская старина. Вып. VI. 305+129 стр. В. 1907.

Врадій, В. П. Оружейные и охотничьи промысловые предметы сибирскихъ музеевъ и сибирскихъ выставокъ. Спб. 1907.

Геттнеръ, А. Европейская Россія. Антропо-географическій этюдъ. Съ 21 картой. Перев. съ нѣм. Л. Д. Силицаго. Изд. Геогр. Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. М. 1906. 8°. 174 стр.

Гматюк, Володимиръ. (зібрав). Коломийки. Томъ III. («Етн. збірн. Науков. тов. ім. Шевченка», т. XIX). У Львові. 1907. 8°. 253 стр.

Головачевъ, П. М. Очеркъ заселенія Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1906.

Громовъ, А. А. Очеркъ научной дѣятельности проф. И. А. Шляпкина. Спб. 1907. 8°. 17 стр. и портретъ.

Даниловъ, В. Символика птицъ и растений въ украинскихъ похоронныхъ причитаніяхъ. Кіевъ. 1907. 18 стр. (изъ «Украины»).

Денисовъ, Андрей, ин. Исторія о отцѣхъ и 'страдальцѣхъ Соловецкихъ. М. 1907.

Записки Красноярскаго подотдѣла В.-С. отдѣла И. Р. Г. О. по этнографіи. Т. I, вып. 2. Томскъ. 1906. 8°. 6+290 стр. Ц. 3 руб. (Русскія и инородческія сказки Енисейской и Томской губерній, въ записяхъ Бондаря, Адріановой, Ермоленко, Гнетиева, Карбышевой, Булгакова, Потанина и экспедиціи Швецова).

Зачиняевъ, А. Къ вопросу о коломыйкахъ. Спб. 1907. 8°. 126 стр. (Отт. изъ «Изв. И. р. я. и сл. И. Ак. Н.»).

Зачиняевъ, А. Объ эпическихъ преданіяхъ Орловской, Курской и Воронежской губерній. Спб. 1906. 8°. 25 стр. (изъ «Изв. О. р. я. и сл. И. А. Н.»).

Извѣстія на Етнографическiя музей въ Софія. Книга I. С. 1907.

Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. (№ 40). Подъ ред. А. Маркевича. Симф. 1907. 115 стр.

Колесса, Ф. Ритмиа украинскихъ народныхъ пісень («Зап. наук. тов. ім. Шевч.») 1906.

Лялина, М. А. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшихъ временъ до начала XX столѣтія. Спб. 1908.

Маждракова, М. Библиография на славянска та филология и литература въ българския печатъ прѣзь 1905 и 1906 годъ. («Изв. на семинара по слав. фил. при у—та въ Софія», кн. II). С. 1907.

Малевицъ, С. Бѣлорусскія народныя пісни. Спб. 1907.

Марръ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Книга X. О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. Предварительный отчетъ. Спб. 1907.

Менделѣевъ, Д. Дополненія къ познанію Россіи. Посмертное изданіе. Спб. 1907.

Миллеръ, Всев. Татскіе этюды. Ч. II. Опытъ грамматики татскаго языка. («Труды по востоковѣднію, изд. Лаз. Инст. В. Я.», вып. XXVI). М. 1907. 8°. X+69 стр. Ц. 1 руб.

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія. Варшава. 1907. 8°. VI+239 стр. Ц. 2 руб.

Неслуховскій, Н. Карта великаго переселенія народовъ въ III, IV, V и VI вѣкахъ. Спб. 1907.

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ зап.-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ. 1907. IV+430 стр.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1906 г. М. 1907. 4°. 145 стр.

Парашневозъ, П. Погребальнiтѣ обычаи у болгаритѣ. («Извѣстія на семинара по славянска филология при университета въ Софія». Книга II). С. 1907.

Пекарскій, Э. Образцы народной литературы якутовъ. В. I. Спб. 1907. 80 стр.

Пекарскій, Э. Словарь якутскаго языка. Вып. I. Спб. 1907. 4°. 20 стр. + 320 табл.

Полянскій, М. Новгородская памятка для туристовъ. Новг. 1907. 16°. 512 стр. + 5 табл. рис.

Половъ, П. С. Китайскій пантеонъ. Съ 10 таблицами. («Сборн. муз. по антроп. и этногр. при И. А. Н.», VI). Спб. 1907.

Пришвинъ, М. М. Въ краю непуганыхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66 рисунками по снимкамъ съ натуры автора. Изд. Девриена. Спб. 1907. (? годъ не обозначенъ). 8°. VII + 200 стр.

Сергѣевичъ, В. И. Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка. (Изъ «Журн. Мин. Юст.»). Спб. 1907.

Симони, Павелъ. (Приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями). Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. Вып. II, 1. Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг. Съ 15-ю таблицами снимковъ съ рукописи XVII столѣтія. Спб. 1907, 8°. 29 стр. + XV табл.

Idem. Вып. VII, 1. Повѣсть о горѣ-злосчастіи. Съ портретомъ А. И. Пыпина, снимкомъ изъ Миней-Читыхъ и 22-ми снимками съ полного текста (по рукоп. XVIII в.). Спб. 1907. 8°. 88 стр. + 23 табл.

Смоленскій, Ст. О колокольномъ звонѣ въ Россіи. (Изъ «Русс. Муз. Газ.») 1907.

Флоринскій, Т. Д., проф. Славянское племя. Статистико-этнографическій обзоръ современнаго славянства. Съ прилож. 2 этнографическихъ картъ. Кіевъ. 1907.

Хлѣбниковъ, П. Х. Астрахань въ старые годы. I. Вторая половина XVI вѣка. Спб. 1907.

Шамбинаго, С. К. (Съ предисловіемъ). Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1907. 108 стр. + 74 табл. снимк.

Шмурло, Е. Русскіе и киргизы въ долині Верхней Бухтармы. Матеріалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края. Семипалатинскъ. 1907. 8°. 66 стр. («Зап. Семип. Подотдѣла З.-С. отдѣла И. Р. Г. О.» Вып. III).

Anthropological Essays presented to Edward Burnett Tylor in Honour of his 75—th Birthday. Okt. 2. 1907. Oxford. 1907. VIII + 416.

Archaeological Survey of Ceylon. Epigraphia Zeylanica. Being Lithic and Other Inscriptions of Ceylon, Vol. I. Parts II and III. Edited and Translated by Don Martine De Zilva Wickzemasinghe, Epigraphist to the Ceylon Government. Pp. 41—120. Oxford-Clarendon Press. 5 S. each part.

Beazley, C. Raymond. The Dawn of Modern Geography. Vol. III.

Oxford: Clarendon Press. 20 s. (Исторія путешествій по Азіи 1260--1420 гг.).

Becke, L. Notes from my South Sea Loy. London. 1905.

Breysig, Kurt. Die Geschichte der Menschheit. Die Völker ewiger Urzeit. Bd. I: Die Amerikaner des Nordwestens und des Nordens. M. 1. Völkerkarte. XXVII u. 563 S. Berlin, Georg Bondi.

Brown, J. Macmillan. Maori and Polynesian. XXXI+300 pp. London: Hutchinson. 63.

Budge, E. A. Wallis. The Egyptian Sûdân: its History and Monuments. 2 vols XVIII+652+618 pp. London: Kegan Paul. L. 2—23.

Chadwick, H. Munro. The Origin of the English Nation. 351 pp. Cambridge: Cambridge Archaeological and Ethnological Series.

Crum, W. E. Catalogue of the Coptic Manuscripts in the British Museum.

Dennett, R. F. At the Back of the Black Man's Mind. London: Macmillan. 10 S.

Eckenstein, Lina. Comparative Studies in Nursery Rhymes. London: Duckworth & Co.

Erdland, P. August. Wörterbuch und Grammatik der Marshall-Sprache nebst ethnographischen Erläuterungen und kurzen Sprachübungen. (Archiv für das Studium deutscher Kolonialsprachen. Bd. IV.) VI u. 247 S. Berlin, Georg Reimer.

Gatti, R. Studi sul Gruppo linguistico Andamanese-Papua-Australiano. Bologna: L. Beltrami.

Gurdon, Major P. R. T. The Khasis. With an Introduction by Sir Charles Lyall. XXVII+227 pp. Nutt. 7 s. 6 d. (Книга представляет первый томъ серии монографій о болѣе важныхъ племенахъ и кастахъ Ассама, издаваемой по инициативѣ В. Fuller'a и при содѣйствіи правительства Индіи. Майоръ Gurdon, являющійся редакторомъ всей серии, долго служилъ въ Ассамѣ и занималъ тамъ должность „superintendent of ethnography“. Въ книга описывается социальная организація Khasis, основывающаяся на материнскомъ правѣ, фольклоръ, религія, языкъ. Къ ней приложены фотографіи).

Hagen, Dr. B. Kopf-und Gesichtstypen ostasiatischer und melanesischer Völker. Stuttgart, F. Lehmann. 2°.

Hangi, A. Die Moslms in Bosnien u. der Gerzegowina, Ihre Lebensweise, Sitten u. Gebräuche. Ueb. v. H. Tauck Sarajewo. 1907.

Hartmann, E. Archaeological Researches on the Pacific Coast of Costa Rica. Mem. of the Carnegie Museum. Vol. III. N 1. 4°. Pittsburg. 1907.

Havell, E. B. Benares, the Sacred City: Sketches of Hindu Life and Religion. London: Blackie & Co. XIII+226 pp. 12 S. 6 d.

Hessler, C. Hessische Landes v. Volkskunde, B. T. 1 u. 3 Th. Marburg, Elwert 1906—07. B. II (Volkskunde) вышелъ въ 1904 г.

Jackson, A. V. Williams. Persia Past and Present. New-York.

Jacobson E. u. van Hasselt I. H. De Gong-Fabricatis te Samarong. Leiden Brill. 1907. Голландск текстъ, нѣм. пер.

Johnston, H. Liberia. Two vols. 28 plates. Appendices. Pp. XXVIII, 1—520; XVI, 521—1183. London: Hutchinson & Co. 42 s.

Johnson, J. P. The Stone Implements of South Africa. 53 pp. London, Longmans. 7 s. 6 d.

Koch-Grünberg, Dr. Theodor. Indianertypen aus dem Amazonengebiet. Nach eigenen Aufnahmen während seiner Reisen in Brasilien. Mit 100 Tafeln. Lichtdruck. Format 48×32 cm. In 5 Lieferungen. Preis jeder Lieferung 12 Mark. Berlin, Verlag von Ernst Wasmuth.

Koch-Grünberg. Südamerikanische Felszeichnungen. B. 1907.

Lang, Andrew. Homer and His Age. London: Longmans, Green & Co. Pp. XII+336, With 8 plates. 12 s. 6.

Leonard, Artur Glyn. The Lower Niger and Its Tribes. London, Macmillan. 12 s. 6 d.

Löhr, M. Volksleben im Lande der Bibel. Lpz. 1907. 134 s.

Machal, J. d. r. Bajesloví Slovanské. V. Proze. 1907. 16°. 176 s. (Души: почитаніе умершихъ предковъ; духи домовые; родъ, рожа-ница, доля, сръча; русалки; вилы; лѣсные духи; водяные духи; солнце, мѣсяцъ, звѣзды; божества: Свантовить, Триглавъ, Сварожичъ, Радегастъ, Чернобогъ; Перунъ, Дажбогъ, Хорсъ, Велесъ, Стрибогъ, Семорглъ, Мокошь, Троянь; Коледа; Святки, Купала и т. д.)

Maclin, H. W. The Brusses of England. 336 pp. Methuen. 7 s. 6 d.

Maugham, R. C. F. Portuguese East Africa. London, Murray. Pp. XII+340. 15 s.

Meakin, Amiette, Russia, Travels a. Studies. L. 1906.

Meinhof, Carl. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. 160 S. Berlin. Dietr. Reimer. 8 Mk.

Miller, Wsewolod. Beiträge zur ossetischen Etymologie. (Sonderabzug aus „Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Spach- und Altertums-Kunde“. XXI Band, 3 u. 4 Heft.) Strassburg. 1907. 8°. 323—334 s.

Mohl, P. Alex. v. d. Grammatik der Bant-Sprache von Tete mit Varianten der Sena-Sprache. Theoretischer und praktischer Theil. Krakau. 6 Mk.

Nachod, O. Geschichte van Japan. Erster Band. Erstes Buch: die Urzeit (bis 645 n. Chr.). Gotha. 426 S.

Notes analytiques sur les collections ethnographiques du Musée du Congo. Tome I, Fasc. II. La Religion. Brussels: Publiées par la Direction du Musée. Pp. 145—316. Pl. XXII—LXII.

O'Connoz. Folk-Tales from Tibet, with Illustrations by a Tibetan Artist, and some Verses from Tibetan Love-Songs. Collected and translated by Captain W. F. O'Connoz. VIII+176 pp. London: Hurst & Blackett. 7 s. 6).

Pessler, Willi. Das altsächsische Baurnhaus in seiner geographischen Verbreitung. Ein Beitrag zur deutschen Landes- und Volkskunde. Braunschweig, Vieweg & Sohn.

Pier, G. C. Egyptian Antiquities in the Pier Collection. Part I. 27 pp., XXI plates. Chicago. London: Luzac. 17 s.

Quiggin, E. C. A. Dialect of Donegal Pp. X+247. Cambridge 10 s.

Radloff, W. Ein uigurischer Text aus dem XII Jahrhundert. S.-Petersburg. 1907. („Изв. Ак. II.“).

Ramsay, W. M. Studies in the History and Art of the Eastern Provinces of the Roman Empire. Aberdeen, University Press. 20 s.

Rasmussen, Knud. Neue Menschen. Ein Jahr bei den Nachbarn des Nordpols. Aus dem Dänischen übersetzt von Elsbeth Rohr. Mit fünf Zeichnungen von Graf Harald Moltke und einem Porträt des Verfassers. VIII, 191 S. Berlin, Verlag, von A. Francke. 3 M. 60 Pf.

Rhys, John. The Celtic Inscriptions of France and Italy. (From the Proceedings of the British Academy, vol. II). 101 pp. Frowde. 7 s. 6 d.

Rivers, W. H. R. The Todas. With Illustrations. Pp. XVIII+755. London: Macmillan. 21 s.

Sarasin, Paul und Fritz. Reisen in Celebes. Ausgeführt in den Jahren 1893—1896 und 1902—1903. Mit 240 Abbildungen in Text, 12 Tafeln in Heliogravüre und Farben Druck, 11 Karten. Wiesbaden, 1905. 8°. I Band. XVIII+381 S. II Band. X+390 S.

Skeat, Walter William and Blagden, Charles Otto. Pagan Races of the Malaya Peninsula. Two volumes. Pp. XL+724; X+855. 42 s.

Stahr, H. Die Rassenfrage im antiken Aegypten. Kraniologische Untersuchungen an Mumienköpfen aus Theben. B. u. Lpz. 1907 (?) 164 S.

The Sculptures and Inscriptions of Darius the Great on the Rock of Behistûn in Persia. A New Collation of the Persian, Susian and Babylonian Texts, with English translations, & C. LXXIX+223 pp. The British Museum. 20 s.

Thiele, Dr. Ottomar. Über wirtschaftliche Verwertung ethnologischer Vorschungen. Mit besonderer Rücksicht auf die ökonomischen Beziehungen der Ethnologie zur Industrie. 7+55 S. Tübingen, H. Laupp'sche Buchhandlung. I M. 40 Pf.

Thompson, P. A. Lotus Land. Pp. XII+312. London: Werner Laurie. 16 s.

Thurston, Edgar. Ethnographic Notes in Southern India. Pp. VIII+580. Forty plates. Madras. 6 s. (Въ книгѣ широко использованы малодоступные европейскимъ ученымъ источники: переписныя данныя, мѣстные газеты, отчеты разнаго рода чиновниковъ, миссіонерскіе отчеты и т. д.; отчасти эти данныя пополнены личными наблюденіями. Книга состоитъ изъ трехъ большихъ статей и многихъ мелкихъ замѣтокъ; большія статьи посвящены:

брачными обрядами, погребальными церемоніями и магическими вѣрованіями и приемами).

Tschepe, P. A. Der Tai-schan und seine Kultstätten. Mit 35 Illustrationen. Yen-tschon-fu, Druck und Verlag der Katolischen Mission.

Wäber, A. Preussen u. Polen. Der Verlauf u. Ausgang eines zweitausendjährigen Völkergrenzstreites u. deutschslawischer Wechselbeziehungen, München. 1907. 391 s.

Walteis, H. B. History of Ancient Pottery—Greck, Etruscan and Roman. 2 vols. Pp. XXXVI + 504; XIV + 588. London: Murray 63s.

Westermann, Diedrich. Wörterbuch der Ewe-Sprache. I Theil Ewe-Deutsches Wörterbuch. 35 + 603 S. Berlin. Dietrich, Reimer.

Wilkinson, R. J. The Peninsular Malays—I Malay Beliefs 81 pp. London: Luzac.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при Отдѣлѣ Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1906—1907 годъ.

Предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла былъ поч. чл. *Вс. Θ. Миллеръ*, товарищемъ предсѣдателя непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, секретаремъ непр. чл. *В. В. Бодановъ*, бібліотекаремъ—д. чл. *Е. Н. Еленская*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 8 закрытыхъ засѣданій, изъ нихъ одно соединенное съ музыкально-этнографической комиссіей. На засѣданіяхъ слѣдующія 13 лицъ сдѣлали сообщенія:

1. *Вс. Θ. Миллеръ* (4 сообщенія): а) Кавказское языкознаніе въ связи съ вопросами древней этнографіи передней Азіи. б) Памяти В. В. Стасова. в) Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ. Гл. I. г) То же. Гл. II. и III.

2. *Н. А. Янчукъ*: Щербина какъ этнографъ.

3. *Н. В. Васильевъ*: Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказителя въ былинахъ.

4. *П. В. Гидуляновъ*: Провинціальное и этнографическое дѣленіе на востокъ Римской имперіи.

5. *Е. Э. Линева*: Мысли В. В. Стасова о народности въ музыкѣ.

6. *А. Н. Максимовъ*: Морганъ и Магъ-Леннанъ. Къ 25-лѣтію дня смерти.

7. *В. П. Мансикка*: Финскія параллели къ русской сказкѣ о трехъ сестрахъ.

8. *А. В. Марковъ* (два сообщенія): а) О методахъ изслѣдованія былинъ. б) Остатки естествознанія въ легендахъ объ иконахъ святыхъ.

9. *А. Л. Масловъ*: Значеніе В. В. Стасова для русской музыки.

10. *В. П. Налимовъ*: Загробный міръ по вѣрованіямъ зырянъ.

11. *А. С. Хахановъ*: Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе.

12. *Ю. Д. Этель*: Изъ личныхъ воспоминаній о В. В. Стасовѣ.

Въ отчетномъ году продолжалъ выходить журналъ «Этнографическое Обзорніе», вступившій съ 1907 г. въ 19-й годъ изданія.

Выдающимся событіемъ въ жизни Отдѣла за этотъ годъ было чествованіе исполнившагося 15 декабря 1907 года 25-лѣтія безземѣннаго предсѣдательства въ Отдѣлѣ поч. чл. Общества Вс. Ѳ. Миллера. Подробный отчетъ помѣщенъ въ предыдущей книгѣ «Этн. Обзорѣнія».

Состоящая при Этнографическомъ Отдѣлѣ *Музыкально-этнографическая Комиссія* въ 1906—07 году имѣла предсѣдателемъ непр. чл. Н. А. Янчука, товарищемъ предсѣдателя непр. чл. А. Т. Гречанинова, секретаремъ непр. чл. Е. Э. Линева, казначеемъ непр. чл. А. В. Маркова, бібліотекаремъ — чл.-сотруд. В. В. Пасхалова.

Комиссія въ отчетномъ году имѣла 6 засѣданій изъ нихъ одно, соединенное съ засѣданіемъ Этнографическаго Отдѣла, посвященное памяти В. В. Стасова. Кромѣ четырехъ сообщеній, посвященныхъ В. В. Стасову и указанныхъ въ отчетѣ Этн. Отдѣла, сообщенія сдѣлали еще слѣдующія лица:

1. Д. И. Аракчеевъ: а) О лирикахъ сѣвернаго Кавказа. б) Новые записи гурийскихъ пѣсень.

2. Н. А. Янчукъ: О рукописномъ сборникѣ народныхъ пѣсень и псалмъ музыканта Чарлицкаго (начала 19 го вѣка).

Комиссія принимала участіе въ слѣдующихъ юбилейныхъ торжествахъ: 1) 15-го декабря 1906 г. въ чествованіи 25-лѣтія предсѣдательства въ Этн. Отдѣлѣ В. Ѳ. Миллера, котораго Комиссія привѣтствовала адресомъ, 2) 27 января 1907 г. по случаю 25-лѣтія композиторской дѣятельности А. К. Глазунова, которому послано привѣтствіе телеграммой.

11 февраля 1907 г. состоялся устроенный Комиссіей 8-й этнографическій концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, при чемъ половина сбора поступила въ пользу 1-го Пятиницкаго Отдѣленія Дамскаго Попечительства о бѣдныхъ, а другая половина въ размѣръ 146 руб. зачислена въ издательскій фондъ Комиссіи.

На изданія Комиссіи получена отъ правительства спеціальная субсидія въ размѣръ двухъ тысячъ рублей.

Въ теченіе отчетнаго года Комиссія приступила къ печатанію одновременно 2-го и 3-го томовъ своихъ «Трудовъ». Во 2-й томъ входятъ научно-музыкальные матеріалы и изслѣдованія въ области русской и инородческой музыки, а также протоколы засѣданія Комиссіи; этотъ томъ печатается на казенную субсидію подъ ред. Н. А. Янчука и выйдетъ въ свѣтъ весною.

Томъ 3-й будетъ состоять изъ 2-хъ выпусковъ, при чемъ первый выпускъ займетъ «Элементарный учебникъ музыкальной ритмики», составленный покойнымъ членомъ Ю. Н. Мельгуновымъ, а также нѣкоторыя статьи по теоріи ритмики академика Ѳ. Е. Корша и Н. Д. Кашкина; во второй выпускъ войдутъ ритмическіе анализы европейскихъ музыкальных классиковъ, составленные Мельгуновымъ. Этотъ томъ печатается на средства члена Комиссіи П. Д. Самарина и подъ его редакціей; 1-й выпускъ скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Наконецъ, Комиссіей составленъ и печатается 2-ой выпускъ «Школьный сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень» (для старшаго возраста).

Поѣздки съ учеными цѣлями по порученію Этнографическаго Отдѣла въ отчетномъ году совершили слѣдующія лица:

1. *Владимиръ Александровичъ Гордлевскій*, находясь уже второй годъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи, работалъ по изученію іакегтовъ турецкаго языка, быта, вѣрованій и народныхъ произведеній турокъ и другихъ племенъ, не исключая русскаго, въ различныхъ вилайетахъ, а также исторія литературы и культуры турецкой націи. Эти научныя занятія были пополнены поѣздкой въ Западную Европу, преимущественно въ Парижъ.

2. *Александръ Ефимовичъ Крымскій* въ Звенигородскомъ уѣздѣ Киевской губ. работалъ по диалектологіи и этнографіи мѣстнаго населенія, а также занимался обработкой прежде записанныхъ имъ здѣсь матеріаловъ по тѣмъ же вопросамъ.

3. *Степанъ Кировичъ Кузнецовъ* продолжалъ свое изученіе черемисъ Вятской губерніи, преимущественно въ области вѣрованій и народнаго костюма. Имъ собраны и на этотъ разъ весьма цѣнныя коллекціи черемисскаго шитья, многія очень стараго происхожденія.

4. *Василій Петровичъ Налимовъ* въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ занимался изслѣдованіями и наблюденіями по антропологіи зырянъ въ Вологодской губерніи. Имъ изслѣдованы мѣста по р. Вычегдѣ отъ устья до Усть-Кулома и по р. Сысолѣ. По антропологіи имъ собраны антропологическія свѣдѣнія о 266 лицахъ. По этнографіи имъ собраны дополнителныя подробныя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ зырянъ, а также разспроснымъ путемъ и въ мѣстныхъ волостныхъ архивахъ свѣдѣнія по обычному праву, семейному быту, матеріальной культурѣ и др. Имъ сдѣланы также записки зырянскихъ сказокъ, пѣсенъ и другихъ народныхъ произведеній.

5. *Иванъ Тимофеевичъ Савенковъ* продолжалъ и въ отчетномъ году свои изслѣдованія по древнимъ надписямъ, чертежамъ и фигурамъ, находящимся на скалахъ береговъ Енисея въ предѣлахъ Алтая. Имъ найдены также интересныя предметы быта, въ томъ числѣ свадебныя кольца съ интереснымъ немѣстнымъ орнаментомъ.

70-лѣтній юбилей Ивана Егоровича Забѣлина недавно чествовался его почитателями. Отъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи юбиляру было прочитано привѣтствіе слѣдующаго содержанія:

«Знаменитому русскому историку Ивану Забѣлину въ знаменательный день исполнившагося семидесятилѣтія его государственнаго и научнаго служенія приносить свое челобитіе московскій кружокъ этнографовъ, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ его высокой личности и капитальнымъ трудамъ. Всѣмъ членамъ нашего Отдѣла, глубокоуважаемый Иванъ Егоровичъ, дорого Ваше имя, всѣ мы почерпали и почерпаемъ изъ вашихъ изысканій драгоценныя свѣдѣнія о бытовой старинѣ нашего отечества, о его «свичахъ и обычаяхъ»,

выступающихъ въ яркихъ картинахъ изъ-подъ Вашего высокоталантливаго пера. Всѣмъ намъ отрадна мысль, что въ самомъ сердцѣ Москвы, близъ стѣнъ древняго Кремля, въ зданіи Историческаго Музея, созданнаго во многомъ Вашими трудами, Вы, нашъ современникъ Пимень-лѣтописецъ, еще неустанно работаете надъ исторіей первопрестольной столицы. Да дастъ же Вамъ Провидѣніе довести до конца возводимый Вами памятникъ, который надолго сохранить Ваше имя въ потомствѣ, и пусть старческая многопотрудившаяся рука еще долго повинуется доброй и свѣтлой мысли во славу русской науки».

75-лѣтіе дня рожденія Эд. Тэйлора. Недавно исполнилось семьдесятъ пять лѣтъ со дня рожденія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ англійскихъ ученыхъ Эдуарда Бернета Тэйлора, родившагося 2 октября (н. ст.) 1832 г. Говорить много о значеніи его работъ не приходится; оно настолько велико, что никѣмъ не оспаривается. Шестидесять лѣтъ прошлаго столѣтія, вообще, представляютъ замѣчательную страницу въ исторіи этнографіи. Подъ вліяніемъ торжества въ наукѣ принципа эволюціи, интересъ къ изученію раннихъ моментовъ въ исторіи человечества пробудился въ небывалой до того степени, и цѣлый рядъ крупныхъ ученыхъ посвятилъ свои силы изученію первобытнаго человека и его культуры. Въ этой славной плеядѣ имя Тэйлора не только не затухало, но, наоборотъ, если бы мы захотѣли назвать *одного* ученаго, которому наша наука обязана больше всего, то такимъ скорѣе всего можно было бы назвать именно автора «Первобытной культуры».

Первоначально Тэйлоръ интересовался культурой древней Мексики и его первые работы «Anahuac, az Mexiko and the Mexikans», вышедшая въ 1861 г., посвящена этой странѣ. Но уже вслѣдъ затѣмъ онъ заинтересовался, вообще, первобытной культурой и въ журналахъ стали появляться его статьи на эту тему. Въ 1865 г. онъ издалъ книгу «Researches into the Early History of Mankind»; это, въ сущности, рядъ самостоятельныхъ этюдовъ, небольшихъ монографій по разнообразнымъ вопросамъ первобытной культуры: языкъ жестовъ, живописное письмо, каменный вѣкъ, добываніе огня, географическое распредѣленіе млекопитающихъ, кувада, экзогамія, ростъ и упадокъ культуры и т. д. и т. д. Не представляя изъ себя строго цѣльной работы, эти книги тѣмъ не менѣе сыграли значительную роль въ дѣлѣ изученія первобытнаго человечества. Здѣсь собранъ значительный фактическій матеріалъ, даны остроумныя и очень цѣнныя сопоставленія и впервые обращено научное вниманіе на многія явленія, которыя раньше если помѣщались то лишь въ видѣ курьеза. До сихъ поръ постоянно приходится встрѣчаться въ литературѣ съ указаніями, что первый обратилъ вниманіе на такое-то явленіе Тэйлоръ, а по нѣкоторымъ вопросамъ даваемый имъ подборъ фактовъ остается наиболѣе полнымъ. Эти книги вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ были переведены на русскій языкъ подъ редакціей проф.

Мюльгаузена. Но этого перевода, впрочем, не вполне удовлетворительного, давно уже нѣтъ въ продажѣ.

Черезъ шесть лѣтъ, въ 1871 г. появилась «Первобытная культура». Это не только главное произведеніе Тэйлора, но и одна изъ самыхъ замѣчательныхъ работъ, посвященныхъ первобытному человѣчеству. Тутъ одинаково приходится удивляться и громадному количеству фактовъ, и широкимъ обобщеніямъ, и замѣчательному умѣнію ориентироваться въ сложныхъ областяхъ психологіи. Въ концѣ концовъ это одна изъ тѣхъ немногихъ книгъ, чтеніе которыхъ не можетъ пройти безслѣдно даже для читателя, чуждаго извѣстныхъ научныхъ дисциплинъ. Она открываетъ настолько широкіе горизонты, что чтеніе ея безусловно необходимо для всякаго образованнаго человѣка. Специальныя науки давно уже восприняли выводы Тэйлора, и, конечно, теперь было бы совершенно невозможно не исходить изъ его построеній, говоря, напр., о первобытныхъ вѣрованіяхъ. «Первобытная культура» выдержала нѣсколько изданій и переведена почти на все европейскіе языки; по-русски она была издана дважды.

Третья изъ наиболее важныхъ работъ Тэйлора—небольшая журнальная статья «О методѣ изслѣдованія развитія учреждений», появившаяся въ 1888 г. Здѣсь онъ откликнулся на самый большой вопросъ современной этнографіи: недостаточную выработанность научныхъ методовъ, и даваемое имъ рѣшеніе несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередъ.

Съ большимъ вниманіемъ относился онъ всегда также къ задачамъ популяризаціи. Его «Антропология»—въ своемъ родѣ образцовая работа и какъ нельзя лучше доказываетъ, что истиннымъ популяризаторомъ можетъ быть только человѣкъ, вполне овладѣвшій предметомъ. Чтеніе университетскихъ лекцій въ Оксфордѣ онъ продолжаетъ и понынѣ и напр., въ 1907 г. онъ прочелъ цѣлыхъ три курса: «Раннія стадіи искусства и науки», «Расы человѣчества», «Антропологическія доказательства въ исторіи».

Друзья и поклонники Тэйлора издали въ честь его юбилея сборникъ «Anthropological Essays», содержащій въ себѣ рядъ статей по различнымъ вопросамъ исторіи культуры, характеристику Тэйлора, сдѣланную Эндрю Лэнгомъ, и подробный перечень книгъ и статей, написанныхъ Тэйлоромъ и прочитанныхъ имъ лекцій.

† Николай Карловичъ Зейдлицъ, извѣстный кавказовѣдъ, скоропостижно скончался на 77-мъ году жизни въ Тифлисѣ.

Покойный, сынъ талантливаго профессора Юрьевского Университета, прославившагося составленною имъ подробною біографіей Жуковского—родился 25 іюня 1831 года, въ Ригѣ и, по окончаніи Ревельской дворянской школы, слушалъ лекціи въ Юрьевскомъ Университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ солидныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, особенно ботаникѣ. Въ 1854—55 гг. онъ предпринялъ путешествіе по Восточному

Закавказью и сосѣдному Азербайджану, посвятивъ¹ изслѣдованію мѣстной флоры свою магистерскую диссертацию. На Кавказѣ онъ занималъ съ 1857 г. должность директора Царь-Абадской школы шелководства, потомъ состоялъ уполномоченнымъ по межеванію, въ 1875 г. былъ назначенъ членомъ-редакторомъ Бакинскаго, а спустя еще три года—главнымъ редакторомъ общаго Закавказскаго статистическаго комитета.

Въ этой должности онъ опубликовалъ много новыхъ интересныхъ матеріаловъ по географіи, этнографіи и статистикѣ Кавказа. При ближайшемъ участіи покойнаго, была составлена въ 1880 г. подробная этнографическая карта Кавказа и выпущенъ капитальный, въ 9 томахъ, *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ* (1873 г.). На ряду съ этимъ, перу Н. Е. Зейдлица принадлежали: *Списокъ населенныхъ мѣстъ Бакинской губерніи* (съ обстоятельнымъ историко-этнографическимъ обзоромъ этого края) и длинная вереница отдѣльныхъ статей по предметамъ географіи, естествознанія, акклиматизаціи животныхъ и растений на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Въ 60-хъ гг. покойный сотрудничалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и здѣсь, между прочимъ, появился его *Очеркъ южно-каспійскихъ портовъ и торисовъ*, вышедшій потомъ отдѣльною книгой. Подъ руководствомъ Н. К. Зейдлица, была исполнена обработка совершенной въ 1886 г. переписи населенія Закавказья (*Сводъ статист. данныхъ о населеніи Закавказья, 1894 г.*). Нужно также отмѣтить, что покойному принадлежалъ важный починъ плантацій китайскаго чая и акклиматизаціи евкалиптовъ и другихъ экзотическихъ растений въ окрестностяхъ Батума (на рѣкѣ Чаквѣ).

† Баронъ Рейнгольдъ Рейнгольдовичъ (Романъ Романовичъ) Штакельбергъ, профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, лишилъ себя жизни 21 дек. 1907 г. Смерть его поразила всѣхъ своей роковой неожиданностью.

Всегда привѣтливый и корректный, въ особенности въ годы прежняго жизнерадостнаго настроенія, да и въ послѣдніе дни меланхолическихъ самоуглубленій, покойный Рейнгольдъ Рейнгольдовичъ производилъ на всѣхъ впечатлѣніе чловѣка обаятельной личности, прекраснаго товарища и европейски-образованнаго ученаго.

Любимскій уроженецъ, отлично прошедшій курсъ въ феллиновской нѣмецкой гимназіи, высшее образованіе онъ получилъ въ стразбургскомъ университетѣ, удостоившемъ его степени доктора философіи за солидную диссертацию подъ заглавіемъ *«Beitrage zur Syntax der Ossetischen»* (1886 г.). Занимаясь въ Стразбургѣ подъ руководствомъ извѣстнаго оріенталиста проф. Гюбшмана санскритомъ, зендомъ, персидскимъ и армянскимъ языками, бар. Штакельбергъ, по возвращеніи въ Россію, продолжалъ заниматься главнымъ образомъ по древне-персидскому и осетинскому языкамъ. Въ 1891 г. онъ издалъ вмѣстѣ съ проф. В. О. Миллеромъ *«Fünf ossetischen Erzählungen in digorischen»*

Dialect», а черезъ три года послѣ этого онъ получилъ приглашеніе на кафедру персидской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, гдѣ вскорѣ завоевалъ общія симпатіи и профессоровъ-сослуживцевъ и студентовъ-слушателей. Въ Москвѣ проявилась во всю ширь его и ученая, и преподавательская дѣятельность. За короткій промежутокъ времени онъ опубликовалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рядъ цѣнныхъ работъ по персидской исторіи, литературѣ, религіи, лексикографіи. Въ *Древностяхъ Восточныхъ*, издаваемыхъ московскимъ археологическимъ Обществомъ, онъ напечаталъ изищно разработанное изслѣдованіе о персидскомъ романѣ «Висъ-о-Раминъ»; за нимъ послѣдовали его работы подъ заглавіями: «Персидское вліяніе на религію древнихъ армянъ», «О значеніи армянскихъ историковъ для изученія сасанидской Персіи», «Самыя черты въ народной религіи осетинъ» и пр. Одновременно онъ помѣщалъ въ нѣмецкихъ журналахъ, издаваемыхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, строго научныя *замѣтки* «Ossetica», «Iranica», «Persica», возвращаясь и къ вопросамъ о персидскихъ сказаніяхъ въ статьяхъ «Bemerkung zur persischen Sagengeschichte» и «Die iranische Schützensage». Научныя симпатіи его отличались какъ широтой, такъ и глубиной прилагаемыхъ имъ методовъ къ занимавшимъ его вопросамъ. Онъ интересовался вліяніемъ иранскихъ языковъ на финскіе языки («Финско-иранскія лексикальныя отношенія»); немало тонкихъ наблюденій онъ обнаружилъ въ области армянской филологіи, дѣлалъ удачныя вторженія и въ сферу грузинской этнологіи. И этотъ истинный жрецъ науки, одинъ изъ лучшихъ русскихъ иранистовъ, считавшійся въ первыхъ рядахъ европейскихъ ориенталистовъ, въ расцвѣтѣ своего таланта, на 48-мъ году своей жизни, пришелъ къ безотрадному убѣжденію, что «долге жить онъ не можетъ». Въ этихъ его предсмертныхъ словахъ слышатся мучительные отзвуки одиноко и замкнуто догорѣвшей жизни, заключительный аккордъ въ бессонный почти выношенной трагедіи. Перестало биться чудное и чуткое сердце подъ неотразимымъ натискомъ омраченнаго сознанія своего ненужнаго существованія и унесло въ могилу никѣмъ не раздѣленную душевную борьбу.

† Августъ Биленштейнъ, родившійся въ 1826 г., изслѣдователь латышскаго языка и доисторическихъ древностей Прибалтійскаго края, скончался недавно въ Митавѣ. Его перу принадлежатъ: «Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jahrhundert», «Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen (2 т. Берлинъ, 1863—64). Кроме того, онъ издалъ большое собраніе латышскихъ народныхъ пѣсень и «Tausend lettische Räthsel, übersetzt und erklärt» (Митава 1881). Многочисленныя статьи Биленштейна по латышскому языку и народовѣдѣнію напечатаны въ «Magazin der lettisch-literarischen Gesellschaft», редакторомъ котораго онъ состоялъ съ 1864 года.

Собрание сочинений С. В. Максимова (автора книги «Годъ на сѣверѣ и др.) переиздается товариществомъ «Просвѣщеніе», при чемъ въ газетахъ появилось извѣстіе, что редактировать изданіе будетъ В. В. Каллашъ. Въ редакціи «Этн. Обзоръ» имѣлись свѣдѣнія о неучастности г. Каллаша къ редактированію этого изданія.

О трудахъ Э. К. Пекарскаго по Якутскому фольклору. 29-го декабря 1907 года въ торжественномъ засѣданіи императорской академіи наукъ, между прочимъ, читался отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого (по историко-филологическому отдѣленію). Изъ внесенныхъ на конкурсъ въ числѣ другихъ сочиненій, признанъ достойнымъ золотой медали въ 250 рублей трудъ Э. К. Пекарскаго: «Словарь якутскаго языка». Выпускъ первый. Спб. 1907. Отзывъ объ этомъ трудѣ далъ академикъ К. Г. Залеманъ.

«Однимъ изъ важнѣйшихъ языковъ Восточной Сибири, говоритъ рецензентъ, слѣдуетъ признать якутскій, какъ въ виду его распространенія и примѣняемости на практикѣ, такъ и съ точки зрѣнія языковѣдѣнія, потому что этотъ языкъ представляетъ весьма интересный образецъ послоевня и полнаго присвоенія чужихъ элементовъ. Когда въ 1851 г. появилось образцовое изслѣдованіе академика О. Н. Бетлинга о языкѣ якутовъ, положившее основаніе сравнительному изученію тюркскихъ нарѣчій, то стало распространяться мнѣніе, будто бы этому языку суждено играть такую же роль въ тюркологіи, какою признается за санскритомъ въ индо-европейской сравнительной грамматикѣ. Открытіе орхонскихъ надписей опровергло это мнѣніе, тѣмъ не мѣнѣе, нельзя не считать весьма страннымъ упущеніемъ, что въ теченіе полувѣка довольствовались трудомъ Бетлинга, и никто болѣе не брался за научное изученіе якутскаго языка.

Въ 1881 г. судьба забросила въ Якутскую область еще молодого тогда Э. К. Пекарскаго, который сразу заинтересовался окружающими его инородцами и въ теченіе двухъ десятилѣтій, проведенныхъ имъ среди якутовъ, неустанно работалъ надъ усвоеніемъ языка якутовъ и изученіемъ духовной ихъ жизни, а потомъ былъ однимъ изъ участниковъ Якутской Экспедиціи, снаряженной въ 1894—96 гг. на средства И. М. Сибирякова. Плодомъ его трудовъ, поддерживавшихся сочувствіемъ и сотрудничествомъ мѣстныхъ дѣятелей, является наряду съ изданіемъ якутскихъ народныхъ преданій, «Словарь якутскаго языка», первый выпускъ котораго появился сперва въ Якутскѣ въ 1899 г., а въ исправленномъ и дополненномъ видѣ — весною истекающаго года, въ изданіи нашей Академіи. Это есть широко задуманный и методически обработанный настоящій thesaurus, для котораго использованы всѣ доступные автору рукописные и печатные источники, списокъ которыхъ занимаетъ болѣе 6 страницъ. О полнотѣ словаря можно судить уже по простымъ цифровымъ даннымъ: первая буквы а и ä, занимающія у Бетлинга 25 и 11 столбцовъ, возросли у Пекарскаго до 211 и 110

столбцовъ. И въ самомъ дѣлѣ, множество приводимыхъ примѣровъ, поговорокъ, загадокъ и объясненій бытовыхъ особенностей и мифологическихъ повѣрій якутовъ придаетъ этому словарю особую цѣнность не для однихъ только языковѣдовъ». (См. «Отчеты о дѣятельности Император. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1907 г., составленный академикомъ С. Ѳ. Ольденбургимъ и читанный въ публичномъ засѣданіи 29 декабря 1907 г., стр. 183—188).

Этнографическая выставка въ Петербургѣ, состоявшаяся съ 20 ноября по 24 декабря 1906 г. въ Академіи Наукъ, описана въ существенныхъ чертахъ въ «Землевѣдѣніи» въ 1906 г. кн. III—IV, стр. 143—145. Это была очередная выставка послѣднихъ поступленій Музея Антропологии и Этнографіи имени Петра Великаго при Академіи Наукъ. Между прочимъ, интересная коллекція музыкальныхъ инструментовъ, собранная Н. И. Воробьевымъ (всѣ варіаціи «кото» — японской лютни, ноты къ нимъ), также китайскіе музыкальные инструменты: духовые, щипальные, ударные, смычковые; китайскіе божества изъ «мяо»; коллекція того же Воробьева по Сіаму (буддизмъ, музыкальные инструменты, ткани, одежда, фарфоръ, серебро). Большой интересъ имѣютъ собранные Н. И. Васильевымъ коллекціи шаманскихъ принадлежностей (гробница тунгусо-якутскаго шамана, съ подробными деталями погребенія). Отъ В. И. Анучина поступила коллекція предметовъ быта остяковъ, а отъ Н. В. Жуrowsкого — коллекція по самоѣдамъ (много шаманскихъ предметовъ) и печорскимъ старообрядцамъ.

15-лѣтіе «Православнаго Благовѣстника». Въ истекающемъ году исполняется 15 лѣтъ существованія миссіонерскаго журнала «Православный Благовѣстникъ», издаваемого въ Москвѣ. Журналъ этотъ, имѣя главнымъ образомъ, въ виду миссіонерское дѣло въ Россіи, посвящаетъ не мало статей отечественной этнографіи. Миссіонеры сообщаютъ не мало интереснаго матеріала изъ жизни русскихъ инородцевъ, даютъ свѣдѣнія о ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ, бытѣ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ въ связи съ религіозными вѣрованіями. Отчеты миссіонерскаго общества, помѣщаемые въ названномъ журналѣ, также даютъ много свѣдѣній, касающихся инородческаго населенія въ Россіи.

Не перечисляя подробно этнографическихъ очерковъ «Православнаго Благовѣстника» укажемъ лишь на нѣкоторые, имѣющіе интересъ и напечатанные за послѣдніе два года: «Жрецы и совершители моленій у вотяковъ», свящ. Васильева, № 18. 1906 г.; «Извѣстія съ Алтая», свящ. Соколова и Постникова, № 2. 1907 г.; «Пасха въ Тундрѣ» № 8. 1907 г.; «Алханай», свящ. Добромыслова, № 16. 1907 г. Многія сообщенія настоятеля Обдорской миссіи игумена Иринарха знакомятъ съ жизнью на далекой сѣверной окраинѣ, съ бытомъ самоѣдовъ, съ трудами

по этнографіи братства св. Гурія, образовавшагося въ 1904 г. при Обдорской миссіи. При этомъ братствѣ открытъ этнографическій музей «Хранилище коллекцій по этнографіи инородцевъ Тобольскаго сѣвера», какъ необходимое поссбіе для изученія жизни инородцевъ. При Братствѣ устроена и библіотека, интересная, какъ «хранилище литературныхъ матеріаловъ о Тобольскомъ сѣверѣ». Подробныя свѣдѣнія какъ о музее, такъ и библіотекѣ сообщаетъ о. *Иринархъ* въ №№ 12, 18 за 1907 г. Дневники миссіонеровъ, работающихъ въ сѣверѣ, въ киргизской степи, въ Алтайскихъ горахъ, на далекой сѣв. восточн. русской окраинѣ полны этнографическихъ подробностей, живыхъ картинокъ изъ инородческой жизни, эпизодовъ, выставляющихъ характерныя черты инородцевъ. Въ виду всего вышесказаннаго, нельзя не признать за журналомъ «Православный Благовѣстникъ» значенія для русской этнографической литературы. (Е. Е.).

Черниговское Епархіальное Древлехранилище и состоящая при немъ церковно-археологическая коммиссія, организовавшаяся въ 1906 г., издали свой «Уставъ», въ которомъ опредѣляется цѣль ихъ: между прочимъ, собираиіе письменныхъ памятниковъ, предметовъ древняго искусства, археологич. древностей, историч. записокъ, писемъ и т. п.

Общество для изслѣдованія Приднѣстровья. Въ г. Сорокахъ, Бессарабской губ., учредилось новое учное общество, имѣющее цѣлью изслѣдовать области Приднѣстровья (въ частности Сорокского у. и прилегающей къ нему части Подолія) въ географическомъ, этнографическомъ, историко-археологическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ. Наименованіе его: «Сорокское Общество изслѣдователей Приднѣстровья». Новое общество задается цѣлью кромѣ своей спеціальной задачи содѣйствовать знакомству широкой публики съ исторіей, археологіей, бытовыми особенностями края, посредствомъ устройства публичныхъ лекцій, курсовъ, съездовъ, экскурсій, выставокъ, изданія популярныхъ сочиненій. Общество имѣетъ свою библіотеку и свой музей.

Международная ассоціація для историческаго, археологическаго, этнографическаго и лингвистическаго изслѣдованія центральной Азіи основалась недавно, въ силу постановленій международныхъ конгрессовъ оріенталистовъ въ Римѣ и Гамбургѣ. Подробныя свѣдѣнія о ней напечатаны въ «Землеведѣніи» 1906 г., кн. III—IV, стр. 147.

Союзъ изслѣдователей фольклора „F. F.“ За послѣднія десятилѣтія дѣятельность фольклористовъ и этнографовъ значительно разрослась, вслѣдствіе чего увеличивается съ каждымъ годомъ количество научнаго матеріала; послѣдній доставляется не только организованными обществами,

но и отдѣльными ревностными собирателями (dr. Рихардъ Воссидло, dr. Яковъ Гуртъ). Съ одной стороны накопленіе сырого матеріала желательно и цѣнно для изслѣдователя, какъ необходимое подспорье для этнографическихъ изученій, съ другой — это изобиліе дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ и дѣлаетъ невозможнымъ въ концѣ-концовъ свободное пользованіе собраннымъ матеріаломъ. Последнее обстоятельство создается вслѣдствіе того, что этнографическій матеріалъ находится въ разныхъ мѣстахъ и содержится въ рукописяхъ (часто каждая представлена однимъ лишь экземпляромъ), приходится прибѣгать къ помощи товарищей по научнымъ интересамъ, но это не всегда удобно и для послѣднихъ обременительно.

Въ виду всего вышеннеложеннаго проф. Гельсингфорскаго Унив. Карлъ Кропъ (Kaarle Krohn) и проф. Копенгагенскаго у-та Агнелъ Олрикъ пришли къ мысли образовать международный этнографическій союзъ въ цѣляхъ научной взаимопомощи. По ихъ плану этотъ союзъ прежде всего долженъ организовать правильныя занятія по списыванію, переводу и выборкѣ необходимаго матеріала изъ рукописей и печатныхъ трудно добываемыхъ изданій. Для выполненія этого первоначальнаго пункта основатели международного союза находятъ необходимымъ образованіе мѣстныхъ этнографическихъ кружковъ, которые могли бы исполнять роль посредниковъ между изслѣдователями фольклора всѣхъ странъ. Къ членамъ такихъ мѣстныхъ кружковъ могли бы обращаться члены союза съ просьбою объ отысканіи, списываніи и переводѣ требуемаго матеріала. Въ видѣ извѣстнаго обезпеченія необходимо установленіе небольшого членскаго взноса, уплачиваемаго однажды при вступленіи въ мѣстный этнографическій кружокъ. Должны быть установлены нѣкоторые условія во избѣжаніе злоупотребленій научнымъ матеріаломъ прежде всего при опубликованіи матеріала иностранныхъ собраний безъ особеннаго на это испрашиваемаго согласія. Отъ подобныхъ мѣстныхъ этнографическихъ кружковъ на первыхъ порахъ ничего не нужно требовать, кромѣ вышеуказаннаго посредничества при добываніи того или другого мѣстнаго этнографическаго матеріала. Интересъ къ дѣлу постепенно поведетъ къ тому, чтобы собрать этнографическій матеріалъ извѣстной мѣстности въ одномъ мѣстѣ, чтобы сгруппировать его по содержанію, составить каталоги, описи, указатели и т. д.

Союзъ мѣстныхъ обществъ могъ бы дажѣ имѣть вліяніе на научныя изданія этнографическаго матеріала; печатаніе на туземномъ языкѣ или нарѣчій необходимо для поддержанія интереса къ этнографическимъ занятіямъ; кромѣ того, нѣкоторый матеріалъ (особенно пѣсенный) необходимо долженъ быть издаваемъ на туземномъ языкѣ или нарѣчій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть присоединенъ рефератъ на общенаучномъ языкѣ. Наконецъ основатели международного этнографическаго союза проводятъ мысль о необходимости стремиться ввести этнографію въ кругъ университетскихъ научныхъ дисциплинъ (указываютъ на примѣръ Христіаніи и Копенгагена).

Приводимъ пункты устава международного этнографическаго союза.

§ 1. Имя союза обозначается буквами F. F. (Folklore Fellows, Folkemind-Forskere Fédération des Folkloristes, Folkloristischer Forscherbund).

§ 2. Союзъ преслѣдуетъ цѣль:

а) Сдѣлать изслѣдователямъ доступнымъ этнографическій (фольклористическій) матеріалъ различныхъ странъ и издавать каталоги такого рода собраній;

б) Издавать научнымъ образомъ этнографическій (фольклористическій) матеріалъ на легко доступномъ языкѣ или съ рефератами на таковомъ (при текстѣ на туземномъ языкѣ или нарѣчій).

§ 3. Черезъ посредничество союза могутъ быть доставляемы списки и переводы рукописей и малодоступныхъ печатныхъ изданій (такъ же какъ и выписки изъ нихъ), хранящихся какъ въ публичныхъ, такъ и въ частныхъ (по мѣрѣ возможности изъ этихъ послѣднихъ) собраній.

§ 4. Приобрѣтенный союзомъ матеріалъ долженъ быть употребляемъ лишь для научныхъ цѣлей, для иныхъ же (для опубликованія) лишь съ особаго на то разрѣшенія. Если будетъ затребованъ матеріалъ, который случайно необходимъ для научной работы въ своей странѣ, то посредникъ вправѣ задержать его на извѣстное время.

§ 5. Для каждой страны, которая вошла въ союзъ черезъ членовъ, должно быть учреждено мѣстное правленіе или назначенъ представитель, которые и заботятся о доставкѣ матеріала.

§ 6. При вступленіи въ союзъ членъ вноситъ 10 франк. для покрытія текущихъ расходовъ союза и для обезпеченія мѣстнаго правленія или представителя при исполненіи заказовъ.

§ 7. Сообщенія союза доставляются всеѣмъ членамъ безвозмездно. За списываніе легкочитаемыхъ оригиналовъ плата назначается 1 фр. за рабочій часъ (или за 1000 буквъ са. 0,35 фр.). За слѣченіе и отыскиваніе матеріала — 1½ фр. за 1 ч. Та же плата полагается за списываніе трудно читаемыхъ оригиналовъ и за переводы (NB за литературно обработанные переводы плата по соглашенію). Въ большихъ городахъ при значительныхъ разстояніяхъ и ограниченномъ доступѣ въ хранилища книгъ и рукописей должно быть установлено извѣстное вознагражденіе за необходимую потерю времени при исполненіи работы.

§ 8. Редакціонный комитетъ изъ трехъ лицъ публикуетъ сообщенія о рукописныхъ собраніяхъ и о мѣстѣ пользованія ими.

§ 9. Этотъ комитетъ долженъ давать свою подпись на публикаціяхъ, отвѣчающихъ цѣли союза. Первыми изданіями союза F. F. будутъ „Международная серія“ и „Сѣверная серія“; въ послѣднюю серію входятъ скандинавскій и финско-эстонскій матеріалъ. Новыя серіи могутъ печататься и издаваться съ помощью мѣстныхъ правленій (бюро) и редакціоннаго комитета.

§ 10. Редакціонный комитетъ долженъ быть избираемъ каждыя три года или на общемъ съѣздѣ или письменнымъ голосованіемъ; каждое мѣстное правленіе или представитель имѣютъ право одного голоса.

Подобнымъ же образомъ рѣшаются и измѣненія въ постановленіяхъ союза, при чемъ необходимо большинство двухъ третей голосовъ.

Въ составленіи этого устава участвовали: Аксель Олрикъ (Dansk Folkemindesamling. Kopenhagen) С. W. von Sydow (Ronneby, Schweden) и Карлъ Бронъ (Финляндія, Гельсингфорсъ). Предложенія о какихъ-либо измѣненіяхъ и извѣщенія объ основанныхъ мѣстныхъ кружкахъ должны быть отсылаемы къ именованнымъ лицамъ.

Изданія FF. Сѣверная серія I.

Monumenta Estoniae antiquae vel Thesaurus antiquus, carmina, sermones, opiniones, aliasque antiquioris aevi commemorationes Estonorum continens. Permultis sociis adjuvantibus collegit et edidit Dr. Jacobus Hurt. Pars prima: Carmina popularia. Volumen primum, secundum, tertium. Helsingforsiae, sumptibus et typis Societatis Litterarum Fennicae 1904—7. Всего LXXVIII+1920 (вст.)+393 (нѣм.)=2401 стр. больш. 8° формата. Цѣна 16+16+10=42 фр. За умѣренную плату 30 фр. (съ почтов. издерж.) разсылается эта книга членамъ союза „FF“ финскимъ мѣстнымъ правленіемъ (бюро) подъ бандеролью.

Изданіе „FF“ Сѣверная серія 2.

Hjalmar Thuren, Folkesangen paa Faeroerne (народныя пѣсни Фарарск. о-въ съ рефератомъ на нѣм. яз.). Kopenhagen 1907.

Эта книга также разылается членамъ союза „FF“ за умѣренную плату датскимъ мѣстнымъ правленіемъ.

Погребальныя статуэтки. А. Барзанни, фр. археологъ, открылъ въ Египтѣ около пирамиды Уна (Unas) нетронутую гробницу 5-го в. до Р. Х. По правую и по лѣвую сторону отъ входной двери найдена 401 погребальная статуэтка; онѣ сдѣланы изъ глины и покрыты голубой эмалью; кромѣ того, найдено 158 эмалированныхъ шаровъ, значеніе которыхъ не выяснено, и много золотыхъ амулетовъ.

Вновь открытыя греческіе папирусы. Въ Египтѣ найдены и обнаружены въ настоящее время папирусы, содержащіе въ себѣ болѣе 1,300 стиховъ греческаго поэта Менаандра, творца характерной комедіи. Изъ всего обширнаго репертуара этого писателя (болѣе 100 пьесъ) были извѣстны до сихъ поръ лишь незначительныя отрывки, такъ какъ въ XIV в. константинопольское монашество воздвигло гоненіе противъ «печестивыхъ» авторовъ, и сочиненія Менаандра были уничтожены. При раскопкахъ въ Египтѣ съ 1897 года попадались папирусы съ отрывками изъ сочиненій Менаандра, а въ іюлѣ 1905 г. Гюставъ Лео-бюръ, главный инспекторъ древностей при Хедивѣ египетскомъ, открылъ, при разломкѣ

дома одного феллаха, на глубинѣ одного метра, развалины древняго жилища въ 3 комнаты, и въ одной изъ этихъ комнатъ нашелъ большой глиняный кувшинъ со сватками папируса. Это были различныя дѣловые бумаги и 17 папирусовъ съ отрывками, весьма значительными, изъ Менандра, изъ его комедій: «Юный самосскій рабъ», «Третьейскій судъ», «Стриженная дѣвица».

Древне-египетскіе домики для душъ. *Флайндерсъ Петри* при раскопкахъ въ Рифѣ нашелъ многочисленныя экземпляры древне-египетскихъ домиковъ для душъ. Вылѣпленные изъ глины, съ различными архитектурными украшеніями, съ рядомъ покоевъ и внутренней обстановки, они возсоздаютъ типъ обыкновеннаго обывательскаго дома въ древнемъ Египтѣ. Подобныя домики ставились на могилахъ, въ нихъ клали пищу для усопшихъ. Душа, выходя изъ могилы, находила нужное ей жилище и пищу; мало того, въ домикахъ ставили вылѣпленные изъ глины модели столовъ, стульевъ, постелей и т. д. (Изображеніе см. въ «Illustrated London News» 13-го Іюля 1907).

(Globus).

Древнія китайскія зеркала. Въ Globus XCII. № 8 находимъ указанія на интересную работу Fr. Hirt'a въ Boas Memorial Volume, N. York. 1906 s. 208—256—о китайскихъ металлическихъ зеркалахъ. Трудъ Hirt'a основанъ исключительно на китайскихъ источникахъ. Нѣмецкому синологу удалось установить, что литыя бронзовыя зеркала принадлежатъ къ древнѣйшимъ издѣліямъ китайской индустріи. О нихъ упоминается еще въ 673 г. до Р. Хр. Кромѣ металлическихъ зеркалъ, для которыхъ дѣлали особый сплавъ изъ мѣди и цинка (для другихъ издѣлій: колоколовъ, копій, мечей и пр. сплавъ былъ другого состава), употребляли также зеркала изъ нефрита и полированнаго желѣза. Китайскія зеркала ввозились въ Японію; Hirt думаетъ также, что открытыя Вирховымъ при раскопкахъ на Кавказѣ металлическія зеркала были китайскаго происхожденія. Зеркала служили не только для цѣлей туалета. Они фигурировали и въ культѣ: напримѣръ, ими пользовались, какъ зажигательнымъ стекломъ, чтобы возжигать священный огонь. Ихъ носили на спинѣ, чтобы отогнать злыхъ духовъ. Съ подобной же цѣлью и въ настоящее время китайцы вѣшаютъ у кровати современнаго производства зеркало. Иногда зеркала бывають украшены надписями; древнѣйшее, извѣстное Hirt'у, относится къ XII в. Замѣчательно, что орнаменты на зеркалахъ не соотвѣтствуютъ остальному китайскому орнаменту; онъ появляется лишь послѣ похода генерала Чанъ-Кіана (126 г. до Р. Хр.) въ Западный Туркестанъ и въ Бактрію. Орнаментъ въ видѣ виноградной лозы также вноземнаго—эллинскаго происхожденія.

Къ изученію цыганъ. Съ іюля 1907 г. вновь возродился прекратившійся въ 1892 г. спеціальныя органъ для изученія цыганъ—Journal

of the Gypsy Lore Society. Журналъ издается въ Ливерпуль. (Hope Place, 6). Предсѣдателемъ названнаго Общества состоитъ много потрудившійся на поприщѣ изученія цыганъ—Dav. Mac Ritchie. Появление Journal of the Gypsy Lore Society, первый номеръ котораго отличается богатствомъ содержанія, является весьма желаннымъ — въ виду того особенно, что цыгане, какъ показываютъ новѣйшія наблюденія, постепенно начинаютъ ассимилироваться съ другими народами и утрачивать свой языкъ, вырождающійся въ жаргонъ.

(Globus).

Возрожденіе еврейскаго языка. Интересный образчикъ возрожденія національнаго, повидимому, уже отжившаго языка, представляетъ стремленіе снова пустить въ обиходъ, въ качествѣ разговорнаго языка литературный языкъ еврейскій. Результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи, приведены въ статьѣ Dr. Metmann'a: Die hebraische Sprache in der Gegenwart—Ztsch. für Demographie der Juden. 1907 s. 120. Возрожденіе еврейскаго языка началось въ 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Въ Палестинѣ возникли союзы для оживленія іудейскаго языка. Многие еврейскіе писатели пишутъ уже на своемъ языкѣ. Между ними есть туристы, признающіе лишь древній языкъ—и новаторы, вводящіе международныя слова. Въ новый языкъ взято много словъ изъ польско-еврейскаго жаргона; наоборотъ, изгоняютъ руссизмы и германизмы. Въ стихахъ представители этого новаго націоналистическаго направленія мѣняютъ сложеніе и вводятъ риму. Въ Палестинѣ еврейскій языкъ все больше входитъ въ употребленіе въ разговорѣ — и, какъ надѣется Dr. Metmann, онъ будетъ введенъ и между евреями въ европейскихъ странахъ.

(Globus).

Нъ изученію нѣмецкаго сѣвера. Въ Гамбургѣ въ сентябрѣ 1907 г. открылось новое общество, называющееся Deutscher Heidebund. Оно объединяетъ всѣхъ любителей сѣверной части Германіи, извѣстной подъ именемъ Die Heide: людей науки, писателей, художниковъ, этнографовъ. Цѣлью общества является всестороннее изслѣдованіе этой области и сохраненіе нижне-саксонской старины и народнаго достоянія. Въ апрѣлѣ 1908 г. выйдетъ первый № органа общества: «Die Heide» (Hamburg, 24, verl. C. V. Lange).

(Globus).

Нѣмецкія этнографическія экспедиціи. «Globus» отмѣчаетъ слѣдующія экспедиціи, въ текущемъ году направляющіяся въ нѣмецкія колоніальныя владѣнія съ этнографической цѣлью. Экспедиція Dr. Stephan'a Dr. O. Schlaginhaufen'a и E. Walden'a на арх. Бисмарка. Туда же отправляются, самостоятельно, Dr. Sapper и Friederici. Въ южный Камерунъ ѣдетъ Günther Tessmann по порученію Любекскаго Этнографическаго Музея и Берлинскаго Зоологическаго Музея для этно-

графическихъ и зоологическихъ изслѣдованій. Къ народу былъ командированъ Ankermann Берлинскимъ Этнографическимъ Музеемъ.

Въ центральную Америку и Мексику, въ далекую и длинную экспедицію, въ октябрѣ 1907 г. отправился ассистентъ Берлинскаго Этнографическаго Музея Dr. W. Lehmann. Планъ его занятій слѣдующій. Прежде всего онъ приступитъ къ раскопкамъ въ плоскогорьяхъ, населенныхъ въ прежнее время племенемъ guetar и на п-овѣ Никойя. Далѣе въ Панамаѣ путемъ раскопокъ будетъ изслѣдована область, населенная прежде племенами чирики, и остатки культуры койба. Вместе съ тѣмъ Леманъ надѣется спасти остатки самобытнаго и исчезающаго племени индѣйцевъ гуатузо. Здѣсь будутъ имъ произведены антропологическія, этнографическія и лингвистическія изслѣдованія. Леманъ стремится опредѣлить распространеніе мексиканскихъ элементовъ въ Никарагуа и Никойю. Въ Сальвадорѣ и Гондурасѣ онъ попытается опредѣлить область распространенія майя. Леманъ собираетъ также изучить архивъ и бібліотеки Мексики и Центральной Америки, т. к. есть основаніе предполагать, что въ нихъ можно найти еще неизвѣстныя цѣнныя рукописи.

(Globus).

Вымирающія племена Патагоніи описаны Хэтчеромъ (Hatcher), изслѣдовавшимъ ее въ 1896 — 1899 гг. и теперь описавшимъ. Это — тагуэльчи (всего около 500 чел.), онасы (Onas), алакулофы и яганы (близки къ полному исчезновенію). (Подробности въ «Землеводѣніи», 1906, III—IV, 157—159).

О племени индѣйцевъ паэсъ (paéz) въ южно-американской Колумбіи, малоизученномъ, Henry Pittier de Fabrega написалъ монографію, напечатанную въ Memoirs of the American Anthropological Association. (v I. p. 5. Lancaster, Pa. 1907).—Pittier составилъ интересный грамматическій очеркъ языка паэсовъ — первый подобный опытъ, если не считать неудачную попытку въ Nociones gramaticales, 1877; онъ дополнилъ также словарь этого языка, что касается физическихъ признаковъ, Pittier отмѣтилъ своеобразный запахъ, выдѣляемый кожей туземцевъ. Запахъ этотъ имѣетъ у испанцевъ специальное названіе — sahín'o — и напоминаетъ запахъ, распространяемый мѣстной породы кабанами (Dicotyles). Паэсы обладаютъ прекрасно развитою наблюдательностью; у нихъ существуютъ названія для большинства растений и насѣкомыхъ, что, какъ извѣстно, не встрѣчается у крестьянъ европейскихъ странъ. Въ настоящее время индѣйцы паэсъ обитаютъ 34 деревни; населенія ихъ стоятъ посреди полей съ кукурузой и плантаціей сахарнаго тростника. Они охочаются умѣемъ строить мосты изъ бамбука, которые они перекидываютъ смѣло черезъ стремительные потоки.

(Globus).

О. Бали (Мал. Зондскій архипелагъ) до недавняго времени оставался мало изслѣдованнымъ въ этнографическомъ отношеніи. Тогда какъ на сосѣднихъ островахъ исламъ побѣдоносно вытѣснилъ языческую религію, на о. Бали туземное населеніе до сихъ поръ исповѣдуетъ древнюю религію—шивазизмъ. Голландскій художникъ Nieuwenkamp нѣсколько разъ посѣтилъ Бали и вывезъ оттуда богатые этнографическія коллекціи. Онѣ были выставлены лѣтомъ 1907 г. въ Лейденскомъ Музеѣ. Подробный каталогъ къ собранію Нювенкампа составленъ на нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ Dr-а Н. Н. Jugnboll (Leiden, E. C. van Doesburgh, 1907). Каталогъ снабженъ таблицами и представляетъ драгоценный источникъ для знакомства съ этнографіей Малайскаго архипелага.

(Globus).

Нѣсколько преданій и мифовъ туземцевъ Адмиралтейскихъ о-въ, такъ наз. **моану**—доставленныхъ миссіонеру Мейеру (Meier) однимъ изъ крещеныхъ туземцевъ, помѣщены въ журн. „Anthropos“ (1907, Н. 4—5). Мифы приведены на языкѣ моану съ подстрочнымъ переводомъ.

(Globus).

Дѣтская игра lufambo. Въ Globus, В. ХСII. № 14 (1907). Dr Krauss приводитъ въ рисункахъ и объясненіяхъ игру, очень распространенную среди дѣтей африканскаго племени ваками (Вост. Африки). Игра—называется она lufambo,—состоитъ въ томъ, что посредствомъ веревочки, накинутаго на пальцы рукъ и ногъ, на шею, а также взятой въ ротъ, изображаютъ разныя фигуры: напр. сѣть для лова дичи, дерево съ вѣтвями и корнями, постель и пр. Значеніе фигуръ, получаемыхъ во время игры въ веревочку, для изученія орнамента и его смысла у малокультурныхъ народовъ, было уже отмѣчено нѣмецкими этнографами.

Премія соликамскаго земства. Соликамское уѣздное земское собраніе XXXVII очередной сессіи, принимая во вниманіе общераспространенное мнѣніе о *вымирании инородцевъ-пермяковъ Иньвенскаго края* и имѣя въ виду ненормальный фактъ непрекращающихся среди нихъ эпидемій, постановило: въ цѣляхъ выясненія причинъ столь бѣдственнаго положенія цѣлаго инородческаго края учредить премию въ 2,000 руб., для выдачи таковой по конкурсу за лучшее сочиненіе, посвященное всестороннему обследованію и изученію жизни иньвенскихъ пермяковъ, назначивъ срокъ для представленія сочиненій пять лѣтъ.

Объ этомъ соликамская земская управа, въ исполненіе постановленія собранія, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, присовокупляя, что сочиненія на соисканіе преміи будутъ приниматься ею до 1-го сентября 1912 г., послѣ чего приемъ сочиненій будетъ прекращенъ. Объ условіяхъ и порядкѣ подачи сочиненій, разсмотрѣнія и оцѣнки ихъ и присужденія преміи будетъ объявлено особо.